

РОССИЯ и БОРЬБА ГРЕЦИИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

Г. Л. Ари

*от
Екатерины II
до
Николая I*

Очерки

inслав

*Посвящаю моей жене
с любовью и благодарностью*

ΑΚΑΔΗΜΙΑ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΡΩΣΙΚΗΣ ΟΜΟΣΠΟΝΔΙΑΣ
Ινστιτούτο Σλαβικών Σπουδών

Γκριγκόρι Λ. Αρς

Η ΡΩΣΙΑ
ΚΑΙ
Ο ΑΓΩΝΑΣ ΤΩΝ ΕΛΛΗΝΩΝ
ΓΙΑ ΑΠΕΛΕΥΘΕΡΩΣΗ
ΑΠΟ ΤΗΝ ΕΠΟΧΗ
ΤΗΣ ΜΕΓΑΛΗΣ ΑΙΚΑΤΕΡΙΝΗΣ ΕΩΣ
ΤΟ ΝΙΚΟΛΑΟ Α΄.

Δοκίμια

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Г. Л. Арш

РОССИЯ
и
БОРЬБА ГРЕЦИИ
ЗА
ОСВОБОЖДЕНИЕ:
*от Екатерины II
до Николая I*

Очерки

МОСКВА «ИНДРИК» 2013

УДК 94(495) "18/19"

А 89

Г.Л. Арш.

Россия и борьба Греции за освобождение:
от Екатерины II до Николая I. Очерки. —
М., «Индрик», 2013. — 280 с., ил.

ISBN 978-5-91674-268-8

В исследовании рассматриваются русско-греческие отношения последней трети XVIII – первой трети XIX в., связанные с историей борьбы Греции за освобождение. Некоторым из этих вопросов были посвящены ранее опубликованные статьи автора, однако здесь они воспроизведены в дополненном и измененном виде. Источниковой базой исследования являются российские архивные материалы, российская и иностранная литература, в том числе греческая. В приложении к работе публикуются некоторые документы по теме исследования.

ISBN 978-5-91674-268-8

© Текст, Арш Г.Л., 2013

© Оформление,

Издательство «Индрик», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7	—
Российские эмиссары в Пелопоннесе накануне Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.	11	5
О Греческом проекте Екатерины II	35	
Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов	53	
Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море: попытка освобождения Греции (1788–1792)	73	
Греческие колонии Новороссии и их роль в национальном освобождении Греции (конец XVIII — первая четверть XIX в.) ..	97	
Греческий флот под защитой российского флага	115	
Александр Ипсиланти и его взаимоотношения с правительством России	131	
Россия и Греческая революция 1821–1829 гг.	161	
Русские моряки в Наваринском сражении	177	
Российская эскадра адмирала П.И. Рикорда в Греции (1828–1833)	187	
Установление русско-греческих дипломатических отношений (1828–1833)	215	
Мнения русских современников об Иоанне Каподистрии ...	227	

Приложение

I. [А. Джика] Желания греков к Европе христианской . . .	239
II. Манифест Ламброса Кацониса	251
III. Письмо А.Ипсиланти Александру I от 24 февраля (8 марта) 1821 г. о его решении возглавить освободительное восстание греков	258

Источники и литература

—	Архивные источники	261
6	Опубликованные источники и литература	262
	Указатель имен	269
	Указатель географических названий	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национально-освободительное восстание греков в 1821 г., вызванное им филэллинское движение, охватившее многие страны Европы и США, гибель Байрона в Греции, Наваринская битва, русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский мир — хрестоматийные события не только новогреческой, но и мировой истории.

Между тем, Греческая революция 1821–1829 гг. не сводится к этим событиям; она была заключительным этапом большого общественно-политического движения — национального Возрождения, начавшегося во 2-й половине XVIII в. и охватившего все сферы греческой жизни: политику, экономику, культуру. Движение это самым тесным образом было связано с Россией, чьи духовные и политические отношения с Грецией со времен средневековья были весьма тесными. Эти отношения, начиная с XVIII в., были предметом ряда моих книг и многих статей¹. Исследования мои в этой области продолжают и по сей день. Некоторые из них, в дополненном и уточненном виде, включены в настоящий труд. Тематически и хронологически они охватывают период от правления Екатерины II, когда участие России в процессе национального возрождения Греции было преобладающим, до времен Николая I, когда позиции России в Греции, несмотря на ее большую роль в завоевании независимости этой страны, сильно ослабли. В труде отражены некоторые важные, с моей точки зрения, вопросы русско-греческих взаимоотношений и взаимодействия последней трети XVIII — первой трети XIX в.

¹ См.: *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970; *Idem.* Иоанн Каподистрия в России. М., 2003; *Arš G., Svolopoulos C. Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite (1816–1828) Thessaloniki, 1999.*

Следует сказать, что этот период был по-настоящему звездным периодом в истории русско-греческих отношений. В результате Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. установились тесные связи России с политическими силами Греции. О некоторых важных аспектах этих отношений, возникших после и в результате Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., и пойдет речь в данном труде. Рассматривается учреждение в Греции широкой сети российских консульств. Большое внимание уделяется т.н. Греческому проекту Екатерины II, который обеспечил бы освобождение Греции в монархическом варианте. Поощренные филэллинской политикой Екатерины II греки в 1792 г. сами под руководством Ламброса Кацониса предприняли попытку освобождения своей страны. Важным следствием русско-турецких войн второй половины XVIII в. стала значительная греческая эмиграция в Россию и основание на побережье Черного моря цепи греческих колоний. Этот факт имел, в свою очередь, важные экономические и политические последствия, среди которых – основание в России в 1814 г. тайной греческой национально-освободительной организации Филики Этерия. В России нашли убежище и будущие видные руководители Греческой революции 1821–1829 гг. Александр Ипсиланти и Иоанн Каподистрия. Значительное внимание уделено и отношению России к Греческой революции, в частности, участию русского флота в Наваринской битве 1827 г. и последующим операциям эскадры П.И. Рикорда у побережья Греции.

Половина публикуемых очерков в той или иной мере относится к периоду правления Екатерины II. Следует сделать по этому поводу небольшое разъяснение. Эта бывшая немецкая принцесса правила в России как выразительница прежде всего интересов российского дворянства.

Она закрепостила многие тысячи крестьян, сослала в Сибирь А.Н. Радищева, писавшего о тяжелом положении крепостных. Кстати отметим, что этот непримиримый враг крепостничества был и врагом османского порабощения, о чем свидетельствует и публикуемый в приложении к данной книге перевод произведения «Желания греков к Европе христианской», одним из авторов которой был Радищев². Следует заметить, что и сама Екатерина была убежденной сторонницей освобождения балканских христиан, в первую

² См.: Приложение I.

очередь греков, от османского ига. Правда, главной целью двух войн, которые она вела против Османской империи было не это освобождение, а выход к Черному морю, овладение плодородными землями Причерноморья. Хотя освобождения Греции добиться не удалось, но в рамках Османской империи Россия добилась признания права покровительства грекам, а в рамках русского государства они получили большие льготы и привилегии, что способствовало успешному развитию их борьбы за освобождение.

Книга состоит из очерков, посвященных этим проблемам. При включении в труд конкретного очерка автор учитывал разработанность затронутой в нем проблемы в историографии³, возможность внести свой, хотя бы минимальный, вклад в научное изучение русско-греческих отношений в эпоху греческого национального Возрождения. На некоторые из возникших в этой связи вопросов можно было дать ответ только посредством привлечения материалов из различных архивов бывшего СССР и России. Ценнейший материал почти по всем исследуемым проблемам я нашел в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве. Это первоклассный и, как правило, мало использовавшийся ранее материал: консульские и посольские донесения, записки и сообщения неформальных агентов, обращения и петиции греческих общин, индивидуальных лиц и т.п. Если к этому добавить, что до 1821 г. дипломатические представители России и Греции были, по большей части, по национальности греками, то можно утверждать, что эти материалы представляют собой своего рода национальный архив Греции.

Над материалами АВПРИ я работаю больше полувека и всё это время неизменно получаю помощь и содействие от работников архива. Хочу особенно отметить помощь, оказанную в поиске необходимых материалов, со стороны

³ С этой точки зрения я не считал необходимым затрагивать тему о роли России в истории Республики Семи Соединенных островов, первого греческого государства Нового времени, так как она разработана детально, с привлечением всех основных источников, в трудах А.М. Станиславской. См.: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976; *Idem.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1989. См. также: *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 95–99.

В.И. Мазаева (которого, к сожалению, уже нет с нами) и С.Л. Туриловой. Хочу искренне поблагодарить и Ю.А. Пузырей, которая не только проделала огромную работу по компьютерному набору текста книги, но и произвела всю необходимую корректорскую правку. В заключение выражаю благодарность высококвалифицированному коллективу отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН за поддержку при подготовке труда, за высказанные пожелания и замечания. Особенно я благодарен Н.Г. Струниной за подготовку указателей к моей книги.

РОССИЙСКИЕ ЭМИССАРЫ В ПЕЛОПОННЕСЕ НАКАНУНЕ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1769–1774 гг.

18 февраля (1 марта) 1770 г. небольшая русская эскадра впервые появилась у берегов Греции, в порте Витуло (Итило), в области Мани. В период османского господства область эта фактически была неподвластна туркам, и маньюты встретили русских моряков с большой радостью. Они целый день палили из ружей и пистолетов и произвели салют русскому флагу из нескольких старых орудий. Прибытие русской эскадры стало сигналом к освободительному восстанию, охватившему вскоре всю Морею* и распространившемся и на другие области Греции. Восстание это, поддержанное русскими силами, потерпело поражение. Но вслед за ним последовала блестящая победа русского флота в Чесменской битве. Успешные операции русского флота в эгейских водах, естественно, получили гораздо большее освещение, чем предшествовавшие им неудачные операции греко-русских сил на земле Греции. Но операции эти достойны внимания не только как неотъемлемая часть Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., но и как важная страница в истории Греции.

В этой связи заслуживает специального рассмотрения вопрос о связях, установленных правительством России с политическими силами Греции накануне 1770 г. Нельзя сказать, что этот вопрос остался совершенно вне поля зрения исследователей. Большое внимание Архипелагской экспедиции уделил выдающийся русский историк С.М. Соловьев. В своем труде «История России с древнейших времен» он упоминает о миссии российских эмиссаров Г. Папазоли и М. Саро, посланных Г.Г. Орловым в Грецию в 1763 г. Называется здесь и некто

* Это название, употреблявшееся до национального освобождения Греции, используется здесь как синоним названия «Пелопоннес».

И.И. Петушин, посланный Екатериной II в Грецию в 1769 г. для подготовки здесь антитурецкого восстания¹. Все историки, писавшие об Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., ограничивались в этом контексте повторением сведений, приведенных С.М. Соловьевым. Это относится и к работе академика Е.В. Тарле, впервые опубликованной в 1945 г. и до сих пор являвшейся наиболее авторитетным исследованием о дальнейшей экспедиции российского флота². Между тем документы, обнаруженные недавно в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), позволяют дополнить и скорректировать имеющиеся сведения о деятельности российских эмиссаров в Пелопоннесе накануне Архипелагской экспедиции А.Г. Орлова. Важнейшим из этих новых документов является записка, представленная, по-видимому, в конце 1768 г. греком Иоанном Палатино первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел Н.И. Панину по его требованию.

Эта записка опубликована в приложении к недавно вышедшему капитальному труду об Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг.³ Опираясь на этот и другие документы, авторы весьма основательно исследовали и деятельность российских эмиссаров в Греции по подготовке экспедиции. Ранее и нами была опубликована статья, где была использована указанная записка⁴. Однако тема эта требует дальнейшего исследования с привлечением дополнительных источников.

Как уже говорилось, в 1763 г. фаворит Екатерины II генерал-фельдцейхмейстер (главнокомандующий артиллерией) Г.Г. Орлов послал в Грецию двух эмиссаров — греческого купца из Петербурга М. Саро и артиллерийского поручика Г. Папазоли. В своем отчете, представленном в мае 1765 г., Саро писал, что они были посланы в Грецию «к спартанскому народу». Здесь

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. 14. Т. 27–28. М., 1994. С. 272, 291, 298.

² Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Тарле Е.В. Соч. в 12 т. Т. 10. М., 1959. С. 22.

³ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 38–55. Публикация записки Палатино: с. 483–494. Архивный текст записки: АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 216. 1776–1795. Д. 5644. Л. 105–114.

⁴ Ариш Г.Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 годов // Новая и новейшая история. М., 2010. № 6.

следует пояснить, что «спартанцами» с гордостью называли себя жители горной области Мани (Майна) на юге Пелопоннеса, расположенной недалеко от тех мест, где находилась древняя Спарта. Они, как писал Саро, «хотя и живут в турецком владении, но совсем им не покорны». Посланцы России должны были «пригласить их, дабы они в случае с турками войны были против их»⁵.

В конце 1763 г. Папазоли и Саро прибыли в Венецию. Папазоли решил найти здесь надежного человека, который помог бы им в осуществлении возложенной на них миссии. Он нашел его в лице греческого купца Иоанна Палатино, уроженца Кефаллинии — одного из греческих островов, подвластных тогда Венеции.

Предоставим теперь слово самому Палатино. В уже упоминавшейся его записке Панину он сообщил, что Папазоли предъявил ему грамоту, якобы за подписью Екатерины II, на греческом языке, обращенную к жителям горных краев Балкан — Мани, Химары и Черногории. В изложении Палатино в грамоте говорилось, что «Ея Императорское Величество, ревнуя о благочестии, желает стениящий под игом варварским православной народ избавить, посылает от себя ево, Папазола, чтоб уверил о всевысочайшей к ним милости и покровительстве, а притом изведаль бы о желании и состоянии сих народов». Высочайший манифест произвел на Палатино большое впечатление, и он решил оказать поддержку Папазоли в осуществлении его миссии, о чем русский эмиссар очень его просил. Палатино весьма эмоционально описывает принятое им решение и его мотивы: «Имевшие, хотя малое с греками обхождение, довольно ведают, с какою ревностию, усердием и любовью сей народ стремится к Всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатину, слыша толь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которая только можно было вообразить опасности, и приступить к тому всеохотно».

Опасности же Палатино и его новых товарищей ожидали немалые. В Средиземном море свирепствовали тогда пираты, и судно Палатино на пути в Грецию подверглось нападению двух триполитанских пиратских кораблей. По совету Палатино, Папазоли выбросил тогда в море все имевшиеся в него

⁵ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10–11. Именно этот документ, с небольшими отклонениями от текста, и цитирует С.М. Соловьев.

бумаги. Папазоли также попросил Палатино отдать ему свой австрийский паспорт, который обеспечил бы его безопасность. «Жалость и предстоящая гибель, в которую Папазол бы себя ввергнул, — вспоминал Палатино, — убедили исполнить плачевную его прозбу тем паче, что естли бы варвары дознались, что он — российский офицер и намерение поездки его открыли, произвело б не токмо великое смятение, но нанесло б неповинно, многим из его Палатино одноземцов, пагубу».

Отдав свой паспорт, Палатино совершил подлинно героический поступок: он таким образом спас жизнь Папазоли и Саро, представлявшемуся его слугой, и дал им возможность приступить к своей миссии. Сам же Палатино, сделавшись, по его словам, «пленником безчеловечных варваров, лишился всего до последней рубахи и, заключенный в оковы, увезен в Триполи»⁶.

Ксеромеро и другие горные области на западе Греции были одним из первых мест, которые посетили российские эмиссары. Здесь властью в значительной мере пользовалась, по выражению М. Саро, «старшая капитания»: Стафа, Букувало, Макрипулио, Жудро. Российские эмиссары без труда нашли общий язык с этими предводителями клефтоарматолов, как они называются в греческой историографии*. «Оные, — как писал Саро, — никогда в подданстве турок по своему православию быть не хотят, и против их с великою радостью пойдут и к себе могут пригласить великое множество и других греков, тамо живущих».

Папазоли и Саро совместно посетили также и горный край Южной Албании — Химару. Отношения химариотов с турецкой властью были аналогичны отношениям с ней греческих горцев. «Турку они никогда не покорялись, — говорилось в записке Саро, — закону православного греческого, и они также против турка воевать в состоянии с немалою силою»⁷.

О пребывании Папазоли в Химаре и в соседнем Эпире в 1764 г. имеется документальное свидетельство, принадлежащее Джике Бицилли. Этот представитель видной семьи Химары, капитан венецианской службы, пользовался большим влиянием в Южной Албании и Эпире, и Папазоли постарался завербовать его на российскую службу. Для этого, как позднее

⁶ Смелянская И.М., Велижев М.Б., Смелянская Е.Б. Указ. соч. С. 486–487.

* Арматолы и клефты — вооруженные греческие отряды, существовавшие при турецком господстве.

⁷ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10.

вспоминал сам Бицилли в прошении Екатерине II, российский эмиссар излагал «некоторые из своих политических взглядов и поручения, касающиеся большого проекта диверсии против Оттоманской Порты. Среди различных имевшихся перспектив он умело рисовал идею распространения Святой Христианской религии, августейшее покровительство Вашего Императорского Величества и прекраснейшие ожидания постоянного благополучия для всякого, кто пошел бы за русским знаменем и взял бы в руки оружие, когда это будет необходимо»⁸.

После завершения своей миссии на западе Балкан Папазоли вернулся в Венецию, Саро же направился в Мани, важнейшую цель поездки российских эмиссаров, с задачей подготовить здесь восстание в случае войны России с Турцией. Задача эта затруднялась тем, что у Саро отсутствовали какие-либо документы, подтверждающие его статус, так как, напомним, они были выброшены в море — во время захвата корабля, на котором плыли российские эмиссары, триполитанскими пиратами.

Тем не менее, как утверждает Саро, ему удалось собрать наиболее видных капитанов Мани на «великое собрание», и те заверили его, что «они против турок, яко православной христианской вере неприятелей, с немалую силою стоять рады». Он сообщает существенную деталь: во встрече принял участие и крупнейший землевладелец Пелопоннеса, важная политическая фигура, Панайотис Бенакис. По словам Саро, «в том собрании один грек Бинакий, весьма богатый и почтенный дворянин, так собьяснялся, что он и самих подданных туркам греков лакедемонов*, всех против турок подымет; только б были под покровительством Всемиловейшей Государыни».

В конце 1764 г. М. Саро покинул Мани и в мае 1765 г. вернулся в Петербург. Тогда же он представил и свой отчет, ставший для нас одним из двух главных источников для освещения миссии Папазоли–Саро. В заключении отчета было высказано важное предположение о том, как можно поднять греков на восстание против Оттоманской Порты.

«По моему усердию, смею представить и о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок десять российских военных кораблей, и на них нагрузить и пушек довольное число. Где, коль скоро бы завидели греки

⁸ АВПРИ. Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. 1779. Д. «В»-119. Л. 2.

* Речь идет здесь о жителях юго-восточной части Пелопоннеса.

толь великое множество, сообщились с российскими греческия немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй»⁹. Любопытно, что предложение М. Саро стало как бы сценарием предпринятой через четыре года Архипелагской экспедиции.

Вернемся теперь к записке Палатино — наиболее достоверному, с нашей точки зрения, рассказу о деятельности российских эмиссаров в Пелопоннесе в 1764–1765 гг. Этот добровольный агент России, пройдя через мытарства плена в логове триполитанских пиратов, был через три месяца выкуплен своими земляками и вернулся в Венецию. Здесь он снова встретился с Папазоли, и тот попросил его отправиться в Мани, так как, по утверждению Палатино, он не был уверен, что Саро справится со своей миссией. Палатино принял это предложение и начал тщательно готовиться к поездке в далекий и беспокойный греческий край. По его собственным словам, зная, «какие по сему делу от неосторожности Папазола и товарища его разсеялись в тамошних народах опасные слухи», он предпринял все меры для того, чтобы скрыть подлинные цели своей поездки. В Венеции он, накупив различных товаров, отправился с ними (повидимому, в конце 1764 г.) в Морею и распродал их в различных городах. Здесь он сумел подружиться с некоторыми знатными турками, заверив их, что направляется в Мани для закупки шелка и оливкового масла. Один из этих турок, воевода Каламаты (Каламе) Мемиси-ага, дал ему для охраны четырех турок, а также письмо к видному капитану Мани Г. Мавромихалису, которого он назвал своим «другом и приятелем».

Как далее повествует Палатино, по прибытии в Мани и после того, как были отправлены обратно сопровождавшие его турки, «повел он капитана Мавромихайла в церковь и, обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего, которой при ответствовании похвалял его поступок и поведение...». В то же время Мавромихалис, «старший из тамошних капитанов», как называет его Палатино, сетовал на конфликты между капитанами Мани, что мешало дать согласованный ответ правительству России. Тогда этот добровольный российский эмиссар решил во что бы то ни стало восстановить согласие между видными маньятами*.

⁹ РГАДА. Ф. 15. Д. 146. Л. 10–11.

* В терминологии того времени также: майноты, маниоты.

«Достигнув сего с великим трудом, — писал Палатино, — открыл в собрании тамошних начальников или капитанов намерение свое, для которого к ним приехал. Что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они, по единоверию и отличной к Ея Императорскому Величеству ревности, готовы жертвовать кровию и животом для славы Ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаясь при том послать от себя поверенных ко всероссийскому императорскому двору для принесения всеподданнического повиновения и преданности».

Как видно из свидетельства, данного Палатино митрополитом Монеувасийским и Каламатским Анфимом, тот находился в Каламате и в Мани по крайней мере с августа 1764 по январь 1765 г. Затем Палатино перебрался в местечко вблизи Мани, где намеревался ждать прибытия оттуда делегации, которая должна была отправиться в Россию. Но вскоре его известили, что маньяты отложили посылку своих представителей, по крайней мере до того момента, когда умолкнут распространившиеся по всей Морее толки о том, что Мани приняла подданство Российской империи. Возможно, что подлинной причиной отказа маньят от посылки делегации было желание подождать до того момента, пока прояснятся намерения самой России. После этого Палатино вернулся в Венецию и сообщил Папазоли о решении маньят. Тот же, по утверждению Палатино, предложил ему самому поехать в Россию вместе с некоторыми другими лицами под видом представителей Мани и даже дал ему подложные письма якобы от имени жителей этой горской общины к руководству России, где говорилось, что «все общество Мании предает себя в высочайшее благоволение и милость Ея Императорского Величества, как верные рабы и подданные».

Однако Палатино, по его словам, не захотел участвовать в этом обмане и, прибыв в Петербург в 1766 г., передал сочиненные артиллерийским поручиком письма маньят статс-секретарю Екатерины II А.В. Олсуфьеву. Но, судя по всему, в Петербурге не стали разбираться с обвинениями своего добровольного эмиссара. Здесь считали (и считали правильно), что надо использовать энергию, знания, энтузиазм всех греков — добровольных помощников России¹⁰.

Одним из важных результатов поездки Палатино в Мани было то, что видные люди этого полунезависимого горного края начали устанавливать прямые контакты с руководством

¹⁰ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 486–487.

России. Контакты эти были очень непростыми, и не только из-за сложности сообщений того времени. Необходимость сохранять строжайшую тайну при сношениях петербургского двора с греческими подданными султана привела к тому, что документы эти либо не сохранились, либо их подлинность вызывает сомнение. Но в данном случае мы будем говорить о документе, подлинность которого каких-либо сомнений не вызывает. Речь идет о письме Георгиоса Мавромихалиса Екатерине II от 26 декабря 1765 г. (6 января 1766 г.), русский перевод которого, современный оригиналу, сохранился в архиве¹¹.

—
18 Как сообщалось в письме, «прошлаго года приехали сюда два ваши человека, имянуемая из которых один Джиован, а другой Манолаки, и нам сказали, что они присланы от Вашего Самодержавства и что они имели к нам писма, токмо на дороге пойманы были морскими разбойниками и ограблены и, что они при себе не имели, все то у них взято, как письма и все прочее». Таким образом, в письме Мавромихалиса мы находим полное подтверждение рассказа И. Палатино о его миссии*. Маниотский капитан обращался к императрице с просьбой о помощи в освобождении греков от чужеземного ига: «Да поможет нам Бог, а потом и Вашего Самодержавства помощь ко избавлению христиан из рук антихристовых, которой не престаёт оных мучить». Со своей стороны Мавромихалис утверждал, что при определенной помощи Мани может стать важной базой освободительной борьбы: «Отечество наше само собою крепкое местоположением своим, и собрать можно в нем войска до пятидесяти тысяч, лишь только то трудно, что за турецкою границую, и ни от кого никакой помощи мы не имеем; того ради мы с турками в миру находимся». Помощь Мавромихалису со стороны России была обещана, но значительно позже — уже после начала русско-турецкой войны.

Обратимся снова к записке Палатино. В ней, по его собственным словам, он приводил данные «о состоянии греческих народов, знаменитых пред прочими тамо храбростию и частыми с турками сражением». На первом месте здесь стоит горная область Пелопоннеса — Мани:

¹¹ АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. Оп. 89/8. 1765. Д. 89. Л. 1–3. Ветхий оригинал документа не сохранился.

* Под «Джиованом» здесь имеется в виду Палатино, а под «Манолаки» — Манолис Саро. Вероятно, что именно Палатино доставил это письмо в Петербург.

«Майна есть область южной части Морей или Пелопоннуса, коея жителей называют маниатами. Они остаток славного в древние времена лакедонского народа, и имеют у себя форму правления республиканскую. Военная их сила, хотя не более четырнадцати тысяч вооруженных людей, однако турки и поднесь покорить их не могли. Они дани им не платят, имея притом с Малтою великую дружбу. Владение их окружается по большей части горами и морем, где имеют разныя пристанища»*.

Другим важным очагом антитурецкой борьбы Палатино считал горную область, расположенную между Эпиром и Фессалией. В этой области, как уже говорилось, побывали ранее Саро и Папазоли. И Саро в записке о своей миссии назвал некоторых видных местных капитанов, и в их числе Букуваласа. Палатино же выделил его как наиболее авторитетного военного предводителя Западной Греции. По его словам, в названной области «жительствоет Ян Букувал и называется у тамошних народов главной арматол, а иногда старший капитан, имея в ведомстве своем других подчиненных ему капитанов... из коих каждой имеет на своем содержании до пяти сот вооруженных людей, а в нужном случае могут все великое число войска поставить. Сей Букувал, по всегдашним с турками и арнаутами сражениям, во всей Греции славен и у тамошних христиан великую любовь и доверенность имеет, которых защищает он от налогов и хищений, чинимых им турками и арнаутами, и содержит их в страхе».

Для организации освободительного восстания в Греции требовалось объединить все силы, боровшиеся против османского господства, и Палатино выражал готовность взять на себя «сию комиссию». По его словам, «он за веру и любовь ко своему отечеству не токмо всеохотно оную примет, но и жизнь свою [готов] не щадить, принести в жертву».

В случае если ему доверят эту миссию, Палатино обещал действовать оперативно: минуя Вену, Триест и Ливорно, отправиться сразу на остров Корфу и оттуда — в места вооруженного антитурецкого сопротивления: в Химару, в Западную Грецию, к Букуваласу и в Мани. В записке Палатино содержались и некоторые практические шаги для установления контактов с видными людьми Греции. В частности,

* К своей записке Палатино приложил отдельную записку о Мани, автором которой был маньят, капитан Н. Мунгакис. См.: История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004. С. 434–435.

он просил, чтобы ему «для тамошних архиереев и светских начальников дана пригласительная ко принятию оружия грамота», а также необходимое число манифестов об объявлении Россией войны Турции на греческом языке. «Для большего ободрения» видных духовных и светских лиц Палатино предлагал провести раздачу духовным персонам по одной панагии, а светским начальникам — по одной медали для ношения на груди с портретом Екатерины II. Важным условием для того, чтобы побудить греков поднять восстание против власти поработителей, должна была быть их уверенность, «что Россия никогда от них не отступит, ниже мирится с турками впредь осуждения их не станет».

—
20

Как и Саро, Палатино считал, что для обеспечения анти-турецкого восстания в Греции было бы важно, «чтобы Россия отправила корабельную эскадру с военным снарядом» в Коринфский залив и создала здесь базу для сообщения не только с греками, но и со славянскими народами.

В это время шла уже русско-турецкая война, и в правящих кругах России обсуждался план экспедиции в Средиземное море. Поэтому предложения Палатино должны были привлечь большое внимание. К этому добровольному агенту России в Петербурге отнеслись весьма доброжелательно. Он пробыл в столице России более двух лет и встречался здесь с высокопоставленными лицами: генерал-фельдцейхмейстером Г.Г. Орловым, первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел Н.И. Паниным, статс-секретарем Екатерины II А.В. Олсуфьевым. От последнего, в компенсацию понесенных им расходов в ходе своей предыдущей миссии, он получил 200 червонных¹².

С 1766 г. Палатино находился в Петербурге; но российские эмиссары продолжали действовать в Греции. По-видимому, в начале этого года ее снова посетил Папазоли¹³. На сей раз он побывал и в Мани. В беседах с весьма влиятельным капитаном Георгиосом Мавромихалисом и его братом Иоаннисом он

¹² *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Указ. соч. С. 490–493.

¹³ Единственным источником сведений о миссии Папазоли в Грецию в 1766 г. является работа французского дипломата и публициста К. Рюльера. См.: *Rulhière C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république.* P., 1807. Т. 3. P. 350–355. К сожалению, не имеется возможности проверить достоверность этих сведений.

убедился в их скептическом отношении к перспективе восстания в Пелопоннесе в связи с планами России. По их мнению, маньяты могли бы успешно вести оборонительную войну, но плохо приспособлены для наступательных действий. О боевых же качествах своих соотечественников предводители маньятов были весьма низкого мнения. Они считали, что на остальных греков русские рассчитывать не должны, так как они привыкли дрожать и бежать при первых угрозах со стороны турок.

В то же время весьма влиятельный в Пелопоннесе крупный землевладелец Панайотис Бенакис проявил полную готовность помогать русским в случае их появления на полуострове. На собранном им совещании в его резиденции в Каламате (Каламе) с участием видных светских и духовных лиц было принято обязательство поднять на восстание 100 тыс. греков, как только они получат оружие и русские корабли появятся в виду греческого побережья. Мотивом действий Бенакиса в данном случае было, по мнению К. Рюльера, его желание стать правителем Пелопоннеса под протекцией Екатерины II.

Важные сведения о положении в Греции в канун русско-турецкой войны содержались и в записке В.С. Томары, представленной руководству российского внешнеполитического ведомства им самим. Миссия его отличалась от миссий других российских эмиссаров. Томара, ставший впоследствии крупным чиновником, в 60-е гг. XVIII в. учился в Италии, в 1767 г. поступил на военную службу, а в 1769 г. перевелся в Коллегию иностранных дел и в должности переводчика был командирован в Венецию.

Еще до поступления на императорскую службу Томара совершил поездку (или поездки) в Грецию. Свою «Записку о греках» он подал Н.И. Панину 21 декабря 1768 г. (1 января 1769 г.), уже после начала русско-турецкой войны. Записке предшествует такое авторское предисловие: «В случае, если Ее Императорское Величество захочет поднять греков на восстание, я считаю своим долгом сообщить те сведения, которые я получил во время своих путешествий и в результате моих доверительных отношений с людьми из Греции как духовными, так и светскими. Они позволяют мне, как я надеюсь, также дать правильное представление о стране, где можно было бы поднять восстание с большим успехом»¹⁴.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1711–1797. Д. 5630. Л. 104–110. Basile de Tamara. Mémoire sur les Grecs.

Наибольшее внимание здесь уделено Пелопоннесу как арене будущего антитурецкого восстания. Здесь главными носителями вооруженного сопротивления завоевателям, как признавали все наблюдатели, были горцы Мани. Сам Томара писал, что Мани населена «народом диким и суеверным до крайности. Этот народ не только сохранил свою древнюю свободу, но вместе с другими греками, остающимися под господством или скорее под тиранией турок, ведет с ними войну и ведет ее с таким преимуществом, с каким такая маленькая нация может вести ее с такой державой, как Порта».

—
22 Далее в записке повторялись сведения, во многом совпадавшие с теми, которые ранее российскому руководству сообщил об этой вольной и труднодоступной области Пелопоннеса И. Палатино. Томара подтвердил, что Мани в то время делилась на пять округов, каждый из которых управлялся капитаном. Все вместе они могли выставить до пятнадцати тысяч вооруженных людей. Автор приводил интересные сведения об одном из капитанов, точнее говоря, об одной капитанше. Среди капитанов, писал он, «имеется женщина по имени Димитрия или Димитракина, которая не уступает по храбрости самым храбрым среди них. Не имеется какого-либо важного дела, где бы она не оказалась во главе своих, которых она умеет заставить любить и уважать себя». Помимо присутствия в Мани большого числа вооруженных людей, возможным плацдармом антитурецкого восстания в Греции ее делало наличие здесь трех морских портов, неподконтрольных Порте.

В записке Томары содержались сведения и о Пелопоннесе в целом: о населении полуострова, о его городах и крепостях и их гарнизонах. В этом отношении из записки создавалось впечатление о слабости существовавшей здесь оборонительной системы: почти везде крепости находились в руинах и состоявшие из янычар гарнизоны были незначительными. Однако ход военных операций русско-греческих сил в Пелопоннесе в 1770 г. показал, что оборонительный потенциал турок в этой области был в записке явно занижен.

Касаясь перспектив антитурецкого восстания в Греции в период начавшейся уже русско-турецкой войны, Томара оценивал их весьма оптимистически. Он приводил в доказательство тесные духовные связи, соединявшие греков с Россией: «Всеми миру известно их [греков. — Г. А.] крайнее рвение к религии, их любовь к свободе, их непримиримая ненависть к их тиранам, их чувства к нашему отечеству... Они твердо верят в то, что

пророчество, столь распространившееся и среди турок, и среди греков о разрушении Оттоманской империи русскими, сможет исполниться только при царствовании Екатерины Второй».

Но, как и Палатино, Томара считал, что для того чтобы поднять греков на восстание, им необходимо предоставить определенные гарантии. По его словам, «несмотря на все это благоприятное расположение, никогда не удастся побудить эти народы взяться за оружие без торжественного обещания со стороны России не заключать мира до того, пока враги христианского имени не будут полностью изгнаны из Европы».

Важным условием организации в Греции освободительного восстания Томара полагал также доставку в страну «оружия, в котором нуждается греческая нация». Для этого он считал необходимым использовать ежегодно происходившую весной в Сенигалии, в папских владениях на Адриатическом море, ярмарку.

Папазоли, Саро, Палатино, Томара были не единственными российскими эмиссарами, посетившими Грецию накануне восстания 1770 г. Были и другие эмиссары, сведения о пребывании которых в Греции не столь определенные.

Так, в последние годы XVIII в. в Морее еще ходила молва о некоем Хаджи Мурате, посетившем этот край в 1767 г. — якобы он путешествовал в костюме муллы и говорил по-турецки. Увидев, что греки тяготятся турецким игом и желают его сбросить, он установил контакт с Панайотисом Бенакисом и через него — с наиболее влиятельными епископами и землевладельцами. Они заверили его, что если императрица пошлет к полуострову русскую эскадру с оружием, которое у греков отсутствует, то она найдет здесь 50–60 тыс. человек, которые, встав под командование русских офицеров, без труда овладеют Морей и ее крепостями. После этого Хаджи Мурат вернулся в Россию и оттуда сообщил вождям греков, что он убедил императрицу осуществить это вторжение. Рассказ этот приводит французский путешественник А. Кастелан, ссылающийся в свою очередь на Бремона, французского генерального консула в Корони, долгое время служившего в Морее¹⁵. Проверить этот рассказ по русским источникам не удалось.

Деятельность российских эмиссаров позволила выявить слабые пункты османского господства на Балканах, в частности, в Греции. В то же время сообщения этих эмиссаров, как

¹⁵ *Castellan A. Lettres sur la Morée. P., 1820. T. 3. P. 216–217.*

правило — греков, руководствовавшихся благими соображениями, создавали преувеличенное представление о силе народного сопротивления иноземным поработителям, что отрицательно сказалось на подготовке Архипелагской экспедиции российского флота.

В сентябре 1768 г. Порта объявила войну России, и вскоре Екатерина II приняла решение о походе Балтийского флота в Средиземное море. Ее военная цель состояла, по выражению царицы, в «учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции»¹⁶.

—
24 Это была главная цель этой смелой операции. Неожиданный удар в мягкое подбрюшье Османской империи в сочетании с решительными действиями русской армии на Дунайском театре войны должен был поставить Порту на колени и принудить к миру.

Несомненно, что замысел средиземноморской экспедиции был связан и с балканской политикой России. У Екатерины II тогда еще не было каких-либо планов политического переустройства Балкан в результате их освобождения от османского ига. Сама же идея освобождения присутствует в обращениях царицы к грекам и другим балканским народам уже с начала русско-турецкой войны. Так, в царском манифесте от 19 (30) января 1769 г. говорилось: «Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного рабства избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость, для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат»¹⁷.

В грамоте же Екатерины II от 29 января (9 февраля) 1769 г. уточнялось, какого «подвига» она ожидает от «благочестивых греческих и славенских народов»: «Ударяйте уже на общаго нашего врага согласными сердцами и совокупными силами, — призывала императрица, — продолжая и простирая ополчение и победы ваши даже до самого Константинополя... Изжените оттуда остатки агарян со всем их злостием и возобновите православие в сем ему посвященном граде! ... Настал к тому

¹⁶ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 358.

¹⁷ Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. СПб., 1866. Т. 1. С. 106.

час удобный, ибо вся громада неверных будет в удалении в нашей стороне и там совершенно упражняема дарованными нам от Бога силами. Кроме того, что число благочестивых обывателей как на твердой земле, так и на островах Архипелага несравненно везде превосходит число неверных и что они, без сомнения, с охотою и радостию к подвигу вашему приобщаясь, силы ваши собою и имуществом своим гораздо умножать будут, обещаем мы вам всем всякое от нас по дальности мест возможное подкрепление и вспомошествование...»¹⁸.

18 (29) июля 1769 г. эскадра вице-адмирала Г.А. Спиридова вышла из Кронштадта и взяла курс к далеким берегам Греции. Руководство средиземноморской экспедицией Екатерина II поручила генерал-поручику графу А.Г. Орлову. Пока эскадра медленно шла своим долгим и сложным путем вокруг Европы, Орлов, находившийся с осени 1768 г. в Италии, использовал свое пребывание вблизи Греции для установления контактов с горцами Мани. Подробности этих контактов нам известны из письма А.Г. Орлова капитанам Мани от 8 (19) ноября 1769 г.¹⁹

Из письма явствует, что российского генерала в Пизе, где он тогда находился, посетили Стефанос Мавромихалис, племянник главы могущественной семьи Мани Георгиоса Мавромихалиса, и А. Адамопулос, венецианский грек, выполнявший посреднические функции в сношениях между властями России и вождями Греции. Орлов писал, что из писем капитанов Мани он удостоверился в том рвении, с которым они готовы служить «великой нашей императрице и вашей собственной родине». Он также извещал своих греческих партнеров, что вскоре сам прибудет к ним «вместе с большой помощью».

¹⁸ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 292.

¹⁹ Опубликованы две копии этого письма: греческая и русская, извлеченные из семейных бумаг семьи Мавромихалисов в Греции и России. Существенная разница между копиями состоит в их адресовке: если в греческом варианте адресатом письма были «честные и благородные капитаны всей Мани», то в русском варианте оно было адресовано Г. Мавромихали. См.: *Κουρέα Σ. Συμβολαί εις την ιστορίαν της υπό τούς Ορλώφ Πελοποννησιακής ελευαστάσεως (1770) // Η Πελοποννησιακή Αθήναι, 1956. Τ. 1. Σ. 55–59; Сафонов С. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 207.*

Руководитель готовившейся в Греции военной компании просил к его приезду осуществить необходимые приготовления. Они включали в себя подготовку людей к скорому сбору, подготовку помещений для русского войска и местных добровольцев, заготовку для войск пшеницы и другого провианта, сбор как можно большего количества лошадей, ослов и мулов.

Предложенный Орловым план подготовки к военным действиям включал в себя оригинальный и совершенно непонятный для современного читателя пункт. Русский генерал предлагал маньятам найти способ внедрить в турецкие крепости на юге Мореи по 20 человек, якобы для работы, и чтобы каждый принес с собой два-три гвоздя. «Когда время придет, — продолжал Орлов, — им будет дано знать, куда их употребить»²⁰.

Во время своего пребывания в Италии накануне Архипелагской экспедиции, А.Г. Орлов установил связи и с другим влиятельным лицом Пелопоннеса — Панайотисом Бенакисом. Его сын Либерал Бенаки, поступивший после поражения Пелопоннесского восстания на российскую службу, свидетельствует:

«В 1768 году, когда Российская империя находилась в войне с Отоманской Портою, его отец Панайоти Бенаки, бывши первый примат в Морее и имея там великую власть, приглашен был начальниками российского флота способствовать в пользу православной державы; и так как вера руководствовала правилами покойника*, то он и склонился с великим усердием вместе со своими соотечественниками, предавшимися и принявшими оружие под начальствами помянутых начальников, которые в 1770 году пристали в Морею»²¹. К сожалению, подробности этих контактов, предваривших совместные русско-греческие операции в Пелопоннесе, неизвестны.

Важным элементом подготовки похода русского флота в Средиземное море была отправка в балканские страны специальных эмиссаров для установления прямых контактов с теми силами, которые боролись против османской власти.

* Панайотис Бенакис умер, предположительно, в 1771 г.

²⁰ По мнению греческого историка С. Кугеаса, речь здесь шла о применявшемся в XVIII в. способе выведения из строя пушек путем забивания гвоздя в маленькое отверстие пушки, из которого выходит фитиль для зажигания ее заряда. См.: Κουρέα Σ. Ο. π. Σ. 59.

²¹ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1797–1798. Д. 1685. Л. 19.

29 января (9 февраля) 1769 г. Екатерина II написала рескрипт на имя А.Г. Орлова, предполагаемого руководителя средиземноморской экспедиции. Согласно этому рескрипту, в Грецию направлялся «к начальникам, тамошнему Буковалу и маинскому Мавро-Михайле, венецианский грек Иван Иванов, сын Петушин. Он избран в сию посылку по неоднократной его в той стороне бывалости, а особливо потому, что он пред несколькими годами привез ко двору нашему от сих начальников письма, в коих они и тогда уже представляли готовность свою к услугам Империи нашей. С сих писем следуют здесь переводы, вместе с копиею посланного ныне к Буковалу и Мавро-Михайле от имени нашего действительного тайного советника графа Панина. Упомянутые от него знаки состоят в двух золотых медалях. На проезд дано Петушину двести червонных»²².

В упоминаемом здесь письме Н.И. Панина Г. Мавромихалису от 22 января (2 февраля) 1769 г.²³ говорилось, что война России с Турцией «представляет удобнейший случай всем православным народам Эллады оказать великие услуги церкви Христовой, а с тем вместе, с одной стороны, заслужить и приобрести наивысшая милости, могущественную защиту и покровительство Ея Императорского Величества, а с другой, освободить себя навсегда от ига порабощения; и что братское и христианское соединение всех вообще храбрых и мужественных единоплеменников их и совокупное возстание для преследования врага вне и внутри его пределов обещает верный успех».

В заключение в письме сообщалось, что доставит его Мавромихалису нарочный. Очевидно, речь шла о том самом «венецианском греке Иване Иванове, сыне Петушине», о котором упоминала в своем рескрипте Екатерина II. Об этом «венецианском греке» «с таким чисто русским именем и фамилией», по замечанию Е.В. Тарле, сведения весьма скупы.

До рескрипта Екатерины II 1769 г. мы нашли упоминание о нем лишь в одном документе 1766 г., обнаруженном в делах Коллегии иностранных дел. Документ имеет заголовок: «Грек Иван Иванов сын Петушин в 1766 году приехал сюда с некоторыми секретными письмами, откуда и от ково, и что в то время с ним сделано». Из этого дела явствует, что каких-либо данных

²² Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 4–5.

²³ См.: Сафонов С. Указ. соч. С. 206.

о том, откуда и от кого и с какими секретными письмами приехал в Петербург Петушин, в Коллегии иностранных дел не получили, а известно о нем стало потому, что Н.И. Панин приказал выдать ему паспорт для выезда за границу, что и было сделано 22 августа (2 сентября) 1766 г.²⁴ Возможно, что в указанных документах под видом «Петушина» фигурирует Палатино.

18 февраля (1 марта) 1770 г. к порту Витуло (Итило) в Мани подошла российская эскадра под командованием Г.А. Спиридова. После семимесячного похода вокруг Европы из 15 кораблей, вышедших из Кронштадта, до берегов Греции дошло пять, в том числе три линейных корабля, на борту которых находилось в общей сложности около 2 тыс. 500 человек. Остальные корабли были повреждены или отстали²⁵.

—
28

Появление русских сил в водах, а затем и на суше Греции стало здесь сигналом к освободительному восстанию. Началась та эпоха греческой истории (1770–1774 гг.), которая в современной греческой историографии получила название «орловщина» (Ορλωφικά). Полное освещение этой темы выходит за рамки данного очерка. Мы лишь кратко коснемся хода событий в Пелопоннесе и их последствий для судеб Греции²⁶.

Неизвестно, смогли ли маньяты провести те подготовительные мероприятия к прибытию русского флота, о которых просил их А.Г. Орлов. Но есть сведения, что определенные приготовления в Морею к прибытию русских кораблей все же проводились.

Так, в записках одного из командиров русской эскадры говорится о некоем Заиме [представитель богатой землевладельческой семьи Пелопоннеса. — Г. А.], «приготовившем собственными средствами огромные запасы сухарей и другой провизии, так что этого было достаточно для продовольствования всей экспедиции в продолжении нескольких месяцев»²⁷.

²⁴ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1737–1773. Д. 5643. Л. 175.

²⁵ Головачев В.Ф. Чесма: экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.; Л., 1944. С. 14, 28.

²⁶ О совместных с греческими повстанцами операциях русских сил в Пелопоннесе см.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 359–362; Тарле Е.В. Указ соч. С. 34–39.

²⁷ Собственноручный журнал капитан-командира (впоследствии адмирала) С.К. Грейга // Морской сборник. СПб., 1849. Т. II. № 10. С. 655.

В Петербурге же, еще до прибытия российской эскадры в Грецию, было получено известие, что жители Пелопоннеса готовы, в случае поддержки со стороны России, подняться на восстание против османского ига. Эта готовность была выражена в обращении военных предводителей Пелопоннеса к Екатерине II от 6 (17) января 1769 г. Среди подписавших это обращение были Г. Мавромихалис и другие капитаны Мани²⁸.

Маньяты, как уже говорилось, встретили появление российской эскадры, несмотря на ее малочисленность, с большим энтузиазмом. Из греческих добровольцев были сформированы два легиона: западный и восточный. Правда, количество их было значительно меньшим, чем предполагали российские эмиссары, а малочисленность русских солдат, высадившихся в Греции, вызвала разочарование у греков: западный легион, которым командовал майор князь П.В. Долгоруков, состоял из 200 греков и 12 русских солдат, а восточный, под командованием капитана Баркова, — из 1200 греков и 20 русских. В формировании их активное участие принял Панайотис Бенакис. Несмотря на малочисленность греко-русских сил, в марте 1770 г. они смогли освободить почти весь юг Пелопоннеса, а 10 (21) апреля 1770 г. объединенным силам западного легиона и морского отряда под командованием бригадира И.А. Ганнибала, деда А.С. Пушкина, удалось овладеть крепостью Наварин. Начавшись в Пелопоннесе, восстание вскоре распространилось и на области материковой Греции: Акарнанию, Эпир, Фессалию, Аттику и докатилось до отдаленного острова Крит²⁹.

Однако с конца марта ситуация для объединенных греко-русских сил в Пелопоннесе осложнилась. Порта ввела для подавления восстания значительный корпус, набранный из албанцев-мусульман, считавшихся лучшими солдатами Османской империи. По некоторым данным, их численность составляла 15 тыс. человек. Между тем боеспособность сражавшихся против них сил падала: ее подрывала слабая боевая подготовка повстанцев, недисциплинированность маньятов, составлявших их большую часть, и их склонность к эксцессам. Маньяты не только убивали сдававшихся на капитуляцию турецких

²⁸ См.: Копия прошения греческого народа к императрице Екатерине II от 6 января 1769 года // РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 284–286. Оригинал документа на лат. яз. вместе с переводом хранится в: АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1769. Д. 91. Л. 1–6.

²⁹ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1975. Τ. 11. Σ. 64–76.

солдат, но и устраивали резню женщин и детей. В результате гарнизоны турецких крепостей в Пелопоннесе стали упорно сопротивляться. Потерпев неудачу при осаде турецких крепостей Модона (Метони) и Корона (Корони), что создало угрозу для базы русского флота в Наварине, А.Г. Орлов решил покинуть греческий полуостров. 26 мая (7 июня) 1770 г. русские силы, предварительно взорвав крепостные сооружения Наварина, покинули его. Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. Эскадра Г.А. Спиридова, соединившись с вновь прибывшей эскадрой Дж. Эльфинстона, настигла турецкий флот в проливе между островом Хиос и малоазиатским побережьем, и в ожесточенной битве 24–26 июня (5–7 июля) полностью уничтожила его. После этого русский флот установил свое господство в Архипелаге, ставшем базой его операций в Восточном Средиземноморье.

Вину же за неудачу своей сухопутной операции в Морее А.Г. Орлов целиком возлагал на греков. В частности, в 1772 г. он писал Н.И. Панину: «робость и неверность греков в самом открытии сей экспедиции заградили нам все пути к сухопутным предприятиям и заставили устремить все силы наши на действия морския»³⁰. Однако авторитетные российские историки критически отнеслись к такому объяснению А.Г. Орловым причины неудачи его действий в Морее. С.М. Соловьев отвергает прозвучавшее из уст графа обвинение греков в трусости: «Греки, с которыми имел дело Орлов, не были трусами, но при условиях своего быта они не были способны к наступательному движению, к битвам в чистом поле; они были храбры, неодолимы в войне оборонительной, при защите искусственных или природных укреплений»³¹.

Есть немало фактов, опровергающих огульные обвинения А.Г. Орлова в адрес греков. Так, стоит здесь привести характеристику, которую дал И.А. Ганнибал поведению модонского епископа Анфимоса Каракаллоса при штурме Наварина:

«Во время начальства моего под городом Наварином, где застав одного епископа с немалым числом военных и прочих усердствующих греков, я большую помощь получил; и по справедливости скажу, что он оказывал беспримерное и несумнительное усердие и доброжелательство к поспешствованию

³⁰ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 // Русский архив. М., 1880. Кн. 3. С. 254.

³¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 361.

побед оружия Ея Величества. Он не только уговаривал своих иноземцев словами, но и в труднейших случаях, не уважая сан свой и семидесятилетнюю старость, примером собственным к тяжчайшим трудам поощрения делал, и находился во все время приступа сего города безотлучно на ботареи, подверженной сильнейшему огню неприятельскому»³².

Пелопоннесцы продолжали сражаться и после ухода русских сил с полуострова. Более того, успехи русских на море породили в Пелопоннесе надежду на возобновление восстания при поддержке русской армии. Об этом сообщил Либерал Бенаки, сын одного из руководителей Пелопоннеского восстания Панайотиса Бенакиса, впоследствии ставший российским дипломатом. В его автобиографической записке, представленной в 1797 г. в Коллегию иностранных дел, говорилось: «В 1770 году он командовал 12000 майнотов, когда турки после баталии при Модоне засели в Каламате, несколько дней кряду имели с ними сшибки, пока отец его приказал ему оставить город и удалиться в Майну, где должно было укрепиться до возвращения флота, оставившего Морею для преследования неприятеля». Сам же Панайотис Бенакис отправился на встречу с А.Г. Орловым и, как утверждает его сын, тщетно убеждал его после уничтожения турецкого флота вернуться с войсками в Пелопоннес³³. Между тем албанские отряды овладели всем этим греческим краем, кроме Мани, где они встретили непреодолимое сопротивление свободолюбивых горцев.

Хотя восстание в Пелопоннесе и не возобновилось, многие пелопоннесцы продолжили сражаться в составе русского флота в Архипелаге. По некоторым данным, еще во время пребывания русских в Наварине из добровольцев — греков и албанцев — по распоряжению А.Г. Орлова было сформировано пять батальонов, в том числе батальоны мореотов и маньятов³⁴. А в феврале 1771 г. Стефанос Мавромихалис набрал еще 300 маньятов для службы в российском флоте³⁵. Греки-добровольцы плечом к плечу с русскими солдатами и моряками сражались во многих битвах. Из этих добровольцев, после

³² АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 1983. Л. 13.

³³ Там же. Оп. 2/6. 1797–1798. Д. 1686. Л. 18.

³⁴ К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. М., 1876. Кн. 2. С. 273.

³⁵ См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Указ. соч. С. 127.

окончания войны переселившихся в Россию, в 1783 г. было создано специальное воинское подразделение — Греческий полк, в 1797 г. преобразованный в Балаклавский батальон. Первым его командиром стал Стефанос Мавромихалис. Война 1768–1774 гг. тесно связала некоторые видные фамилии Пелопоннеса с Россией. В России образовалась своя ветвь капитанской семьи Мани — Мавромихали, которая установила связь с российским правительством еще накануне Архипелагской экспедиции А.Г. Орлова. Родоначальником этой ветви и стал Стефанос Мавромихалис.

—
32
Российские эмиссары обратили в свое время внимание и на другую влиятельную семью Пелопоннеса — Бенаки. Глава семьи Панайотис Бенаки и его сын Либерал оказали большую помощь русским военачальникам при подготовке и проведении операции в Пелопоннесе. В рекомендательном письме, данном в 1774 г. А.Г. Орловым Либералу Бенаки, говорилось, что он «вместе со своим отцом оказал для нас отменные услуги, как-то в набирании людей, так и в постановлении провиантов для войск Ея Величества за что турки, злобствуя на него, разорили его дом, лишили всего имения, состоящего на полуострове Мореи и причинили как ему, так и всей его родне разные гонения...»³⁶. Русское правительство поддержало имущественные претензии семьи Бенаки к Порте, и ему удалось добиться частичного возвращения этой семье принадлежавшей ей огромной земельной собственности в Пелопоннесе. Сам же Либерал Бенаки был принят на русскую дипломатическую службу, а в 1783 г. назначен генеральным консулом на Корфу; эту должность он занимал до самой своей смерти в 1820 г.

Восстание 1770 г. стало важной вехой в истории борьбы Греции за национальное освобождение. Оно способствовало росту самосознания греков, ускорило формирование национально-освободительной идеологии. Освободительные устремления греков получили тогда широкую огласку благодаря публицистическому труду «Желания греков к Европе христианской». Автором этого произведения, опубликованного в нескольких европейских газетах, а также в приложении к настоящему труду, был участник Архипелагской экспедиции Антон Джика, по происхождению — православный албанец, по национальному самосознанию — грек. В этом обраще-

³⁶ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1774. Д. 602. Л. 3.

нии греческого патриота к Европе нашло отражение горячее стремление греков восстановить свою свободу и, одновременно, их опасения, что враждебность европейских правительств помешает России довести до конца войну с турками, которая, при участии восставших греков, должна была завершиться освобождением Греции.

Поражение восстания имело тяжкие последствия для населения Пелопоннеса. Эта богатая греческая провинция подверглась опустошению, многие ее жители стали жертвами насилия и террора со стороны отрядов албанских наемников, фактически оккупировавших Пелопоннес до 1779 г. Были разрушены многие города, до основания разорены поля. Спасая свою жизнь, тысячи мореотов укрылись в горах, бежали на острова и даже в Малую Азию. Убыль населения здесь в 1770–1779 гг. была весьма значительной. Как говорилось в одном из донесений 1780 г. А.С. Стахиева, российского посланника в Константинополе, Пелопоннес опустошен до такой степени, что «оставшееся там число жителей не в состоянии снимать на себя и до тридцати тысяч харачных билетов, кои до прошлой войны обыкновенно за семьдесят тысяч простирались»³⁷. Это говорит о резком падении численности греческого населения Пелопоннеса, так как «харачные билеты» представляли собою свидетельства об уплате хараджа — подушного налога, которым облагались только немусульмане.

Русско-турецкую войну завершил в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Договор этот, обеспечивший закрепление России на побережье Черного моря, имел огромное значение и для балканских народов, в частности греков. За Россией было признано право покровительства православному населению Османской империи. Порта вынуждена была предоставить амнистию всем участникам освободительного восстания в Греции. Согласно статье 17-ой договора острова Архипелага возвращались Порте, но за Россией признавалось право особого покровительства этим островам. Эта статья свидетельствовала о том, что приоритеты русской политики в Греции переместились с Пелопоннеса на Архипелаг. На это указывал и тот факт, что когда Россия, в соответствии с правом, полученным по Кючук-Кайнарджийскому договору, приступила к основанию своих консульств в Греции, то шесть из них были учреждены в Архипелаге и только одно — в

³⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1780. Д. 562. Л. 43.

Пелопоннесе*. Война 1768–1774 гг. создала важные моральные и материальные предпосылки для расширения национально-освободительной борьбы греческого народа. У греков возросла вера в собственные силы; как писал в 1803 г. известный греческий просветитель и национальный идеолог Адамантиос Кораис, греки отныне убеждены в том, «что их угнетатели — это люди, которых можно побеждать, как они их побеждали рядом с русскими и что вполне возможно и самим им их побеждать, если ими будут руководить способные вожди»³⁸. Русское правительство и дипломатия продолжили и расширили покровительство грекам как в России, так и в Османской империи. В результате, несмотря на тяжкую катастрофу, постигшую Морею, широкие массы греческого народа по-прежнему с большой симпатией и надеждой смотрели в сторону России.

* См. очерк о российских консульствах в Греции в настоящем издании.

³⁸ Coray. Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce. [Paris, 1803.] P. 22. Цит. по переводу: Кораис А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

О ГРЕЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ ЕКАТЕРИНЫ II

—
35

Греческий проект Екатерины II, которым, к сожалению, серьезно почти не занималась историография¹, — это благодарная тема для специального большого исследования. В нашем труде мы хотели бы затронуть лишь ограниченный круг вопросов: источники возникновения Греческого проекта, политика российской императрицы по отношению к грекам в связи с проектом, его значение для борьбы за национальное освобождение Греции и русско-греческих связей.

Говоря о происхождении Греческого проекта, следует отметить, что он не был каким-то импульсивным шагом Екатерины II: корни его уходят вглубь веков, основываясь на традициях российской внешней политики, на тесных политических, культурных, церковных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства. Первую заявку на византийское наследство Русь сделала еще в XV в. в результате женитьбы московского великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Зое (Софье) Палеолог.

¹ Назовем последние из известных нам исследований: *Маркова О.П.* Происхождение так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4; *Hösch E.* Das sogenannte «griechische Projekt» Katharins II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. Wiesbaden, 1964. Bd. 12. H. 4; *Ragsdale H.* Evaluating the traditions of Russian aggression: Catherine II and the Greek Project // *Slavonic and East European Review*. L., 1988. Vol. 66. N 1; *Стегний П.В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. М., 2002. С. 104. Ряд материалов о Греческом проекте опубликован также в сборнике: *Век Екатерины II: Россия и Балканы*. М., 1998; и в коллективной монографии: *Век Екатерины II. Дела балканские*. М., 2000.

В начале XVIII в. Россия вышла на мировую арену в качестве великой державы. Хотя основные планы и действия Петра Великого были сосредоточены на балтийском направлении, у него имелись грандиозные замыслы также на Ближнем Востоке и попытки, хотя и неудачные, привести их в исполнение (вспомним Прутский поход 1711 г.). Об этих планах Петра Екатерина II знала, причем не только из книг и документов, но и от авторитетного свидетеля — сподвижника царя-преобразователя фельдмаршала Б.К. Миниха, победителя турок при Ставучанах. Миних был одним из немногих сановников, до последнего момента сохранявших верность Петру III. Несмотря на это, Екатерина II простила его, приблизила к своему двору и часто беседовала с ним. В один из дней рождения наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: «Я желаю, чтобы, когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я бы мог поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения — завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте восстановить христианскую греческую империю»².

Считавшая себя продолжательницей петровских традиций в политике России, императрица с удовольствием слушала сподвижника Петра I — старого воина, скончавшегося впоследствии за год до начала первой русско-турецкой войны ее царствования.

С первых лет правления Екатерины II черноморско-балканское направление занимает важнейшее место в ее внешней политике. Стратегической целью императрицы было овладеть побережьем Черного моря, так же как Петр I завоевал для России побережье Балтики. Установление тесных связей с греками — естественными союзниками России в борьбе с Османской империей — рассматривалось как важное средство достижения этой цели.

В ноябре 1768 г. началась русско-турецкая война, а в феврале 1770 г. эскадра адмирала Г.А. Спиридова, проделав долгий путь от Кронштадта, подошла к Пелопоннесу. Первое в истории по-

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III. Вып. 7. С. 100.

явление русских кораблей у побережья Греции стало толчком к восстанию греческого населения, видевшего в русских солдатах и моряках своих освободителей. Из греческих добровольцев были сформированы под командованием русских офицеров «западный» и «восточный» легионы. Однако вследствие малочисленности и неорганизованности греко-русских отрядов операции сухопутных сил в Пелопоннесе закончились неудачей. Действия русских сил на море были более успешны. В Чесменском бою (26 июня (7 июля) 1770 г.) турецкий флот был разгромлен. Достойный вклад в эту победу внесли и греческие моряки.

В ходе первой русско-турецкой войны Екатерина II не ставила целью радикальное решение Восточного вопроса. Цель, к которой она стремилась, была более скромной и вполне реалистичной: обеспечить для России надежный выход к Черному морю. В то же время, чтобы получить поддержку православным населением Балкан военных усилий России, императрица давала понять, что она будет содействовать освобождению балканских народов от османского ига. В царском манифесте от 19 (30) января 1769 г., в частности, говорилось: «Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат»³.

Более того, впервые в истории русской политики на Балканах Екатерина II сформулировала план политической организации освобожденных греческих земель. Произошло это в середине 1770 г., когда до Петербурга еще не дошло известие о поражении в Пелопоннесе и ухода оттуда русского флота. Обратимся к малоизвестному документу — рескрипту Екатерины II А.Г. Орлову от 19 (30) июля 1770 г. от главнокомандующего требовали, «чтобы вы, соединяя в свое предводительство разные греческие народы, как можно скорее составили из них нечто видимое и между собою к общему подвигу соединенное, которое бы свету представилось новым и целым корпусом... и составя новый член в республике христианской, всех государей и областей молят и просят, заклиная их ранами и кровью

³ Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. С. 106.

общаго всем Спасителя, дабы они их в сем признали и снабдили, по возможности, всякою помощью и покровительством»⁴. Желание российской самодержицы сформировать из самих греков, освободившихся от иноземного рабства, некую политическую структуру и апелляция от ее имени к «христианской республике» были связаны с тем, что два католических члена этой «республики» (Австрия и Франция) были настроены враждебно к освобождению Греции.

Что же касается весьма туманного высказывания Екатерины II «о составлении из греческих народов чего-то видимого и между собою к общему подвигу соединенного», то довольно ясное толкование ему дал Н.И. Панин в своем письме А.Г. Орлову от 21 июля (1 августа) 1770 г. По его словам, примером для Греции может служить «отложение соединенных Нидерландских провинций от тиранской власти гишпанского дома, да и форма их правления под именем Голандских генеральных статов соединенных Нидерландов весьма, кажется, быть свойственна по настоящему положению Греции»⁵. Но к тому времени, когда были написаны эти письма, ход войны в Греции коренным образом изменился, и план Екатерины II по созданию своего рода греческой «Республики соединенных провинций» по образцу Нидерландов стал беспредметным.

Но война в греческих морях продолжалась, и российские военачальники по-прежнему призывали греков и других балканских жителей сражаться вместе с Россией за свое освобождение. Так, в воззвании адмирала Г.А. Спиридова от 12 (23) марта 1771 г. к балканским народам заявлялось, что «наступило время последний им, туркам, удар сделать и тем всех христиан освободить из-под ига агарянского». Адмирал призывал «к сему славному делу храбрых всегда в военных делах христианского закона славян, греков, македонцев, албанцев и румелиотов...»⁶. Призыв этот нашел большой отклик в Греции и других балканских странах. Уже в 1771 г. число добровольцев, сражавшихся вместе с русскими, достигло 4 тыс. Из присоединившихся к

⁴ Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова // Сборник русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 41–42.

⁵ Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским // Русский архив. М., 1890. Кн. 3. С. 229–230.

⁶ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. С. ХСVIII.

русским войскам жителей Балкан было сформировано восемь добровольческих батальонов.

Оживившиеся надежды греков на освобождение в результате военного выступления России против Турции нашли отражение и в обращениях видных представителей греческого общества к российской самодержице. Вот что говорил, например, известный греческий ученый и священнослужитель Евгений Булгари, прибывший в Россию в июле 1771 г. по приглашению Екатерины, на данной ему во дворце аудиенции. Обращаясь «ко благочестивой и христолобивой, богом прославляемой, непобедимой, великой императрице всероссийской» и выражая сожаление, что она не является и греческой императрицей, видный греческий деятель призывал ее оказать помощь в освобождении его родины: «Соверши ты мое благополучие приведением и рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя (Державнейшая Императрица) взирает, тебя молит, к тебе припадает»⁷.

Несколько позднее этот знаменитый ученый и горячий греческий патриот выступил с развернутой программой решения Восточного вопроса, включавшей в себя и освобождение Греции. Она была изложена в его публицистической работе «Размышления о нынешнем критическом состоянии оттоманской державы», опубликованной в 1772 г. на французском языке, вышедшей также на греческом языке, а позднее — и в русском переводе. По представлению Булгари, в ходе шедшей тогда войны с Россией Османская империя оказалась на краю пропасти. В то же время греческий мыслитель не считал крах османского государства неизбежным. Более того, он предупреждал, что если османы усвоят технические достижения европейцев и их военную тактику, то они снова будут представлять грозную опасность для всей Европы. По мнению ученого, военный разгром Османской империи силами России предотвратил бы эту опасность. Он выражал сожаление в связи с тем, что некоторые христианские государства стремятся помешать решительной победе России в войне с Османской империей, оправдывая свои действия необходимостью сохранения европейского равновесия. Между тем, как убежденно доказывал Булгари, для поддержания равновесия в Европе необходимо именно уничтожение Османской империи. Он писал буквально следующее: «Унижение Оттоманской империи предоставило бы, возможно, другим христианским державам бóльшие

⁷ РГАДА. Ф. 18. Д. 249. Л. 14 (служебный перевод с новогреческого).

выгоды, чем России; и в конечном счете произведенный по взаимному согласию раздел турецких провинций в Европе совместно с созданием небольшого независимого Княжества Греческой Нации смог бы содействовать в будущем сохранению действительного европейского равновесия»⁸.

Содержание брошюры Булгари и некоторые обстоятельства, связанные с ее публикацией (брошюра была издана на французском языке без имени автора, который находился в это время в Петербурге и был близок ко двору), дают основание предполагать, что в ней нашли отражение не только взгляды видного греческого патриота. При этом следует отметить, что предложенный Булгари путь национального освобождения Греции — создание небольшого независимого греческого княжества — не тождествен Греческому проекту Екатерины II, предусматривавшему создание Греческой империи.

Призывы к радикальному решению Восточного вопроса и освобождению Греции, обращенные к российской императрице, падали на благодатную почву. Екатерина II была видной представительницей просвещенного абсолютизма. Поддерживая в Европе свой образ просвещенной государыни, она состояла в переписке с некоторыми известными просветителями, в том числе с Вольтером. Важным элементом идеологии Просвещения было преклонение перед античностью, особенно перед культурой Древней Греции. Отсюда проистекал филэллизм видных деятелей европейского Просвещения. В переписке с императрицей Вольтер неоднократно высказывал надежду, что она покончит с турецким господством в Европе и «возродит в Греции Фидиев и Мильтиадов»⁹. Перспектива осуществить этот грандиозный замысел, на протяжении веков занимавший воображение королей и философов, не могла не льстить тщеславию правительницы России.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. не привела к крушению Османской империи, на что многие надеялись. В то же время, по завершившему ее Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, Россия не только получила надежный выход к Черному морю, но и сильные позиции на Балканах и Ближнем Востоке. Статьи договора, трактовавшиеся российской дипломатией расшири-

⁸ Арш Г.Л. Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII – начале XIX в. // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994. С. 82.

⁹ См.: Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882. С. 66, 193, 201, 207.

тельно, обеспечили России международно-правовое признание ее покровительства православному населению Османской империи. Возрос авторитет российского государства и самой императрицы среди греков и других балканских народов.

Симпатии греков к России усилились в результате того дружественного приема, который получали в этой стране греческие переселенцы. Массовая греческая эмиграция в Россию, начавшаяся после войны 1768–1774 гг., направлялась на земли Северного Причерноморья. Стремясь к быстрейшему заселению и освоению Новороссии, как официально стали называться с конца XVIII в. эти земли, царское правительство предоставляло всем поселявшимся здесь иностранцам значительные льготы и привилегии. Но самые большие льготы, особенно во времена правления Екатерины II, получали греческие эмигранты. Именно в годы ее правления были созданы специальные военные подразделения из греков — участников русско-турецких войн. Тогда же некоторым греческим общинам Новороссии было предоставлено право самоуправления*.

Рост могущества России, укрепление ее связей с греческим миром способствовали возникновению замысла петербургского двора разрешить кардинально Восточный вопрос. О своих далеко идущих планах в этом направлении Екатерина II недвусмысленно дала знать в связи с рождением 27 апреля (8 мая) 1779 г. ее внука, названного Константином. На то, что это имя, не встречавшееся прежде среди членов царствующего дома России, но весьма распространенное среди императорских фамилий Византии, было дано не случайно, указывают сопутствовавшие рождению великого князя обстоятельства. По случаю этого события была отчеканена специальная медаль с изображением Софийского собора в Константинополе и Черного моря с сияющей над ним звездой. Кормилицей Константина была гречанка, по желанию бабушки он воспитывался вместе с молодыми греками и изучал греческий язык. При дворе Екатерины II возникла мода на все греческое. Придворные устраивали пышные торжества в греческом духе. Так, на празднестве, устроенном князем Потёмкиным летом 1779 г. в честь рождения внука императрицы, во время ужина хор певцов пел под звуки органа строфы на древнегреческом языке¹⁰.

* Подробнее см. «Греческие колонии Новороссии и их роль в национальном освобождении Греции».

¹⁰ Брикнер А.Г. Потёмкин. СПб., 1891. С. 47.

Как сообщал в Лондон вскоре после рождения Константина британский посол Гаррис, у российского двора «преобладающей мыслью, затмевающей все остальные, является основание новой империи на востоке, в Афинах или Константинополе...»¹¹.

Поэты посвящали стихи новорожденному внуку Екатерины, предсказывая ему великое предназначение. Например, в стихотворении князя Ф.С. Голицына имелись такие строки: «Се Константин восстал! Ликуйте, мудры греки: возобновятся нам прошедши сладки веки. Афины мощною воздвигнет он рукой...». Известный же одописец Василий Петров приветствовал рождение Константина словами: «Гроза и ужас чалмоносцев, великий Константин рожден...»¹².

—
42

Следует заметить, что для русских образованных людей времен Екатерины II имя *Константин* было символом грядущего освобождения и возрождения Греции с помощью России. Характерно обращение к Екатерине II известного поэта и драматурга А.П. Сумарокова:

Поборствует России рок
Возставить имя Константина:
Подвержется тебе восток,
Великая Екатерина!

Строки эти были написаны в 1770 г., т.е. за девять лет до рождения великого князя Константина¹³.

В 1786 г. писатель Федор Туманский, обращаясь уже к самому великому князю Константину и вспоминая о византийских императорах, носивших то же имя, предсказывал, что ему предстоит восстановить греческую империю: «Константин основал престол в Царьграде и просветил Восточную империю. Константин потерял град и владычество. Константину предписано в книге судеб восстановить сие царство»¹⁴.

Но если высокое предназначение Константина как императора будущей Греческой империи было предано широкой огласке, что имело целью вызвать симпатии общественного мнения

¹¹ Маркова О.П. Указ. соч. С. 68.

¹² Там же. С. 70.

¹³ См.: Библиотека Академии наук. Отдел редких книг, XVIII в. Библиотека Куника.

¹⁴ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. СПб., 1786. Посвящение Ф. Туманского, издателя книги, великому князю Константину.

к Греческому проекту, то дипломатическая подготовка по превращению его в жизнь велась в глубокой тайне. Приступить к соответствующим дипломатическим шагам Екатерину II побуждала сложившаяся международная обстановка.

После Кючук-Кайнарджийского мира напряженность в русско-турецких отношениях нарастала. Особую остроту приобрела проблема Крыма, который Россия стремилась аннексировать, а Турция — вернуть под свое господство. Но в целом международная ситуация складывалась для России весьма благоприятно. Англия и Франция вели между собой изнурительную войну. В центре Европы позиции России в результате Тешенского договора 1779 г., предоставившего ей роль гаранта внутригерманских соглашений, были как никогда прочны. Австрия, из сухопутных европейских держав наиболее вовлеченная в балканские дела, стала союзницей России (русско-австрийский союзный договор был заключен в мае 1781 г.).

В этих условиях сторонники кардинальных шагов в Восточном вопросе в окружении Екатерины II, к которым относили Г.А. Потемкина и А.А. Безбородко, активизировали свою деятельность. В сентябре 1780 г. А.А. Безбородко, в то время доверенный секретарь Екатерины II, представил ей «Мемориал по делам политическим». В записке рассматривались различные варианты завершения войны с Турцией, которая назревала, и предполагалось, что союзником России в ней будет Австрия. Основное внимание автор уделил предположению, «что упорство Порты, с одной стороны, и успехи — с другой, подали бы способы к совершенному истреблению Турции и к возстановлению древней Греческой империи в пользу младшего великого князя, внука вашего императорского величества». Далее Безбородко ставил вопрос о тех территориальных компенсациях, которые следует предоставить другим державам, в первую очередь союзнику России Австрии, для того чтобы получить их согласие на осуществление задуманных грандиозных политических преобразований¹⁵.

Записка Безбородко легла в основу предложений, которые Екатерина II изложила в письме австрийскому императору Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г. Она высказывала здесь мнение, что международная обстановка и внутреннее состояние Османской империи позволяют поставить вопрос о полной

¹⁵ Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1. С. 385.

ликвидации османского господства в Европе. Императрица выражала уверенность, «что в случае, если бы успехи наши в предстоящей войне дали нам возможность освободить Европу от врага Христова имени, выгнав его из Константинополя», император не откажет в своем содействии «для восстановления древней Греческой империи». Эта новая империя, продолжала самодержица, должна быть совершенно независимой от России, а будущий греческий император, ее трехлетний внук Константин, должен будет отречься «навсегда от всяких притязаний на русский престол». Территориально помимо собственно Греции в нее должны были также войти Болгария, Македония и значительная часть Албании. План Екатерины включал в себя и создание независимого буферного государства по названию «Дакия», куда вошли бы Молдавия, Валахия и Бессарабия. Для самой России императрица просила небольших территориальных приращений — Очаков с прилегающей территорией и земли между Бугом и Днестром. За содействие в осуществлении своего проекта Екатерина просила Иосифа лично определить потребные ему приобретения¹⁶. Как правило, к указанным предложениям и последовавшим переговорам и сводится обычно в историографии весь Греческий проект Екатерины II. На деле же речь здесь шла лишь о дипломатической подготовке проведения его в жизнь.

Иосиф II стал правителем австрийского государства в 1780 г. (до этого он был соправителем своей матери Марии-Терезии). Став самовластным правителем, он произвел определенную переориентацию австрийской внешней политики: усилилось стремление к экспансии в западнобалканском регионе. Поэтому предложения Екатерины II пали на благодатную почву.

Глава Габсбургской монархии в ответном письме Екатерине II от 13 ноября 1782 г. назвал ту цену, за которую он был готов участвовать в осуществлении Греческого проекта¹⁷. Австрия претендовала на Хотин с округом, значительную часть Сербии с Белградом, Северную Албанию и принадлежавшую Венеции Истрию и Далмацию. За эти венецианские владения Вена собиралась «щедро» компенсировать республику Св. Марка передачей ей Мореи, Кипра, Крита и островов Архипелага. Но этот план компенсации был отвергнут в Петербурге. Как писал

¹⁶ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II // Русский архив. М., 1880. Кн. 1. С. 281–291.

¹⁷ Там же. С. 296–300.

А.А. Безбородко в своих замечаниях на предложение Иосифа II, «на таковую замену назначать острова из Архипелага, а и того более еще и полуостров Морею весьма несходно, ибо сие обратилось бы на крайнее стеснение Греческой монархии»¹⁸.

Обязательным условием своего участия в плане раздела Османской империи Иосиф II считал обезопасить себя со стороны Пруссии и Франции. По его мнению, для привлечения последней к плану раздела Османской империи ей нужно было обещать Египет.

Сам Иосиф II предпринял некоторые шаги для того, чтобы получить поддержку планам Екатерины со стороны версальского двора, связанного с ним не только союзными, но и династическими узами, но встретил решительный отказ¹⁹. Что же касается Пруссии, то Екатерина считала, что опасаться ее не следует, так как «преклонные годы» Фридриха II удержат его от решительных действий.

В 1783 г. Екатерина II прекратила переписку со своим австрийским собратом касательно Греческого проекта. Исследователь О.П. Маркова, считающая, что этому проекту предназначалась лишь служебная роль в дипломатической подготовке присоединения Крыма, утверждает, что после достижения данной цели (апрель 1783 г.) Греческий проект «потерял свое значение с окончанием дипломатической игры, ради которой он был пущен в оборот»²⁰. Однако с этим утверждением нельзя согласиться.

Прекращение императрицей дипломатических контактов по Греческому проекту связано с происшедшими к этому времени неблагоприятными для России изменениями в международной обстановке, о чем будет сказано ниже. В то же время, несмотря на присоединение Крыма, подготовка к войне с Турцией (как оборонительной, так и наступательной) продолжалась. Генерал-губернатор Новороссии Г.А. Потёмкин энергично занимался на вновь присоединенных землях Причерноморья строительством верфей, крепостей, arsenалов, прокладкой дорог и подготовкой военных кадров. Особое значение имело начавшееся в Херсоне и в Николаеве строительство военных кораблей и основание в 1783 г. Севастополя, ставшего главной

¹⁸ *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 116. Возражение на передачу Венеции каких-либо греческих территорий Екатерина II включила в свое письмо Иосифу II от 4 (15) января 1783 г. См.: Переписка... С. 305.

¹⁹ *Маркова О.П.* Указ. соч. С. 62.

²⁰ Там же. С. 72.

базой российского Черноморского флота²¹. Создание этого флота имело огромное значение и для обороны новых южных рубежей, и для нанесения удара в случае необходимости по самому центру Османской империи. Екатерина II во время своего путешествия в Крым летом 1787 г. собственными глазами увидела стоящую на рейде эскадру в составе 3 линейных кораблей, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирских лодок и 2 брандеров²².

Говоря о подготовке Екатерины II к новой войне с Турцией, в ходе которой мог быть осуществлен Греческий проект, следует коснуться одного немаловажного обстоятельства. Речь идет о создании широкой сети российских консульств в Греции.

—
46

Как известно, Россия получила право учреждения консульств в Османской империи по Кючук-Кайнарджийскому договору. Однако к созданию консульств Коллегия иностранных дел приступила практически в 1783–1784 гг., т.е. уже после присоединения Крыма. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции, — всего 15 консульств. Впоследствии Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции.

Российские консулы собирали политическую, экономическую и военную информацию. Опираясь на соответствующие положения Кючук-Кайнарджийского договора, они энергично выступали в защиту райи от притеснений турецких властей. В своих донесениях консулы сообщали о стремлении греков освободиться от османского ига, о надеждах, возлагавшихся ими в этой связи на Россию*.

Активность екатерининских консулов в защите греческого населения Османской империи можно отчасти объяснить и тем, что многие из них сами были греками. Среди них имелись и воспитанники основанного в 1775 г. в Петербурге для обучения греческой молодежи Корпуса чужестранных единоверцев. Это было уникальное учебное заведение, являвшееся базой подготовки из греков военных и дипломатических кадров в целях осуществления внешнеполитических планов Екатерины II. Оно просуществовало до 1796 г. и было закрыто после вступления на престол Павла I.

²¹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 62–63.

²² Там же. С. 96.

* Подробнее см. очерк «Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов».

В августе 1787 г. по инициативе Турции началась новая русско-турецкая война. Это произошло в весьма непростой для России обстановке. Русских войск в Причерноморье было мало, и они были недостаточно подготовлены к военным действиям. Главнокомандующий генерал-фельдмаршал князь Потёмкин-Таврический не проявил должной энергии и решительности в проведении военных операций. Лишь через полтора года после начала войны им был взят Очаков, являвшийся настоящей занозой с оборонительной системе российского Причерноморья.

Еще в канун русско-турецкой войны в неблагоприятную для России сторону изменилась и международная ситуация. Англия и Франция, заключившие в 1783 г. мир, начали активно противодействовать усилению России за счет Турции. На монархическом Олимпе Центральной Европы также произошли неприятные для Екатерины II перемены. Прусский король Фридрих II, не выступавший активно против антиосманских планов императрицы, умер за год до начала военного конфликта между Россией и Турцией. Его же преемник Фридрих Вильгельм II вступил в сформированную Англией антирусскую коалицию и занял угрожающую позицию. На стороне России в войну с Турцией в январе 1788 г. вступила Австрия. Но в феврале 1790 г. скончался Иосиф II, партнер Екатерины II по Греческому проекту. Его преемник Леопольд II в августе 1791 г. заключил сепаратный мир с Турцией. Все большую тревогу всех без исключения европейских монархов вызывала начавшаяся в 1789 г. во Франции революция.

В этой обстановке вопрос о международном обеспечении претворения в жизнь Греческого проекта был снят с повестки дня, и в плане его осуществления Екатерина II все больше внимания стала уделять контактам с самими греками. Об этом свидетельствует воззвание российской самодержицы к грекам от 17 (28) февраля 1788 г. Она обращалась к «преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов» с патетическим призывом: «Нешастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель разтерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую,

которая с веками многими не могла еще изгнать в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество»²³. Строки эти — очевидное свидетельство влияния культа Древней Греции, свойственного эпохе Просвещения, на формирование греческих планов российской императрицы и использование античных реминисценций для их пропаганды среди потомков эллинов.

Обращение Екатерины II к грекам с призывом подняться на освободительное восстание было связано с планом новой Архипелагской экспедиции. Но в связи с тем, что в июне 1788 г. началась война со Швецией, готовившийся выход эскадры под командованием адмирала С.К. Грейга в Средиземное море был отменен. Несмотря на это, манифест российской императрицы распространялся в Греции. Если бы греки в этих условиях последовали призыву Екатерины II и поднялись на восстание, то последствия для них могли быть самые печальные. Но на сей раз (можно сказать, что к счастью) сколько-нибудь значительных повстанческих выступлений на греческой земле не произошло. На море же российский офицер грек Ламброс Кацонис организовал добровольческую флотилию, успешно действовавшую на Эгейском море против турок. Под знаменами Кацониса собрались тысячи добровольцев²⁴.

В связи с действиями добровольческой флотилии Кацониса в 1788–1792 гг. коснемся вопроса, который до сих пор не затрагивался в историографии: это вопрос об отношении самих греков к Греческому проекту Екатерины II.

Здесь следует сказать, что переписка между Екатериной II и Иосифом II касательно Греческого проекта являлась глубокой тайной вплоть до 1869 г., когда ее опубликовал австрийский историк А. Арнет. Но тот факт, что один из внуков Екатерины II был назван Константином и получил эллинское воспитание, грекам был хорошо известен и вызывал у них большие надеж-

²³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1821 г. Д. 11342. Л. 73. Публикацию греческого текста воззвания см.: *Πρωτοψάλτη Β. Ἡ Ελευθερωτική κίνησις τῶν Ἑλλήνων κατὰ τὸν δεῦτερον ἔτη Ἀικατερίνης Β' ῥωσοτουρκικὸν πόλεμον (1787–1792)*. Ἀθήνα, 1959. Σ. 111–113.

²⁴ Подробно см.: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов. СПб., 2011; *Арш Г.Л.* Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море, попытка освобождения Греции (1788–1792) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь И.С. Достян. М., 2010.

ды. Многие из воевавших под командованием Кацониса были убеждены, что они сражаются за освобождение Греции и за создание независимого греческого государства, которое возглавит внук российской императрицы Константин.

Об этих настроениях знали и призывали власти использовать их некоторые российские дипломаты, поддерживавшие во время войны 1787–1791 гг. тесные связи с греками. Так, бывший российский консул в Смирне (Измир) П. Ферieri в записке, представленной в Коллегию иностранных дел в апреле 1790 г., предлагал изготовить специальную медаль для греков, отличившихся в боях против турок. На ней он предлагал изобразить Екатерину II, представляющую грекам своего внука. На оборотной же стороне медали следовало выгравировать следующую надпись на новогреческом языке: «Вот Константин, король эллинов». Ферieri считал, что если бы такая медаль была выпущена, то каждый грек стремился бы получить ее и претворить в жизнь надпись на ней²⁵.

О своем желании видеть на троне освобожденной Греции ее внука Екатерине II неоднократно сообщали и сами греки. Так, прибывшая в Петербург в декабре 1789 г. греческая делегация, стремившаяся получить поддержку России для подготовки восстания в Греции, в апреле 1790 г. была принята Екатериной II. Во время данной им аудиенции делегаты высказали надежду, что при поддержке России они смогут «избавить потомков афинян и спартанцев от деспотического ига». Делегаты просили императрицу дать грекам в качестве государя великого князя Константина.

Екатерина II отнеслась благосклонно к этим пожеланиям. Делегаты были представлены Константину, которому они на греческом языке изложили цель своей миссии. Тот пожелал делегатам, так же на их родном языке, успеха в осуществлении их планов²⁶.

Аналогичное обращение к Екатерине II было получено из Греции в 1792 г. После заключения Россией Ясского мирного договора с Турцией Л. Кацонис решил самостоятельно продолжить войну на Средиземном море. Приверженцы его, обосновавшись с оружием у руках в горной области Мани, на юге Пелопоннеса, обратились 19 (30) мая 1792 г. к Екатерине II с письмом, в котором говорилось, что сделали они это «на тот конец, дабы видеть себя

²⁵ История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004. С. 458.

²⁶ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 86–87.

освобожденными от недостойного варварского и тиранского ига и иметь на престоле Греции в Великом Константине собственного самовластного Государя и Самодержца»²⁷. Иными словами, Кацонис и его командиры утверждали, что решили продолжить войну с турками ради возведения на греческий трон великого князя Константина, фактически ради осуществления Греческого проекта Екатерины II.

Сама императрица, хотя и прекратила дипломатические переговоры относительно Греческого проекта, продолжала думать о его осуществлении. В июне 1788 г., когда вследствие войны с Швецией был отменен поход Балтийского флота на Средиземное море, который был важен для осуществления Греческого проекта, она говорила своему статс-секретарю А.В. Храповицкому: «Греки могут составить Монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться? Ибо лучше иметь в соседстве Христианскую Державу нежели варваров; да она и не будет страшна, разделясь на части»²⁸.

Имеется еще один интересный документ, подтверждающий неизменную и твердую приверженность Екатерины II Греческому проекту. Речь идет о письменном обращении Н. Пангалоса, одного из ближайших сподвижников Л. Кацониса, к великому князю Константину. Письмо это, не имеющее датировки, относится, по-видимому, к 1791–1792 гг.

Представитель греческих добровольцев, которые вели морскую войну против Порты, обращаясь к предполагаемому греческому императору, сообщал об их чаяниях и стремлениях: «Теперь предстоит наиспособнейшее время к истреблению врага православия и мучителя человечества и к возвышению на престол Константина Великаго, тебя кротчайшаго государя нашего; сим все мы дышим, сего надеемся, о сем думаем, и сим предметом утешаются все несчастные потомки просветивших Европу, которые днесь презираемы всеми, несут варварское иго». На обращении имеется помета Екатерины II. Императрица поручала передать автору обращения, «что содержание сего письма есть еще рановременное»²⁹.

Эта резолюция говорит о том, что после заключения мира с Турцией в декабре 1791 г. Екатерина II не желала возвращаться в своему Греческому проекту. Но в сокровенных мыслях россий-

²⁷ Арш Г.Л. Российская флотилия... С. 132.

²⁸ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1862. С. 66.

²⁹ Русский архив. М., 1864. № 7–8. С. 978.

ской императрицы Греческий проект присутствовал почти до конца ее дней. Характерно, что в ее кратком завещании, относящемся к 1792 г., где она главным образом высказывала пожелания относительно процедуры своих будущих похорон, имеется лишь одна, но весьма многозначительная фраза о ее наиболее крупных политических замыслах: «Мое намерение есть возвести Константина на престол Греческой восточной империи»³⁰. При этом следует иметь в виду, что после завершения второй войны с Турцией центр внешней политики России переместился с восточных дел на европейские и выраженное Екатериной II в ее завещании намерение является скорее наказом ее преемникам, чем конкретной политической целью.

Но весьма вероятно, что при изменении международной обстановки Екатерина II была готова вернуться к своим планам относительно решения Восточного вопроса. О серьезности разрушительных замыслов императрицы против Османской империи не раз высказывались и ее внуки Александр I и Николай I. Так, Александр I в личном письме султану Селиму III в 1805 г. утверждал, что, в отличие от образа мыслей, которого придерживалась Екатерина II почти до конца своего царствования, сам он является сторонником нормальных отношений с Турцией. Николай I в 1853 г. во время своих известных бесед с британским послом С.Д. Гамильтоном-Сеймуром по Восточному вопросу заявлял, что в отличие от своей бабки Екатерины II у него нет честолюбивых замыслов, относящихся к Османской империи³¹.

Несколько заключительных замечаний. Большинство историков, писавших о Греческом проекте, сводили его к обмену письмами между Екатериной II и Иосифом II в 1782–1783 гг. На самом же деле это была долговременная программа кардинального решения Восточного вопроса в интересах России с установлением ее преобладающего влияния на Балканах. Программа эта была подкреплена дипломатическими, военными и пропагандистскими акциями, а также некоторыми мерами в области внутренней политики, относящимися, в частности, к колонизации Новороссии. Разумеется, реальность осуществления

³⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 720.

³¹ См.: Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 55; Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 242.

Греческого проекта была весьма проблематичной, что в ни коей мере не ставит под сомнение реальность его существования и предпринимавшихся для его осуществления усилий.

Но в Греческом проекте была и другая сторона — освобождение балканских народов, в первую очередь греков, от многовекового иноземного ига в форме восстановления средневековой Греческой империи. И хотя после Французской революции многие греки восприняли иной, демократический вариант решения проблемы национального освобождения, эта сторона Греческого проекта, созвучная глубоко укорененной в греческом народе надежде на то, что избавление от иноземного рабства принесет ему единоверная Россия, оставила глубокий след в народном сознании.

—
52

Характерно в этом смысле отношение греков к великому князю Константину. Биография несостоявшегося греческого императора после екатерининских времен была связана со службой в армии, где он занимал видные посты. Он был участником итальянского похода А.В. Суворова, в войне 1812–1813 гг. командовал гвардией, с 1814 г. являлся главнокомандующим польской армией и фактическим наместником царства Польского. Таким образом, фактически жизненный путь великого князя Константина ничем не отличался от жизненного пути других членов царствующего дома, если не считать его отречения от престола, что создало после смерти Александра I обстановку междуцарствия, которой воспользовались декабристы. Но для греков Константин являлся живым символом освободительной, филэллинской стороны Греческого проекта. Неслучайно, что в течение многих лет после смерти Екатерины II вплоть до завершения Греческой революции 1821–1829 гг. греческие патриоты искали у него покровительства и помощи³². Греческий проект представлял собою не только значительную внешнеполитическую акцию России, но и важную веху в многовековой истории русско-греческих связей.

³² См., например: *Щпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965. С. 186; *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 341.

ГРЕЦИЯ ПОСЛЕ КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО МИРА ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ

В соответствии со ст. 11 Кючук-Кайнарджийского договора, который стал результатом окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Россия получала право учреждать по своему усмотрению консульства в любой точке Османской империи. И впервые в истории на территории Греции, главным образом на островах Эгейского моря, находившихся под властью османов, создаются российские консульские органы. Произошло это с большой задержкой из-за того, что Порта сопротивлялась осуществлению как этой, так и других статей мирного договора. В период с 1783 по 1786 г. учреждаются российские консульства на Негропонте (Эвбея), на островах Хиос, Родос, Самос и Санторин, а на Миконосе создается генеральное консульство России на островах Архипелага. Российские консульства открываются также на Крите и в некоторых населенных пунктах греческого материка, в Салониках, Патрах и Арте, а также на островах Ионического моря — Корфу, Кефаллинии и Закинфе, находившихся под властью венецианцев. Всего в Греции было тогда основано 13 российских консульств — самое большое число консульств, когда-либо существовавших в этой стране за всю историю русско-греческих отношений. Целью их основания было содействие развитию торговли с Грецией, а также обеспечение положений Кючук-Кайнарджийского договора о покровительстве России православному населению Балкан. За учреждением такого большого числа консульств в Греции скрывались и политические замыслы Екатерины II, воплотившиеся в ее Греческом проекте.

Российские консулы в Греции были в большинстве своем греками, которые поступили на российскую военную службу, служили и сражались на стороне России во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Например, уроженец Салоник

майор Христофор Комнин стал генеральным консулом в Патрах, а майор Либерал Бенаки, сын крупного землевладельца Пелопоннеса, служил консулом на Корфу. Еще один уроженец Пелопоннеса, капитан Николай Анастасьев, был назначен консулом на Санторин. Его карьера на русской службе в какой-то мере является показательной.

Николай Анастасьев был выходцем из Корони (Пелопоннес). Его отец служил генеральным консулом Великобритании в Корони. В 1770 г., когда российский флот стал вести активные военные действия у берегов Пелопоннеса, Анастасьев снабжал российские корабли провизией и другими необходимыми вещами, отказываясь получать за это какую-либо плату. Когда об этом стало известно туркам, они в отместку подожгли в Корони дома, принадлежавшие семье Анастасьевых. Сам Николай Анастасьев вместе с тысячами других греков-добровольцев участвовал в операциях российского флота в Архипелаге и вместе с флотом прибыл в Россию, где и продолжил свою военную службу.

В 1786 г. офицер Анастасьев стал первым российским консулом на Санторине. Он пробыл на острове около восьми месяцев и покинул его в апреле 1787 г., т.е. за четыре месяца до начала очередной русско-турецкой войны. Причиной его отъезда стали трения с некоторыми местными жителями, особенно с католическими старшинами Санторина, которые, по словам Анастасьева, ежедневно в присутствии всех греков всячески хулили и порицали его. Анастасьев смог вернуться в Россию и участвовал в русско-шведской войне 1788 г., за что получил орден Св. Владимира 4-й степени. После 27 лет российской военной и дипломатической службы он вышел в отставку и поселился в Крыму в районе Евпатории на угодьях, дарованных ему Екатериной II¹.

Другой участник Пелопоннесского восстания 1770 г., капитан П.Кревата, в 1786 г. стал консулом на Негропонте. Сохранившиеся в архиве документы, касавшиеся его назначения на должность, проливают свет на процедуру назначения европейских, в том числе российских, консулов в Османской империи. Чтобы начать консульскую деятельность в султанских владениях, нужно было получить два документа: берат и фирман,

¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 488. Различные прошения и ходатайства коллежского советника Н. Анастасьева, бывшего консула в Архипелаге.

исходившие от Порты, а формально — от султана*. Приведем начало «литерального перевода» берата от 5 числа луны шабана 1200 (21 мая 1786 г.), который был выдан П. Кревате:

«Султаном Абдул Хамид Ханом, сыном султана Агмед Хана, всегда победоносного, чрез сей священный знак и сию высокую Императорскую турру**», победителя вселенной, повелевается следующее: Пребывающий ныне при Блистательной моей Порте всероссийской императрицы чрезвычайный посланник, полномочный министр и кавалер Булгаков, знаменитый между вельможами нации Христианской (коего конец да будет благ) поданным за его печатью Блистательной моей Порте мемориалом, представлял, что видя необходимость учредить вследствие трактата в Негропонте консула для пристережения дел российских купцов и проезжих в помянутый остров, наименован и назначен туда консулом капитан Панайоти Кривата, который и получил патент с приложением печати от его двора».

Дальше в берате говорилось о правах консула. Так, в случае если кто-либо из русских купцов будет вести себя неподобающим образом, то консул мог, «ежели захочет, того сковать и отослать в свое отечество, никто не должен мешаться». Также согласно «высочайшему фирману» консул мог выставить флаг и герб и приступить к исполнению своих обязанностей².

Как уже говорилось, основной задачей российских консулов в Греции было содействовать установлению торговых связей с этой страной. В 1776 г. генеральным консулом в Архипелаге был назначен подполковник Иван Войнович. Как говорилось в данной ему Коллегией иностранных дел инструкции, он получил свою должность «для поспешествования заводимой из России в разные Блистательной Порты Оттоманской морские пристани непосредственной торговли»³.

Во всех донесениях российских консулов из Греции обязательно содержались сведения о возникновении торговых связей

* Берат — султанский указ о назначении на должность; фирман (фирман) — султанский приказ.

** Турра — монограмма султана.

² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 7–8.

³ Уляницкий В.А. Русские консульства за границу в XVIII веке. М., 1899. Ч. II. С. ДСIII. Из-за сопротивления Порты установлению российских консульств в своих владениях Войнович смог приступить к своим обязанностям лишь в 1783 г.

между некоторыми греческими островами и Россией. Также консулы обычно включали в свои донесения подробное описание мест своей консульской юрисдикции. Эти донесения представляют собою уникальный источник информации для изучения положения в Греции после Кючук-Кайнарджийского мира. Однако эта огромная масса ценнейших документов остается пока почти не освоенной исследователями. На основании этих документов мы собираемся поставить следующие проблемы: 1) демографическая ситуация в Греции; 2) греческая торговля и судоходство; 3) турецкая административная система в Греции; 4) повседневная жизнь греков под османским игом.

—
56 Среди прочего российские консульские донесения содержат сведения о численности населения некоторых греческих островов и городов, о его этническом и конфессиональном составе. Так как большинство российских консульств было учреждено на островах Эгейского моря, то и информация в этой части об островах носит более исчерпывающий характер. Прежде всего отметим, что, в отличие от материковой Греции, на Эгейских островах не проживало сколько-нибудь значительного турецкого населения. Приведем имеющиеся данные о населении некоторых островов Эгейского моря. Так, согласно донесению российского консула на Негропонте (Эвбея) П.Креваты от 28 июля (8 августа) 1786 г., на островах Скопелос, Скиатос, Скирос, Андрос, Кея обитали исключительно греки⁴. На Санторине, население которого насчитывало свыше 3 тыс. человек, согласно донесению Анастасьева от 18 (29) сентября 1786 г., не было ни представителей турецкой власти, ни вообще турок. Греки же острова были разделены на две общины: православную и католическую⁵. Население острова Самос, по сведениям консула Ф. Гаттески, составляло тогда около 30 тыс. человек. Все они были греками и почти все — крестьянами. Ага и кади составляли правление Самоса и, по словам консула, были единственными турками на всем острове⁶.

На некоторых других больших греческих островах турецкое население было более значительным. Так, по данным российского консула А. Бани, население Хиоса в 1800 г. составляло 123 тыс. человек, в том числе 120 тыс. греков, 2 тыс. турок

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 1450. Л. 5–7; Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1786–1787. Д. 1012. Л. 3–7.

⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1434. Л. 3.

и 1 тыс. католиков (последняя категория, вероятно, включала не только греков, принявших католичество, но и иностранцев, живших на острове).

Значительное турецкое население имелось на Негропонте — втором по размеру после Крита греческом острове. Это следует из донесения П. Криваты о численности населения главного города острова Халкис (Халкида). Согласно консулу, в 1786 г. здесь «собирается: турков около десяти тысяч, а греков до пятисот душ». Сельское же население острова было целиком греческим: здесь имелось около 400 деревень, где жило 80 тыс. человек, по словам консула, «все греческого исповедания народы»⁷. Турецкие общины существовали также на Крите и Родосе, но данные об их численности в консульских донесениях отсутствуют.

Хотя бóльшая часть донесений российских консулов в 1783–1787 гг. относится к Эгейским островам, они дают определенную информацию и о населении материковой Греции. Она содержится, в частности, в донесениях П. Криваты, консула на Негропонте, что было связано с тем, что юрисдикция негропонтского паши распространялась и на значительную часть Румелии (Центральная Греция). По данным консула, население Афин составляло тогда около 7 тыс. человек, из них греков — 5 тыс., турок — 2 тыс. «Вокруг сего города, — писал Кривата, — находится немалое число деревень, в коих жительство имеют все греческого исповедания народы». В донесении Криваты приводятся и данные о соотношении греков и турок в других городах Румелии: в Ливадии — 4 тыс. греков и 400 турок, в Фивах — 4 тыс. греков и 300 турок, в Зейтуни (Ламия) — 2 тыс. греков и 400 турок, в Салоне (Амфисса) — 1 тыс. греков и 300 турок. В Волосе тогда тоже жили и греки, и турки (каких-либо цифр о национальном составе населения города консул не приводит). Эти данные свидетельствуют о значительном преобладании греков в городском населении Румелии. Из донесений Криваты также явствует, что сельское население Румелии в тот период состояло исключительно из греков.

Самым большим по численности населения городом в территориальных рамках нынешней Греции и вторым (после Константинополя) в пределах тогдашней Европейской Турции в 80-е гг. XVIII в. были Салоники. По сведениям российского генерального консула в Салониках Д. Мельникова число жителей

⁷ Там же. Д. 1382. Л. 5.

обоего пола в городе составляло тогда 143 200 человек, в том числе 80 тыс. турок, 50 тыс. евреев, 8 тыс. греков, 200 европейцев и 5 тыс. евреев-рenegатов (евреев, перешедших в мусульманство). Поясним, что большая еврейская община в Салониках сложилась главным образом в XV–XVI вв. в результате эмиграции евреев из стран Южной Европы из-за преследований инквизиции. В донесении Мельникова содержатся также данные о числе учреждений религиозного культа, принадлежавших различным конфессиям: 39 мечетей, 20 церквей, 10 синагог⁸.

В донесении консула указаны и преобладающие виды занятий среди названных им национальных общин. По его данным, «большинство турок обращается в купечестве и ведет свою торговлю продажей здешних и в окрестности лежащих мест продуктов». Частью турецкого населения являлись янычары: в городе имелись четыре орты* янычар общей численностью 3500 человек. Греки же, по словам консула, «будучи в худом состоянии, упражняются отчасти в мелочной торговле, прочие же в маклерстве** и в прочих других художествах упражняются». А евреи, поселившиеся в Салониках, занимаются также маклерством и «разными другими низкими ремеслами»⁹.

В донесениях российских консулов нашла отражение и экономическая жизнь греческих земель последних десятилетий XVIII в. Из этих документов видно, что основой их экономики было сельское хозяйство. Главными продуктами Эгейских островов были виноград и вино. В Румелии же, описание экономической жизни которой содержится в донесении Криваты, также выращивалось много фруктов. Кроме того, среди главных произведений этих мест он называет пшеницу, хлопчатую бумагу (хлопок), сарачинское пшено (рис). Здесь также производилось в большом объеме деревянное (оливковое) масло.

* Орта — подразделение янычарского войска.

** Маклер для того времени — посредник между продавцом и покупателем.

⁸ Там же. 1785. Д. 1414. Л. 27–28. В источниках имеются и другие оценки численности населения Салоник во второй половине XVIII в. Так, по данным французских и венецианских консулов, она не превышала 80 тыс. (*Svoronos N. Le commerce de Salonique au XVIII siècle*. P., 1956. P. 8–11). Возможно, что речь здесь идет только о мужской части населения города.

⁹ Там же. См. также: *Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса*. М., 1991. С. 58–60, 108.

Продукты сельского хозяйства шли на экспорт, как правило, в необработанном виде. Значительное по своим масштабам ремесленное производство существовало только на Хиосе. Остров, изобиловавший фруктами, называли «садом Архипелага». В 1785 г. стоимость экспорта фруктов Хиоса оценивалась в 400 тыс. пиастров. Помимо фруктов важной статьёй экспорта острова были шелковые ткани. На их производство ежегодно расходовалось 36 тыс. окк шелка-сырца; из них 6 тыс. производилось на самом острове, а 30 тыс. были привозными¹⁰.

В XVIII в. Архипелаг, как и другие районы Греции, был районом активной торговли. Западная Европа экспортировала сюда промышленную продукцию и колониальные товары, получая в обмен продукты питания и сырье. До Кючук-Кайнарджийского мира доминирующие позиции во внешней торговле греческих областей и всего Восточного Средиземноморья принадлежали Франции. И после заключения мирного договора французы в основном сохранили свое преобладание в торговле континентальной Греции. Так, о торговле, которая шла через Афины, консул на Негропонте П. Кривата писал: «Сей город имеет хорошую гавань, к нему приезжает немало французских купцов, привозя при том на своих суднах сукно, сахар и кофе. А после, нагружая оные, деревянным маслом, отъезжают»¹¹.

Французы сохранили исключительное положение и в торговле прилежащего к континенту острова Негропонт, будучи единственными иностранцами, участвовавшими в торговых операциях. Они сохранили преобладание и в морской торговле Македонии, которую обслуживали Салоники. В 1785 г. консул в Салониках Д. Мельников так описывал роль французских купцов в торговле города: «Из наций европейских — французская всех многочисленнее, она имеет семь купеческих контор. Привозимые французами сюда товары: сукна, сахар, кофе, кочениль, индиго, позумент золотой и серебряный, пряное коренье и разные легкие парчи; вывозимые оными отсюда товары: пшеница, ячмень, хлопчатая бумага, шерсть, воск, мед и бумажная пряжа некрашенная. Французских судов приезжает сюда от пятнадцати до двадцати в год, а грузы подымают от восьми до десяти тысяч пудов»¹².

¹⁰ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785. Д. 992. Л. 25. В конце XVIII в. пиастр был равен 60 коп.; окка (мера веса) равнялась 1,282 кг.

¹¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 5.

¹² Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 35.

Однако после заключения Кючук-Кайнарджийского договора для греческих островов, помимо Франции и в целом Западной Европы, открылись торговые пути и в Россию. С 80-х годов XVIII в. объем торговли Греции с Россией неуклонно возрастает. «С самого заключения мира с Портою Оттоманскою, — доносил в сентябре 1786 г. русский консул, — производится торг российских подданных в острове Санторине и год от года умножается и распространяется». В 1785 г., несмотря на плохой урожай винограда, Санторин посетило девять кораблей под русским флагом¹³. В 1786 г. восемь русских кораблей побывало в портах Крита. В торговле с Россией участвовали в основном острова.

—
60
Особенно большого размаха русская торговля достигла с греческими островами восточной части Эгейского моря. Так, остров Самос в 80-х годах XVIII в. ежегодно посещали 30–40 кораблей под русским флагом. В 1786 г. 72 русских корабля посетили Хиос. В том же году первое судно под российским флагом побывало и в Пелопоннесе¹⁴. Из Херсона, Таганрога и других русских портов в Грецию привозились зерно, шерсть, сальные свечи, воск, вяленая рыба, коровье масло. Наиболее важными статьями греческого экспорта в Россию являлись фрукты, коринка, вина. Греческие вина пользовались в России большой популярностью; в частности, славилось санторинское вино.

Развитию русской торговли с Грецией весьма содействовало учреждение здесь русских консульств. Консулы не только защищали российских купцов и давали информацию о состоянии рынка, но в некоторых случаях даже непосредственно организовывали торговые операции. Так, консул К.О. Шпалькгабер 19 февраля (2 марта) 1786 г. сообщал с Крита, что по его внушению несколько местных ага нагрузили русское судно шелком-сырцом, мылом и оливковым маслом. Судно отправилось в Херсон, чтобы продать эти товары и привезти в обмен русские¹⁵.

Благоприятным фактором для российской торговли с Грецией было и то, что она обслуживалась в значительной мере самими греками. Как писал консул на Миконосе И. Войнович, «капитаны и экипажи судов, приходящих [на острова] под нашим флагом, являются, большей частью, греками»¹⁶. Это были жители островов и других районов Греции, пере-

¹³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1450. Л. 5.

¹⁴ Арш Г.Л. Указ. соч. С. 36.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1086. Л. 3.

¹⁶ Там же. 1782. Д. 1002. Л. 53.

селившиеся после Архипелагской экспедиции в Россию. Как правило, они сохраняли свои связи с родиной, хорошо знали обстановку на местах, ориентировались в способах удачного ведения торговых операций.

Большую роль в перестройке внешнеторговых связей островной части Греции сыграло и возникновение нового экономического фактора — греческого судоходства Архипелага.

Еще в первые десятилетия XVIII в. зафиксировано появление у некоторых небольших островов Архипелага собственного флота, который обслуживал экономические потребности островитян. Но пора подлинного расцвета греческого судоходства началась после Кючук-Кайнарджийского мира и в значительной мере благодаря ему. Черное море широко открылось для торговли и судоходства, на его берегах возникли русские портовые города, составной частью которых стали греческие торговые общины. Острова Архипелага были поставлены под особое покровительство России.

Возникновение большого греческого торгового флота, изменившее экономическую, а в перспективе и военно-политическую обстановку в Восточном Средиземноморье, зафиксировано в целом ряде российских консульских донесений. С момента своего прибытия в османские владения, русские консулы обратили в этой связи особое внимание на мореходов с острова Идры. Как писал в 1783 г. И.И. Хемницер — известный поэт, служивший тогда консулом в Смирне (Измир), — «идриотские и другие мелкие суда турецкую торговлю по городам и портам Леванта отправляют»¹⁷. В том же 1783 г. российский генеральный консул в Архипелаге И. Войнович дал весьма высокую оценку не только профессиональным, но и боевым качествам моряков Идры: «Сей остров производит отважнейших из всего Леванта мореходцев, кои также и храбрые воины. У них более ста двадцать судов с парусами треугольными, ходящих с безмерным проворством и годных к перевозкам съестных запасов и войск и к учинению при случаях всякого скорого действия»¹⁸. Такую способность к «скорому действию» идриоты действительно показали во время революции 1821 г. Между тем флот Идры продолжал расти. В 1788 г., после начала русско-турецкой войны, остров, по сведениям русского консула на Родосе майора Г. Турнавити, обладал уже 180

¹⁷ Там же. 1783. Д. 1600. Л. 5.

¹⁸ Там же. 1783. Д. 1005. Л. 17.

шебеками* грузоподъемностью от 33 до 200 т. Консул привел также сведения о количестве судов, принадлежавших еще двум островам Архипелага: Микonos владел 20 судами грузоподъемностью от 50 до 260 т, Касосу принадлежало 30 судов грузоподъемностью также от 50 до 260 т¹⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что в числе упоминаемых русскими консулами мореходных островов отсутствуют Спеце и Псара — два острова, которые наряду с Идрой сыграли выдающуюся роль в национально-освободительной революции. Очевидно, это свидетельствует о том, что становление судоходства этих островов произошло позже судоходства Идры.

— Для понимания особенностей развития греческого судоходства важны и сообщаемые консулами сведения о системе управления Эгейских островов. В этом отношении они могут быть разделены на две группы. К первой принадлежали острова, которые находились под управлением капитан-паши, главнокомандующего турецким флотом. Ко второй группе — острова восточной части Эгейского моря и самый большой греческий остров Крит, которые управлялись другими турецкими должностными лицами.

62 Провинция капитан-паши включала в себя в основном Северные Спорады и Киклады. В большинстве случаев эти острова управлялись видными лицами из числа местных греков — проэстосами, как они назывались. Но были и острова, управлявшиеся турецкими должностными лицами. В связи с пребыванием турецких чиновников на отдельных Кикладских островах, на Миконесе произошло неприятное для престижа России событие. Остров этот избрал в качестве своей резиденции генеральный консул в Архипелаге И. Войнович. Но так как остров не вел какой-либо внешней торговли и даже не производил необходимых для этого продуктов, то выбор Войновича вызвал подозрения Порты. Как писал в своем донесении Екатерине II от 1 (12) мая 1785 г. посланник в Константинополе Я.И. Булгаков, Порты «назначила на оный остров воеводу и кадия без сумнения в единственном намерении присматривать за поведением онаго консула. И обыватели, коим конечно неприятно было видеть себя управляемыми турками — воеводою и кадием, чего прежде у них не бывало и чрез что лишились они своей вольности, следовательно и против консула, яко чиновника нового над собою правления не могли не быть худо

* Шебека — парусно-гребное трехмачтовое судно.

¹⁹ Арш Г.Л. Указ. соч. С. 57.

разположены»²⁰. Булгаков счел жалобу жителей Миконоса вполне обоснованной, но что-либо изменить в создавшейся ситуации он был не в состоянии.

Налоги с указанной группы островов Архипелага шли в казну капитан-паши. Помимо этого, на островитян была наложена тяжелая повинность поставлять для турецкого флота суда вместе с командами. Как сообщал консул на Родосе Г. Турнавити, капитан-паша после начала русско-турецкой войны 1787–1791 гг. реквизировал 80 идриотских судов «для употребления на Черном море»²¹.

Хотя все Клады и Северные Споряды формально зависели от капитан-паши и платили ему налоги, но в российских консульских донесениях 1780-х годов имя его не упоминается (в то время эту должность занимал Хасан-паша Джезаирли). И это упущение не было случайным. Реальная власть в Эгейском Архипелаге принадлежала Николаосу Мавроенису, драгоману флота*. Имя этого высокого должностного лица неоднократно упоминается в российской дипломатической переписке. Так, в мае 1785 г. Булгаков писал о Николаосе Мавроенисе, что тот «есть первый советник, управляющий всем поведением капитан-паши»²². Войнович же высказывал о Николаосе Мавроенисе и его брате Димитриосе весьма отрицательное мнение, согласно которому братья Мавроенисы суть жестокие угнетатели островитян и «смертные враги российского имени». Консул также выражал сожаление, что во время Архипелагской компании 1769–1774 гг. он заступился за Димитриоса Мавроениса, которого главнокомандующий А.Г. Орлов хотел повесить²³.

Теперь перейдем к другой группе Эгейских островов — к тем, которые не входили в епархию капитан-паши. Наиболее крупными из них являлись Самос, Родос и Хиос, расположенные вблизи побережья Малой Азии. Согласно донесениям консула на Родосе Турнавити, островом управлял представитель власти, именованный мюселимом**²⁴. Согласно же донесению консу-

* Драгоман флота — переводчик при капитан-паше.

** Видимо, речь идет о фонетическом варианте термина *мютесселим* — заместитель губернатора.

²⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 653. Л. 37.

²¹ Там же. 1788. Д. 1403. Л. 3.

²² Там же. 1785. Д. 653. Л. 44.

²³ Там же. 1783. Д. 1005. Л. 34.

²⁴ Там же. 1785. Д. 1392. Л. 11.

ла на Самосе Ф. Гаттески, «ага и кади составляют его правление и являются единственными турками на всем острове»²⁵.

Более детальную информацию российские консульские донесения дают об административной системе Хиоса. После завоевания этого острова турками в 1566 г. он ежегодно платил фиксированную сумму в казну Османской империи, сохранив при этом свои учреждения и самоуправление. Но к концу XVIII столетия эти привилегии были в значительной степени ликвидированы. Главой администрации Хиоса (так же как и Родоса) был мюселим; он же одновременно являлся и откупщиком сбора налогов с населения. Срок властных полномочий мюселима был небольшим (один или два года), и главной его целью являлось собрать с райи как можно больше денег. Что же касается других органов управления, то, как сообщал в 1800 г. консул на Хиосе А. Бани, здесь существовали два совета: турецкий, который насчитывал 14 ага, и греческий, куда входило 40 проэстосов. Этот греческий совет принимал определенное участие в управлении островом²⁶.

Свои особенности в системе управления имел Крит. В 1786 г. остров делился на три провинции — Канея, Ретимно и Кандия, которыми управляли пашаи²⁷. Пашаи управляли и континентальной частью Греции. Паша, заседавший в Салониках, управлял этим городом и частью Македонии. Порта часто меняла пашей в Салониках, и реальной властью являлись здесь аяны — мусульманские нотабли. В донесении консула в Салониках Мельникова от 20 февраля (3 марта) 1787 г. перечисляются эти аяны: главный аян Мустафа-бей, второй и третий аяны, соответственно, Юсуф-бей и Осман-ага²⁸.

Значительная часть Румелии входила в Негропонтский санджак, которым управлял паша, чья резиденция находилась в Халкисе. Мореей (Пелопоннес) также управлял паша, резиденция которого находилась в Навплии. Как и в ситуации с Архипелагом, при этом паше большую роль играл грек-драгоман, назначавшийся драгоманом Порты и зависевший от него. Особый статус в Морее принадлежал городу Патры. Он являлся вакуфом султана, который представлял доходы с

²⁵ Там же. 1786. Д. 1434. Л. 3.

²⁶ Там же. 1800. Д. 1669. Л. 7, 20.

²⁷ Там же. 1786. Д. 1090. Л. 29.

²⁸ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785–1787. Д. 995. Л. 168.

него имарету* в Константинополе. Мютеселлим (управляющий имаретом) за определенную фиксированную плату отдал город двум грекам — Бензелло Руссосу и Роди Канакарису, а те, в свою очередь, избрали воеводой турка Юсуф-агу. Этот триумvirат и застал в Патрах, по своему прибытии в город в августе 1785 г., российский консул Христофор Комнин. То, что городом управляли единоверцы, для жителей отнюдь не было каким-либо благом. Они, как писал Комнин, «в течение четырех лет управляли городом, как будто он являлся их собственностью. На протяжении этого времени налоги назначались произвольно. И они так хорошо приняли свои меры, что никто не осмеливался публично жаловаться, и они располагали имуществом жителей по своему произволу. Народ стонал под этим гнетом и искал только случая, для того чтобы сбросить эту тиранию». Триумвиры пытались избавиться от русского консула, присутствие которого казалось им опасным. Но Комнин принял свои контрмеры: он сумел получить поддержку архиепископа и некоторых видных горожан. На собрании в его доме жители высказали пожелание, чтобы отныне каждый квартал избирал своего депутата и они все вместе управляли бы городом. В результате триумвиры утратили свое влияние, а Юсуф-ага был смещен²⁹.

Находившиеся на Ионических островах российские консулы внимательно отслеживали также и ситуацию в материковой Греции, особенно в Эпире и Пелопоннесе. Объектом их особого внимания была Мани — горная область на юге Пелопоннеса, на протяжении веков сохранявшая свою фактическую независимость. В 1770 г. Мани стала основным очагом большого антитурецкого восстания, охватившего полуостров. После этого Порта предприняла усилия для умирения непокорных горцев. В 1779 г., в результате похода капитан-паши Хасана Джезаирли в Морею, Порте удалось усилить свой контроль над этим горным краем. Джанет-бей, правитель Мани, отстраненный капитан-пашой от власти и нашедший убежище на Ионическом острове Занте (Закинф), в 1785 г. представил Л. Бенаки, генеральному консулу России на Корфу, записку о положении его родины в это время. Оно характеризовалось усилением зависимости Мани от султанской власти. По

* Имарет — мусульманский религиозно-культурный центр.

²⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 1359. Л. 48–49.

словам бывшего правителя, «Мани находится под управлением капитан-паши, который делает все, что он хочет». Общее состояние горного края Джанет-бей характеризовал следующим образом: «Деревень в Мани имеется 70, домов семь тысяч, взрослых мужчин десять тысяч, всего душ 32 тысячи... Купцы прибывают сюда из многих мест, но до настоящего времени — иностранцы, а не местные жители. Сейчас же, после прекращения войны между великими государями, появились здесь немногие пелопоннесцы — соседи, занимающиеся небольшою торговлей»³⁰.

—
66 Попытки влиятельных турок, а иногда и греков, помешать появлению в их местах российских консулов, в которых они видели препятствие для своих бесчинств и произвола в отношении бесправного населения, наблюдались в ряде районов Греции. Характерна в этом отношении реакция турецкой знати центрального города Негропонта Халкиса на прибытие в их город российского консула П. Креваты в июле 1786 г. Как уже говорилось, российский консул (как и английский, и французский консулы в османских владениях) имел два официальных документа, исходивших от султана и определявших юридические основания для осуществления консульских функций: берат, содержащий в себе перечень прав и полномочий консула, и фирман, обращенный к властям острова, которым предписывалось позволить консулу «выставить свой флаг и герб без всякого затруднения».

Тем не менее, как сообщал консул, местные турки собрались писать султану, «что будто бы я нарочито послан сюда от России для переговоров с находящимися здесь греками, дабы со временем учинить то, что отец мой и я в прошлую войну в Морее учинили». Турки также всячески препятствовали общению местных греков с российским консулом. Как сообщил Кревате греческий митрополит Негропонта, «они запретили ему и другим грекам под смертною казнию, что ежели дерзнет с них на двор мой взойти»³¹.

На Крите же турки, настроенные против каких-либо контактов России с греками, перешли от слов к делу. Прибытие в Канею (Ханья) 20 апреля (1 мая) 1785 г. российского консула К.О. Шпалькгабера вызвало мятеж местных турок. Шпальк-

³⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1785. Д. 325. Л. 44.

³¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 5.

габер должен был вернуться в Константинополь и снова высадиться на Крите уже с помощью российского посланника в сентябре 1785 г. Тогда консулу удалось узнать, что за попытками помешать его установлению на Крите была и рука французского консула. По сведениям Шпалькгабера, французский консул на Крите сказал одному видному местному турку, что «он охотно отдал бы из своего кармана 500 пиастров, если бы установление консула России не имело места»³². И это был не единичный случай подстрекательства турок со стороны французских агентов к выступлениям против российских консулов в Греции. Комментируя эти действия французов, российский посланник в Константинополе Булгаков писал Шпалькгаберу, что они «не могут доброжелательно наблюдать за обоснованием наших консулов и особенно в местах, где только они получали всю выгоду от торговли. Всюду они стараются интриговать и возбудить население против наших консулов»³³.

Российские консулы были представителями могущественной державы и находились под ее защитой. Но также они в основном были и греками, вследствие чего принимали близко к сердцу страдания своих соотечественников под чужеземным игом. Во многих донесениях российских консулов дается картина бедствия и страданий, которые испытывали греки под жестоким турецким гнетом. Сильнее всего этот гнет ощущался в областях материковой Греции и на больших греческих островах, которые формально находились под управлением назначенных султаном пашей и на которых имелось значительное турецкое население. Так, согласно донесению консула в Патрах Х. Комнина, жители Пелопоннеса «отягощены и задавлены обременительными налогами, не оставляющими им хлеба на прокормление их семей»³⁴. О непосильном налоговом бремени, которое испытывали жители Салоник, писал и консул Мельников. По его словам, горожане «от необычайных податей и разных других налогов и притеснений, причиняемых им от стороны иногда бываемых пашей и всегда обитающих здесь аянов или первых начальников, в бедном состоянии находятся»³⁵.

³² Там же. 1785. Д. 1073. Л. 69.

³³ Там же. Д. 1078. Л. 5.

³⁴ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785–1787. Д. 991. Л. 75.

³⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 1414. Л. 27.

О тяжести турецкого ига писал с Крита и консул Шпалькгабер: «Хотя бедные сии христиане страдают в сем пространном государстве от тиранства турок, но смело подтверждаю, что нигде столь худо с ними не поступают и не чувствуют они столь сильно бремени наложенного на них страшного ига, как в сей провинции»³⁶.

Кревата, консул на другом большом греческом острове, Негропонте, считал, что нигде турки не обращаются с греками столь жестоко, как здесь: «Оные греки весьма в превеликом от турков притеснении находятся, так что убивают их без всякой пощады за самые малейшие вины и иногда и безвинно, ибо таковых, кои бы более обитателей из турков здешнего города наполнены зверством, злостью, суровостью и развратностию, нигде во всем турецком владении обрести нельзя»³⁷.

68 Шли годы, менялись турецкие правители в Греции, менялись и сами российские консулы, но картина повседневной жизни греков, которая засвидетельствована в их донесениях, не менялась. «Начиная от паши, — сообщал в 1803 г. из Мореи консул М.Я. Минчаки, — все чиновники Порты, которым поручено управлять этими провинциями, постоянно совершают вопиющие несправедливости, занимаются только тем, что насилуют, вымогают, терзают жителей». В 1800 г. не менее резкую характеристику представителям турецкой власти на Хиосе давал консул на этом острове А. Бани: «Здешние управители вообще суть толикие хищные волки, не внемлющие справедливости, и бывают уполномочены здесь от их правительства на один только год, дабы грабить бедных райев и всех тех, кои не в состоянии им упорствовать»³⁸.

Консулы, авторы донесений о тяжелом положении греков под османским господством, как уже говорилось, и сами были в основном греками. Однако нет оснований обвинять их в какой-либо пристрастности или сгущении красок. О тяжелом бесправном положении греческих крестьян писал и Ф. Божур, бывший в конце XVIII в. французским консулом в Македонии. По его словам, «в Македонии, как и в Польше, крестьяне умирают от голода, в то время как господа купаются в роскоши». Правовое положение греческих крестьян он сравнивал с положением американских негров³⁹.

³⁶ Там же. Д. 1073. Л. 106.

³⁷ Там же. Д. 1382. Л. 5.

³⁸ Арш Г.Л. Указ. соч. С. 48.

³⁹ Там же. С. 31.

Однако ситуация не везде в Греции была столь тяжелой, как в тех областях, к которым относятся вышеуказанные консульские донесения. Она зависела от присутствия завоевателей и от их власти в той или иной области. На островах Архипелага это присутствие было значительно меньшим, чем в материковой Греции. Консул на Негропонте Кривата привел список островов, где вообще не было турецкого присутствия. В этом списке четыре острова: Скопелос, Скирос, Андрос, Зеа (Кея). По словам консула, «поелику на всех сих островах турки жительство не имеют, то и обитатели их, греки, живут противу других гораздо спокойнее»⁴⁰.

Было бы неправильным считать, что те бесчинства и жестокости, которые творили в отношении греков представители власти и местные необузданные мусульманские элементы, получали одобрение Порты. Эти эксцессы вызывали бегство греческого населения, в результате чего суживались возможности систематической эксплуатации страны. Помимо того, доведенное до отчаяния население усиливало борьбу против османского господства. Этим можно объяснить время от времени предпринимавшиеся Портой попытки ослабить чинившийся в отношении греков произвол.

Об этих попытках и их результатах упоминается в ряде донесений российских консулов. Так, консул на Негропонте Кривата 28 июня (8 июля) 1786 г. сообщал: «20 числа сего месяца прибывший сюда из Константинополя курьер привез к здешнему паше указ, повелевающий чтобы никто из турков, опасаясь смертной казни, никакими обидами угнетать греческого вероисповедания народов не дерзал». Но, как сообщал через два месяца консул, султанский указ отнюдь не был принят к исполнению местными турками. Они, по словам консула, «не только тому предписанию повинились, но и вящее еще прилагают тщание как ко убивству, равно и к непрерывному угнетению оных, так что чрез малое сие время бытности моей здесь обстоит погубленных ими без малейших причин более 15-ти душ»⁴¹.

Аналогичная попытка с аналогичным результатом была предпринята султаном Абдул Хамидом и на Крите. Из донесения Шпальгабера от 1 (12) сентября 1786 г. явствует, что местный паша получил хатт-и шериф султана, по которому

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 1382. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 6, 15.

греки должны были избрать «покровителя», который защищал бы их против притеснений пашей и ага и заботился бы о том, чтобы они управлялись в соответствии с предоставленными им Портой привилегиями. Греки избрали своим покровителем местного муфтия*, однако ага заставили пашу аннулировать этот «священный указ»** султана⁴².

Не находя защиты своей жизни и собственности у турецкой власти, греки искали ее у иностранных держав. В XVIII в. на Балканах появилась довольно широкая категория лиц, которые официально пользовались иностранным покровительством, — т. н. баратеров. Право на такое покровительство давало приобретение двух видов документов, которые, как уже говорилось, формально выдавал сам султан: берата и фирмана. Определенное количество подобных документов получало каждое иностранное консульство в Османской империи для своих сотрудников из местного населения. Эти бераты и фирманы продавали иностранные посольства в Константинополе, для которых они служили источником доходов. Цена берата и связанных с ним фирманов зависела от престижа той иностранной державы, для консульства которой предназначались эти документы. После основания русских консульств в Греции появился интерес к русскому берату, который стал цениться как французский (до того момента самый дорогостоящий). Об одном из случаев появления в Греции русских баратеров свидетельствует указание, данное посланником Я.И. Булгаковым 7 (18) июля 1785 г. генеральному консулу в Салониках Д. Мельникову: «Из принадлежащих к Салоникскому посту бератов выдать один тамошнему обывателю греку Димчо Теодори Мандуке, а зависящие от берата два фермана: 1) греку Темели Абрамосу, 2) жиду Лиезеру Сарфатию. Извещая об оном, прошу покорно в. в. б. [ваше высокоблагородие] не оставить их своим защищением во всех их нуждах и торгах на основании торговых прав, утвержденных для наших баратеров торговым трактатом, и именно артикулами 6, 9, 51, 55, 56 и пр., в силу коих должны они пользоваться всеми преимуществами наравне с нашими подданными»⁴³.

* Муфтий — богослов-правовед, имевший право толковать законы и распоряжения власти.

** Буквальный перевод термина «хатт-и шериф».

⁴² Там же. 1786. Д. 1090. Л. 63–64.

⁴³ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785–1787. Д. 995. Л. 19.

Употребленное Булгаковым слово «выдать» не означало, что эти документы выдавались бесплатно. Российский берат вместе с двумя фирманами, как и французский, стоил семь тысяч пиастров⁴⁴. По тому времени это была большая сумма, и поэтому баратерами могли стать только купцы и другие состоятельные люди.

Более общедоступным был другой способ получения покровительства России — эмиграция. Несколько тысяч греков, участников Архипелагской экспедиции 1770–1774 гг., переселилось в Россию сразу после Кючук-Кайнарджийского мира. Но тяга греков к эмиграции в дружественную страну не ослабла. Основание российских консульств в Греции дало ей новый толчок. По словам консула на Крите Шпалькгабера, «если бы я захотел удовлетворить всех тех, которые обращались ко мне, чтобы оставить родину и переехать в Россию, то думаю, что лишил бы эту страну почти половины греков»⁴⁵. Некоторые из переселенцев возвращались в Грецию уже с русскими паспортами и таким образом приобретали право на защиту со стороны русских консулов.

Появление в конце XVIII в. русских консулов в греческих землях усилило существовавшие у греков еще с первых веков чужеземного ига надежды на то, что их освобождение придет с Севера, со стороны великой единой державы. Об этом свидетельствует эпизод, рассказанный Шпалькгабером в одном из его донесений: «Прогуливаясь верхом с драгоманом и двумя янычарами, две гречанки остановили меня, желая знать, кто я таков, и, узнав о мне, спросили меня, когда освободите нас от сих варваров? Можно судить о моем смущении, так как сие произошло в присутствии янычаров, то и удалился я в скорости, ничего не отвечая»⁴⁶.

Деятельность российских консулов в Греции, в частности, защита ими притесненной райи получила положительную оценку со стороны патриотически настроенных греческих современников. Так, виднейший греческий просветитель Адамантиос Кораис, живший во Франции и отнюдь не принадлежавший к кругу апологетов Екатерины II, в 1803 г. писал в своей известной записке «*Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans*

⁴⁴ Там же. 1785. Д. 992. Л. 71.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1090. Л. 50.

⁴⁶ Там же. 1785. Д. 1073. Л. 107.

la Grèce»: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство или служили под начальством русских»⁴⁷.

—
72 После русско-турецкой войны 1787–1791 гг. многие российские консульства в подвластной османам Греции прекратили свою деятельность. Но эпоху широкого присутствия екатерининских консулов в Греции сохранили для истории их донесения, хранящиеся в российских архивах. В комплексе эти донесения дают уникальную картину жизни греческого народа в 1783–1787 гг., занятий и быта греков, их надежд и чаяний, характера власти, в условиях которой они жили. Все донесения проникнуты горячим сочувствием к греческому населению, которое испытывало тяжкий гнет и жестокости со стороны турецких начальников любого ранга. Пребывание большой группы российских консулов в Греции в канун русско-турецкой войны 1787–1791 гг. стало яркой, хотя и малоизвестной страницей в истории многовековых русско-греческих связей.

⁴⁷ Цит. по русскому переводу: *Корай А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

РОССИЙСКАЯ ФЛОТИЛИЯ ЛАМБРОСА КАЦОНИСА НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ: ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРЕЦИИ (1788–1792)

Ламброс Кацонис — выдающийся деятель эпохи борьбы за национальное освобождение Греции. Он принадлежал к той плеяде греческих патриотов, которые, поступив на службу России, использовали те возможности и преимущества, которые давала эта служба, в интересах борьбы за освобождение своей родины. Под его руководством в 1792 г. греки, воспользовавшись русско-турецкой войной, предприняли первую самостоятельную попытку освободиться.

Кацонис сыграл также важную роль и в истории России, а именно в истории русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Хотя, в отличие от русско-турецкой войны 1768–1774 гг., русский флот на Средиземном море не появился, но благодаря созданной Кацонисом добровольческой флотилии здесь возник второй морской фронт, отвлекший значительные турецкие силы и содействовавший успехам русского флота на Черном море. Эпопея Кацониса выходит за рамки событий второй русско-турецкой войны в царствование Екатерины II: речь идет о большой проблеме значения русско-турецких войн в подготовке национального освобождения Греции.

О подвигах Ламброса Кацониса в Ионическом и Эгейском морях в 1788–1792 гг. писали многие греческие историки. Их работы основываются главным образом на материалах французских и венецианских архивов¹. Однако богатый и важный материал о храбром российском офицере и греческом патриоте, хранящийся в архивах России, до последнего времени

¹ См.: *Πρωτοψάλτη Ε.* Συμβολή εις την ιστορίαν του Λάμπρου Κατσώνη // Αθήνα. Εν Αθήναις, 1958. Τ. 62; *Μέρτζιου Κ.* Νέαι ειδησεις περί του Λάμπρου Κατσώνη και του Ανδρούτσου // *Πραγματεΐαι της Ακαδημίας Αθηνών.* Εν Αθήναις, 1959. Τ. 23, αρ. 3; *Γεωργίου Η.* Ο Θαλασσομάχος Λάμπρος Κατσώνης. Αθήνα, 1971.

оставался почти неиспользованным. Первым важным шагом в этом направлении была публикация книги профессора Ю.Д. Пряхина «Ламброс Кацонис в истории Греции и России» (Санкт-Петербург, 2004). Это исследование основывается в основном на неопубликованных документах двух петербургских архивов: Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива военно-морского флота. В Архиве внешней политики Российской империи в Москве также содержатся многие неопубликованные документы о Кацонисе. В данном очерке использована часть этих материалов, а также некоторые российские публикации, имеющие отношение к Кацонису. На базе этих источников мы сможем прояснить некоторые спорные вопросы, касающиеся личности Кацониса и его кампании.

Этот знаменитый русско-греческий воин родился в Ливадии (Центральная Греция) около 1752 г. В 1770 г. он был в числе многих добровольцев, присоединившихся к российскому флоту, когда тот появился в греческих водах. После Кючук-Кайнарджийского мира Кацонис, как и многие другие греческие добровольцы, переселился в Россию и стал офицером сформированного здесь Греческого полка. В 1787 г. разразилась новая русско-турецкая война, и Кацонис отличился в военных операциях на Черном море. Вскоре, однако, военные действия на Черном море приостановила зима.

Но Кацонис хотел продолжать борьбу против общего врага России и Греции. Он решил отправиться в Архипелаг и открыть там новый фронт борьбы против турок. Главнокомандующий русской армией князь Г.А. Потемкин-Таврический одобрил этот план и произвел Кацониса в чин майора. В январе 1788 г. Кацонис через Вену прибыл в Триест. Здесь, в большом союзном порту (Австрия объявила войну Порте также в январе 1788 г.), он купил и вооружил трехмачтовое судно, назвал его в честь Екатерины II «Минерва Северная». Но кто же финансировал покупку фрегата?

Об этом известный греческий историк Константинос Сатас пишет: «В январе 1788 г. локридо-беотиец* Ламброс Кацонис, находившийся на русской службе, прибыл в Триест и, купив на взносы греков 26-пушечный американский крейсер и назвав его “Минерва Северная”, отплыл с остальной флотилией, целиком за счет греков оснащенной»².

* Локрида-Беотия — область Центральной Греции.

² Σάθας Κ. Τουρκοκτούμενη Ελλάς. Αθήναι, 1962 (επανέκδοση). Σ. 538.

Некоторые греческие историки повторяют подобные утверждения. Но, как отмечает профессор О. Кацциарди-Херинг в своем интересном исследовании «Миф и история: Ламброс Кацонис, его спонсоры и политическая тактика», эти утверждения основываются на второстепенных и косвенных источниках³. Существуют между тем прямые и достоверные российские источники, позволяющие прояснить этот вопрос. На их основании можно утверждать, что деньги на покупку этого первого судна Кацониса собрали не греческие купцы, а русские офицеры. С этой целью они образовали компанию во главе с контр-адмиралом Н.С. Мордвиновым, которая финансировала бы каперские операции и получала бы от них доход. В действительности же они не получили никакого дохода от этих операций, так как Кацонис использовал взятые трофеи для создания своей флотилии. Все эти подробности сообщил сам Мордвинов в письме доверенному советнику императрицы А.А. Безбородко от 30 ноября (11 декабря) 1792 г., которое опубликовано⁴.

Что же касается купцов Триеста, то они действительно приняли участие в оснащении флотилии и обеспечении ее выхода в море, но не безвозмездно. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые из них в январе 1789 г. представили свои требования о погашении Кацонисом своего денежного долга перед ними⁵.

Кацонис отплыл из Триеста 28 февраля (11 марта) 1788 г. Свою кампанию он подробно описал в письме Н.С. Мордвинову

³ *Κατσιαρδη-Hering O. Μύθος και ιστορία. Ο Λάμπρος Κατσώνης, οι χρηματοδότες του και η πολιτική τακτική // Ροδώνια (τιμή στον Μ.Ι. Μανούσακα). Ρέθυμνο, 1994. Τ. 1. Σ. 206.*

⁴ См.: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 1. С. 528–529.

⁵ *Κατσιαρδη-Hering O. Ο. π. Σ. 203–204.* В то же время некоторые заграничные греческие купцы бескорыстно помогали Кацонису на всем протяжении его операций в греческих водах. Одно из свидетельств этого — аттестат, выданный 2 (13) апреля 1791 г. командиром флотилии триестскому купцу Николо Гиорги. Он гласил: «Господин Николо Гиорги, живущий в Триесте, греческой нации, во все время войны, с самого начала помогал этой, находящейся под моим командованием императорской флотилии в Архипелаге, поставляя ей необходимое продовольствие и снаряжение, предоставляя в то же время ей деньги, в которых она нуждалась, проявляя по всякому случаю и поводу привязанность и верность императорской службе» (АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1799. Д. 1485. Л. 126).

от 31 октября (11 ноября) 1788 г.⁶ Первое боевое столкновение произошло у него 29 апреля (10 мая) у побережья острова Закинф в Ионическом море. Противником его стал дулциниотский корабль, вооруженный также 28 пушками. Дулциниоты* имели репутацию опытных мореходов, а также свирепых пиратов. В жестоком бою греки одержали верх и захватили дулциниотский корабль. В этом эпизоде Кацонис проявил себя не только отважным воином, но и жестоким и беспощадным корсаром. Захваченные в бою пленники были преданы смерти, по словам Кацониса, «в отмщение вероломства, от их рода происходящего». Действия греческого командира соответствовали нравам той эпохи, когда война на Востоке велась с крайней жестокостью.

76

В результате взятия в приз судов и притока добровольцев к июню 1788 г. в составе флотилии Кацониса находилось уже десять судов, укомплектованных более чем 500 моряками. Продолжая свой поход на восток, эскадра Кацониса подошла к острову Кафель-россо (Кастелоризон), вблизи побережья Малой Азии, где проходили важные коммуникации, связывавшие столицу империи с ее африканскими владениями. 23 июня (4 июля) гарнизон турецкой крепости на острове после короткого боя капитулировал.

Кацонис разрушил крепость, а пленным туркам и их семьям — всего около 400 человек — сохранил жизнь и отправил на близлежащий азиатский берег. Об этом его попросили архиерей и старшины острова, опасавшиеся карательных мер турок против греческого населения.

Самым важным событием этой кампании было первое большое столкновение флотилии Кацониса с турецким флотом, происшедшее 20 (31) августа 1788 г. к востоку от острова Скарпанто (Додеканесы). Против турецкой эскадры, состоявшей из пяти кораблей: линейного корабля, фрегата и трех небольших судов — кирлангичей, Кацонис сражался только на своем флагманском корабле «Минерва Северная», так как остальные корабли его флотилии из-за сильного противного ветра отстали от флагмана. На своем небольшом фрегате с 28 пушками и командой из 150 человек он сражался почти целые

⁶ Архив... С. 462–467. См. также: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004. С. 21–29.

* Дулциньо (Улцинь) — город на побережье Адриатики, населенный в то время албанцами-мусульманами.

сутки против эскадры турецких кораблей. Моряки Кацониса проявили в этом неравном бою военное мастерство и непреклонную решимость победить или умереть. По словам самого Кацониса, «пусть разсудит свет безпристрастно; не сдалась ли бы какая ни есть другая нация, но руссо-греки, быв потомки в свете славных воинов, наконец, то есть по захождении солнца, когда уже очень и очень было трудно, всеохотно следовали моему совету, что в неизбежном случае погибнуть всем, сожегши нарочно фрегат, только чтобы не удалось неприятелям взять непобедимый наш флаг. Бог услышал сие верных своих мнение, и турки напоследок столько сбиты и замешаны, что едва могли направить свои паруса и обратились в бег. Они возвратились с немалым корабельных снастей убытком, как тогдаж примечено и ныне слышно, да и люди многие побиты. Однакож и мой фрегат ранен, а более снасти и парусы повреждены от пушечных и ружейных пуль». Человеческие потери Кацониса в этом бою составили один убитый и четверо раненых.

После этой блестящей победы Кацонис отправился на Закинф, один из принадлежавших венецианцам островов в Ионическом море, для починки своего сильно пострадавшего в бою корабля. Здесь его ждал неприятный сюрприз. По приказанию российского полномочного министра во Флоренции Д. Моцениго некий русский офицер объявил Кацонису, что он впал в немилость императрицы, потому что отобрал деньги у одного капитана из Рагузы, несмотря на то, что адриатическая республика сохраняла нейтралитет в русско-турецкой войне. Эта «конфискация» действительно имела место, так как Кацонис считал, что в этой войне, как и в предыдущей, Рагуза была союзником турок. Но вскоре тот же офицер, также по поручению Д. Моцениго, объявил Кацонису, что императрица его простила. Весь этот эпизод Кацонис считал результатом интриг Д. Моцениго и генерала А.К. Псаро, поверенного в делах России на Мальте (оба они были греками), завидовавших боевым успехам командира добровольческой флотилии.

Снисходительное отношение Екатерины II к поступку Кацониса, нарушившего международное право, по-видимому, было связано с ее геополитическими планами, нашедшими отражение в знаменитом Греческом проекте. Дипломатические переговоры с великими державами о его осуществлении, которые велись в 1782–1783 гг., не дали результата и были

прекращены. Однако Екатерина II не отказалась от своих замыслов, решив добиваться активного вовлечения самих греков в борьбу за освобождение от чужеземного ига и формирование новой Греческой империи. Об этом говорит манифест Екатерины II к грекам от 17 (28) февраля 1788 г. В нем, наряду с обычным в таких воззваниях призывом подняться в «защиту благочестивой церкви... и веры православной», российская самодержица обращалась к видным духовным и светским лицам Греции и ко «всем обитателям славных греческих народов» с патетическим призывом: «Нешастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель разтерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще истребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество. Ополчитесь единодушно возстановить падший ваш жребий: к содействию на то приходят к вам наши морские силы»⁷.

Манифест Екатерины II, который активно распространяли русские агенты, произвел большое впечатление на греков. Их надежды на освобождение питали и широко распространившиеся известия о намерении Екатерины II сделать своего внука Константина королем эллинов.

После начала русско-турецкой войны в Кронштадте готовилась к новому походу в Средиземное море мощная русская эскадра из 16 линейных кораблей и фрегатов под командованием участника Чесменской битвы адмирала С.К. Грейга. В этом плане посылка Кацониса в Архипелаг должна была подготовить поход русского флота к берегам Греции. Так считал, в частности, Г.А. Потемкин, главнокомандующий русской армии и один из инициаторов Греческого проекта. Об этом он сообщал Екатерине II 13 (24) апреля 1789 г.: «Изыскивая все способы к нанесению вящшаго вреда неприятелю и к всегдашнему его озабочиванию, отправил я в начале 788 года одного

⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1821. Д. 11342. Л. 73. Существует также публикация греческого текста манифеста отличающаяся от архивного документа. См.: *Πρωτοψάλτη Ε. Η επαναστατική κίνηση των Ελλήνων κατά τον δευτέρον επί Ευκατερίνης Β' ρωσoturκικόν πόλεμον*. Αθήναι, 1959. Σ. 111–113.

из храбрых греков майора Лампро-Кацони в Архипелаг, дабы мог он единоземцев своих приуготовить к прибытию флота Вашего Императорскаго Величества и делал бы всевозможные поиски»⁸.

«Поиски» эти, как мы видели и еще увидим, были весьма успешны. В результате в 1788 г. произошло важное качественное изменение в статусе Кацониса: из одинокого капера он превратился в командира созданной им самим российской военной флотилии на Средиземном море. Несмотря на ее иррегулярный характер, флотилия находилась в подчинении главного командования армии России, весьма заинтересованного в продолжении и расширении ее операций.

Круг лиц, от которых зависел по служебной линии греческий моряк, в целом был ограничен: это был сам Г.А. Потемкин, поручивший ему миссию в Греции, а также генерал-поручик И.А. Заборовский, которому Екатерина II поручила проведение операций на Балканах и в Южной Европе, связанных с предполагавшимся походом русского флота в Средиземное море. И Потемкин, и Заборовский высоко ценили храброго грека и поддерживали его. Но непосредственно иметь дело Кацонису приходилось с российскими военными и дипломатическими представителями более низкого уровня. Начальники эти стремились командовать отважным воином, который вел самостоятельную морскую войну, и заодно «приобщиться» к его успехам. Кацонис, отличавшийся независимым характером и знавший себе цену, болезненно реагировал на эти попытки. В начале 1789 г. на этой почве у него происходит столкновение с бригадиром В. Мещерским, посланным в Триест для того, чтобы содействовать ремонту и оснащению русско-греческой флотилии для нового похода. Для это цели Мещерский выделил Кацонису небольшую денежную сумму. Заметим здесь, что, в отличие от российской флотилии Гульельмо Лоренцо, действовавшей также в это время на Средиземном море, флотилию Кацониса государство не финансировало. Содержалась она исключительно за счет трофеев, а деньги, полученные от Мещерского, были даны заимообразно. Хотя эта сумма не покрывала элементарных нужд флотилии, Мещерский потребовал, чтобы та немедленно вышла в море. Натолкнувшись на сопротивление Кацониса, бригадир обвинил его в неповино-

⁸ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1894. Вып. VII. С. 125.

вении и через австрийского коменданта Триеста добился его ареста 17 (29) января 1789 г. и заключения в крепость.

Генерал Заборовский осудил эти произвольные действия Мещерского. В своем донесении доверенному советнику Екатерины II А.А. Безбородко от 12 (23) апреля 1789 г. он писал, что бригадир своим грубым и неразумным поведением вызвал возмущение Кацониса и задержал выход в море его флотилии. Заборовский приказал немедленно освободить Кацониса и после его освобождения принес ему извинения за поведение Мещерского⁹.

—
80 Арест Кацониса вызвал большое волнение у греческой общины Триеста. Бывший генеральный консул России в Смирне (Измир) П.А. Ферриери, оказавшийся в этот момент в Триесте, сообщал в своем донесении от 23 января (3 февраля) 1789 г.: «Здесь все греческое население прилагает все усилия для того, чтобы ободрить майора Ламбро и помочь ему». Согласно Ферриери, когда Кацонис 25 февраля (8 марта) вышел из крепости, народ приветствовал его возгласами: «Да здравствует Екатерина II! Да здравствует Иосиф II! Да здравствует Ламброс!»¹⁰.

Кацонис снова вышел в море из Триеста 8 (19) апреля 1789 г. К этому времени его флотилия насчитывала 10 судов, вооруженных 210 пушками (360 пушек было еще в запасе). Обновленная команда флотилии насчитывала в целом 557 человек¹¹.

Кампания 1789 г., как и предыдущая, была весьма успешной для Кацониса. Он продолжал наносить удары по турецкому судоходству в Эгейском море и одержал победу над турецким флотом в нескольких сражениях. Но кампания 1789 г. имела и существенные отличия от предыдущей. Впервые проявилось тогда сокровенное намерение храброго воина освободить свою родину с помощью России, а в крайнем случае — и без нее. Находившийся при Кацонисе секретарь Иван Базилевич поссорился с ним и покинул его. Оправдывая свое поведение, он написал своего рода донос на командира добровольческой флотилии контр-адмиралу С.С. Гибсу, которому после возвращения в июне 1789 г. генерала И.А. Заборовского в Россию был поручен контроль за деятельностью российских флотилий на

⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789. Д. 2093. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 1624. Л. 8, 27.

¹¹ *Κατσιαρδη-Hering* Ο. Ό. π. Σ. 208.

Средиземном море. Отставной секретарь обвинял Кацониса в наличии у того планов, выходящих за рамки его обязанностей как российского офицера: «Майора Ламбро главное намерение и ежеминутные мысли, прилагая греческий народ к возмущению, возвратить от турок греческое царство и потом сделаться первенствующим. На сей то конец представляет от себя ныне в Архипелаге столько полномочным и не признает никакого начальства»¹².

О подготовке Кацониса к освободительной акции в Греции свидетельствует и его решение не возвращаться в 1789 г. в Триест, а превратить остров Кея в свою постоянную базу, по его собственным словам, в piazza d'arme* Архипелага. Он не согласовал свое решение с Гибсом, которого не без оснований считал своим недоброжелателем. В переписке же с Заборовским, которую Кацонис продолжал и после отъезда того, он сообщал, что завладел портом острова Кея, который теперь станет базой для операций не только на островах Архипелага, но и на греческом континенте. «На этих днях, — писал Кацонис Заборовскому 20 июня (1 июля) 1789 г., — должен прибыть ко мне из Румелии один известный греческий воин, капитан Андруццо, с 500 греками, также и сие поощрит приводить мои предприятия к желаемому успеху».

Далее он раскрывал сущность этих предприятий: речь шла о том замысле, который «инкриминировал» ему Базилевич, — великом замысле освобождения Греции. По его мнению, для осуществления этого замысла существовали в то время самые благоприятные условия: «Предприятия мои, повторю, не иные другие, как только пробудить Грецию и припомнить ей, что она под игом турецким уже столько сот лет и из всего того вывести следствие, подобные государствам славившимся, упавшим и вновь возвысившимся, и что для сего не было и не будет подобного времени и случая как ныне, то есть: 1^е, относительно покровительства августейшего всероссийского двора для рода греческого, и что 2^е, в какой ныне расстройке и бедствии оттомане»¹³.

На Кее Кацонис нашел многих приверженцев и помощников. В их числе был Николаос Пангалос, позднее — горячий

* Piazza d'arme (итал.) — плацдарм.

¹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1789. Д. 2114. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 2093. Л. 9.

революционер и член национально-освободительной организации Филики Этерия. Кея для Кацониса стала не только базой его флотилии, но и базой его личной жизни. Здесь он женился во второй раз. Избранницей его стала Мария, прекрасная дочь одного из видных людей острова Петра Софианоса.

В феврале 1790 г., перезимовав на острове Каламос, Кацонис снова отправился в Архипелаг в свою третью экспедицию. На сей раз отважного грека ждали еще более тяжкие испытания. Порта, встревоженная успехами Кацониса, чья флотилия не только взяла под свой контроль Архипелаг, но и нарушила снабжение столицы продовольствием, направила против флотилии большую эскадру. Султан пригрозил командирам казнь, если они не доставят ему голову Кацониса. Решающее сражение произошло 6–7 мая (17–18 мая) 1790 г. в проливе между островами Эвбея и Андрос. Описание этой беспримерной битвы между маленькой флотилией Кацониса и огромной турецкой армадой содержится в петиции офицеров флотилии Кацониса Екатерине II от 18 (29) сентября 1790 г. Вот рассказ из первых рук об этом сражении, которое, несомненно, должно войти в анналы самых знаменитых морских битв XVIII века: «Наша флотилия, состоявшая из девяти судов, оказавшись совсем в одиночестве между островами Андрос и Каводорос*, была атакована 6 мая турецким флотом из 19 судов, часть которых составляли линейные корабли и фрегаты. На протяжении жестокого боя, когда мы были уже близки к блестящей победе над столь превосходящим по силе противником, неожиданно появились еще 13 больших алжирских кораблей. На нас со всех сторон обрушился огонь страшной силы с 32 больших кораблей, против которых мы сражались двое с половиной суток с яростью отчаяния. Несколько этих кораблей было нами уничтожено или сильно повреждено. Но, испытывая недостаток в боеприпасах на четырех самых больших наших кораблях, совершенно разрушенных и неспособных сражаться дальше, мы, чтобы они не попали в руки турок, сами их подожгли и взорвали, так что у нас осталось только пять небольших кораблей. И с ними, заставив очень дорого заплатить за кровь наших ран и жизнь большого числа наших храбрых товарищей, которые с оружием в руках пали с

* В действительности Каводорос — это не остров, а мыс на острове Эвбея, а также пролив между Эвбеей и Андросом. Современное название — Кафиреос.

доблестью и славой в этой знаменательной битве, мы отступили с нашим храбрым командиром Ламбро, опасно раненным, к острову Цериго [Китира]»¹⁴.

Флотилия Кацониса в этой битве понесла существенный ущерб: она лишилась четырех наиболее боеспособных своих кораблей. Велики были и человеческие потери греков: в бою были убиты 565 офицеров и рядовых моряков, еще 53 моряка попали в плен¹⁵. Турки учинили над пленниками зверскую расправу: некоторые были повешены на реях вернувшейся в Константинополь эскадры, другие были казнены в греческих кварталах турецкой столицы для устрашения жителей, а шести пленникам отрубили головы на глазах самого султана¹⁶.

Победа турок в сражении у Андроса была пирровой: по некоторым данным, их потери в сражении составили около 3 тысяч убитыми и большое число ранеными. Многие турецкие и алжирские суда получили столь серьезные повреждения, что их пришлось отбуксировать в Константинополь для проведения срочного ремонта¹⁷.

Воспользовавшись временным уходом флотилии Кацониса из Архипелага, турки постарались уничтожить ее базу на острове Кея. Высаженный на острове турецкий десант численностью около тысячи человек уничтожил построенные здесь военные сооружения и учинил жестокую расправу над всеми жителями острова, вне зависимости от какого-либо их участия в предприятии Кацониса. В петиции, направленной жителями острова Екатерине II в 1792 г., они описывали «печальные обстоятельства нашего уничтожения, несправедливую и оскорбительную гибель невинного нашего архиерея, противозаконное истребление христиан, которых убили здесь турки, и опасности для остальных»¹⁸.

Несмотря на неблагоприятный для Кацониса исход битвы с турецким флотом, капитаны иностранных судов, бывшие ее свидетелями, учитывая огромное неравенство сторон, не считали ее поражением греков. В России же мужество и героизм,

¹⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Грецией. Оп. 52/2. 1790. Д. 738. Л. 5.

¹⁵ Σάθα Κ. Ο. Π. Σ. 551.

¹⁶ См.: Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис... С. 45.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1752–1796. Д. 2301. Л. 383.

проявленные в этой битве Кацонисом и его моряками, произвели большое впечатление.

Г.А. Потемкин в своем донесении Екатерине II от 20 (31) июля 1790 г. отмечал, что Кацонис, несмотря на превратности военного счастья, полон решимости продолжать борьбу и заслуживает поощрения: «Лампро-Каццони потерпел в сражении с турками, но сам и почти со всеми спасся; исправясь, пойдет опять. Я произвел его подполковником прошлого году, прошу о пожаловании его полковником». Через полмесяца Потемкин возобновил свою просьбу о производстве Кацониса в следующий чин, подчеркнув значение для России его военных операций на Средиземном море¹⁹.

—
84

Екатерина удовлетворила просьбу главнокомандующего российской армией. Кацонис был не только произведен в чин полковника, но и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, которым награждались офицеры и генералы за храбрость в бою. Он получил этот орден, как говорилось в указе императрицы от 12 (23) сентября 1790 г., «в награждение его храбрости и подвигов и в ободрение его к дальнейшим действиям против неприятеля»²⁰.

Через некоторое время после гибели большей части флотилии Кацониса в битве с турками к ней присоединились некоторые островитяне со своими судами, и операции против турецкого судоходства в Эгейском море, хотя и не в прежнем объеме, возобновились.

Сделав своей базой принадлежавший Венеции остров Итака в Ионическом море (республика Св. Марка вследствие своих напряженных отношений с Портой смотрела сквозь пальцы на деятельность воюющих греков), Кацонис занимался ремонтом своих судов, запасал военное снаряжение и продовольствие, рассчитывая в октябре 1790 г. выйти в море с обновленной флотилией. Однако планы эти не осуществились, так как Кацонис получил приказание Потемкина прибыть к нему для отчета. В сентябре, поручив командование флотилией своему ближайшему соратнику Н. Касимису, который до весны 1790 г. продолжал действовать в Архипелаге, Кацонис вместе с некоторыми офицерами своей флотилии отбыл в Вену. Здесь они в течение нескольких месяцев напрасно ожидали встречи с генерал-майором В.С. Томарой, которого Потемкин

¹⁹ Сборник... СПб., 1895. Вып. VIII. С. 122, 129.

²⁰ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 47.

назначил командующим действовавшими на Средиземном море российскими флотилиями.

В ходе предполагаемых контактов с главнокомандующим русской армией и его представителями командир добровольческой флотилии ожидали не только решения относящихся к ней финансовых и организационных вопросов. Блестящие победы русской армии и флота в войне с турками, и успешная морская война, которую сами греки вели в Архипелаге, породили в греческом обществе надежды на скорое избавление их страны от чужеземного ига. Неясность намерений российского правительства в этом отношении побудила офицеров флотилии Кацониса обратиться 18 (29) сентября 1790 г. непосредственно к Екатерине II. В своем прошении они напоминали, что Кацонис был послан в начале войны с манифестами императрицы и с приказами Потемкина побудить греков поднять оружие против общего врага, в надежде, что пришел час освободить «нас от османского ига и возродить блеск Греции». Греческие моряки излагали историю своей действительно героической, неравной борьбы, которую они вели ради достижения этой великой цели.

«На протяжении всей этой войны, руководимые отважным и смелым командиром Ламбро, с маленькой и жалкой флотилией мы осуществили сильнейшую диверсию против Порты, вынудив ее уменьшить ее большой флот на Черном море, так как она должна была послать против нас в Архипелаг эскадры, сильно превосходившие нас числом, силой и размерами, поскольку их один корабль мог сражаться против всей нашей маленькой и очень слабой флотилии. Несмотря на все это, мы имели смелость противоборствовать им, сражаться с ними и одержать славные победы. Мы сумели вызвать недостаток съестных припасов в Константинополе в течение шести месяцев, закрыв дорогу и захватывая все суда с продовольствием и военные корабли. Ваше императорское знамя победоносно реяло над всем Архипелагом. Все это причинило величайший страх нашему общему врагу, наряду с весьма значительным ущербом и позором».

Греческие офицеры выражали готовность продолжать борьбу и сражаться в будущих боях — по-прежнему во главе «с нашим блестящим командиром Ламбро, который своими героическими действиями, своим хорошим поведением и своей человечностью завоевал любовь и доброжелательство всех греков». Они просили Екатерину II подождать с заключением

мира с оттоманами до следующей кампании и давали торжественно обещание: «Обещаем и клянемся Вам нашей святой религией, что греки уже будут иметь к тому времени королем Константина»²¹.

Какой-либо реакции на это обращение не последовало. Есть основание предполагать, что, столкнувшись с упорным сопротивлением турок и враждебными действиями ряда европейских держав, Екатерина II думала уже не о греческом троне для своего внука, но о скорейшем завершении войны. С начала 1790 г. велись предварительные переговоры о мире между Россией и Турцией. Перспектива прекращения русско-турецкой войны вызывала большое беспокойство у воюющих греков. Об этих настроениях мог судить уже упоминавшийся П.А. Ферриери, который оказался в Вене одновременно с офицерами Кацониса. Контакты в Вене с представителями Греции и письма, приходившие из их страны, создали у него впечатление, что греки ждут только первого сигнала для того, чтобы начать восстание. В этом отношении бездеятельность петербургского двора и Потемкина вызывали у них глубокое разочарование. До русского эмиссара дошло, что в своей среде они горько упрекали себя за то, что слишком доверчиво отнеслись к воззваниям императрицы, а также за то, что чересчур опрометчиво позволили себя увлечь обещаниями представителей России. Ферриери также сообщал в Петербург, что офицеры Кацониса заявили ему, что греки твердо решили начать свою революцию, с поддержкой России или без нее²².

Но следует заметить, что отнюдь не все греки разделяли эти настроения. По свидетельству очевидца событий, французского дипломата и купца Ж. Лазаля, идриоты, обладатели самого большого флота Греции, во время войны 1787–1791 гг. «ревностно служили туркам и проявили себя врагами греко-русских»²³.

Весной 1791 г. генерал В.С. Томара, назначенный Потемкиным командующим российскими средиземноморскими флотилиями, прибыл наконец к месту своего назначения. Место-

²¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1790. Д. 1628. Л. 46–50.

²² Там же. Л. 75, 79.

²³ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792. Д. 1080. Л. 5.

пребыванием его стал остров Каламос у побережья Акарнаний. Рядом, на острове Итака, родине легендарного Одиссея, сосредоточилась эскадра Кацониса.

Томара прибыл в Грецию с орденом Потемкина от 24 декабря 1790 г. (4 января 1791 г.), где командиру греческой флотилии давалась весьма положительная оценка: «Известная храбрость и предприимчивость полковника Лампро Качони и доверенность его у греков обнадеживают меня, что с добрыми наставлениям он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему вы его и учредите». В ордере содержалось приказание контр-адмиралу С.С. Гибсу и подполковнику Г. Лоренцо прибыть в распоряжение главнокомандующего, а генералу А.К. Псаро «не мешаться» в дела флотилии²⁴. Иначе говоря, Кацонис становился фактически единоличным руководителем военных операций на Средиземном море.

Стоит отметить, что вскоре после битвы при Андросе, в результате прибытия новых добровольцев на собственных судах, покупки нескольких кораблей в Триесте и присоединения бывшей флотилии Г. Лоренци, боевая мощь эскадры Кацониса не только была полностью восстановлена, но и возросла. К сентябрю 1791 г. под командованием Кацониса собрался 21 корабль²⁵. С этой морской силой Кацонис рассчитывал не только разгромить турецкий флот в Архипелаге, но и форсировать Дарданеллы. Однако выйти в море Кацонис не успел, так как пришел приказ главнокомандующего русской армией Н.В. Репнина о прекращении военных действий в связи с подписанным 31 июля (11 августа) 1791 г. прелиминарного мира с турками.

29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) в Яссах был подписан мирный договор, окончательно прекративший русско-турецкую войну. Ясский мирный договор, в котором какое-либо упоминание о Греции вообще отсутствовало, вызвал здесь глубокое разочарование. Сотни греков-добровольцев геройски сражались и гибли на кораблях под командованием Кацониса. Но жертвы их оказались напрасными: надежды на освобождение не сбылись. О реакции сподвижников Кацониса и его самого на Ясский мир Ж. Лазаль, близко знакомый с этими людьми, писал в записке от 17 (28) мая 1792 г.,

²⁴ Сборник... Вып. VIII. С. 203.

²⁵ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 56.

представленной российскому поверенному в делах в Константинополе А.С. Хвостову:

«Новость эта разрушила все планы и вызвала у греков глубокое горе. Многие из них, покинув свои дома и турецкие области, рассчитывали вернуться туда только победителями, они боялись, что вернувшись туда в ином качестве они очень плохо будут приняты турками. Все принесли жертвы, покинув свои дома и экипируясь и вооружаясь за свой счет...». «Господин Ламбро Катзони, — продолжал французский наблюдатель, — хотя лично для него счастливая будущность и была обеспечена, чувствовал несчастье этих греков и боялся, что они захотят его упрекать, так как преданность к себе и доверие, которое он им внушил, в значительной степени способствовали их несчастью»²⁶. К этому следует добавить, что, как уже говорилось, некоторые офицеры флотилии Кацониса еще в ходе русско-турецкой войны пришли к мысли, что войну с турками за освобождение Греции надо продолжать в любом случае — независимо от позиции России.

Командир флотилии был в этом отношении полностью солидарен со своими товарищами по оружию. Получив от генерала Томары приказ отвести свои корабли в Триест и разрушить их, он отказался его выполнить. Весной 1792 г. Кацонис с 11-ю кораблями²⁷ покинул Итаку и направился к берегам Мани, на юг Пелопоннеса. Эскадра Кацониса состояла из легких и слабо вооруженных кораблей — тяжелые суда российской средиземноморской флотилии после заключения русско-турецкого перемирия были отведены на зимовку в Сицилию. Самым крупным судном эскадры была шебека «Св. Иоанн Патмосский» с экипажем в 60 человек. Общая численность личного состава составляла свыше 200 человек²⁸. На кораблях эскадры находился также отряд клефтов под командованием Андруцоса, составлявший, как считалось, свыше 500 человек.

²⁶ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792. Д. 1080. Л. 4.

²⁷ В октябре 1791 г. В.С. Томара перевел 8 кораблей из состава объединенной флотилии в Мессину (Сицилия), где условия для их содержания были более благоприятными. Еще до этого два других корабля, собственниками которых были их капитаны, покинули флотилию. См.: *Пряхин Ю.Д.* Указ. соч. С. 76–78.

²⁸ Там же. С. 77.

Мотивы своих действий Кацонис объяснил в манифесте, опубликованном в мае 1792 г.²⁹ Греческий патриот напоминал, что его соотечественники всегда откликались на призывы России и в случаях необходимости приходили ей на помощь: «Напрасно было бы потеряно время описывать все услуги Греческою нациею Российской империи оказанныя, поелику всем известно в каких случаях, как и когда сия нация посвятила себя оной империи, будучи побуждаема надеждою выручить потерянную свою вольность, и ободряема обещаниями российских генералов, а более еще полагаясь на единоверие, и сему есть видимый пример сия война».

Далее в манифесте подробно говорилось о действиях флотилии Кацониса, отвлекших крупные турецкие силы с черноморского театра войны, о больших усилиях и жертвах греческого народа в ходе русско-турецкой войны. Греки надеялись, продолжал Кацонис, «что при заключении мира будет им доставлено какое-нибудь малое вольное место в награждение ими понесенных трудов, но ничего для них не сделано...». По словам Кацониса, без какой-либо защиты и помощи оказалась и семья греков, воевавших с турками на его флотилии: «Слезы и воздыхания многих семей, разоренных за славу России, лишившихся тех, кои их содержали, и видя свои имения в руках варваров, не имея притом другого утешения, как одни только свои слезы, принудили Кацониса отомстить пролитую в сию войну кровь их родственников». Греки, заявлял Кацонис, решили продолжать свою борьбу и после завершения русско-турецкой войны. Они, по словам вождя повстанцев, «не престанут ненавидеть злодея [с коим Россия примирилась] пока не престанут более принадлежать им их на то права, что надеются от милости и правосудия Ея Императорского Величества, общей матери».

Наряду с этим манифестом Кацонис, по некоторым сведениям, распространил воззвание к греческой нации, в котором как «король Спарты» призвал греков поддержать его борьбу против Турции³⁰. Все эти действия Кацониса открыли

²⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1792. Д. 748. Л. 59–68. Служебный перевод с итальянского оригинала манифеста Кацониса на русский язык. См.: Приложение II.

³⁰ *Saint-Sauveur A.-G. Voyage historique, litteraire et pittoresque dans les îles et possessions ci-devant vénitiennes du Levant. Paris, 1800. T. 2. P. 294.*

новый этап в греческом освободительном движении периода русско-турецкой войны периода 1787–1791 гг. Греческий патриот, находившийся на службе русского правительства, порвал с ним, а находившиеся под его командованием вооруженные силы теперь будут действовать только в национальных интересах Греции, без какого-либо внимания к политике России. Однако дальнейшее изучение этого вопроса не позволяет сделать столь категоричный вывод. В этой связи стоит привести малоизвестный документ: прошение греков Екатерине II от 19 (30) мая 1792 г.:

—
90 «Ваше Священное Императорское Величество! В сходство манифестов, опубликованных в 1769 и 1788 гг., греческая нация не упустила для пользы службы В. И. В. как в прежнюю, так и в недавно прошедшую войну посвятить собственныя имение и кровь. Она же не оставила привесть в исполнение словесно сообщенныя приказания от покойнаго князя Потемкина Таврическаго нашему начальнику Лампро Кацционию относительно установления его в самой крепчайшей стороне Греции на тот конец, дабы видеть себя освобожденными от недостойнаго варварскаго и тиранскаго ига и иметь на престоле Греции в Великом Константине собственнаго самовластнаго Государя и Самодержца. Почему всепокорнейшее испрашивая от врожденнаго человеколюбия В. И. В. о утверждении нас с публичным флагом в порте Майнском, именуемом Кайо, все единодушно повергаемся пред Императорским Вашим престолом. Подписало 147 человек»³¹.

Неизвестно, была ли среди этих подписей и подпись Кацониса (они не приводятся), но его причастность к составлению этого прошения несомненна. Смысл документа ясен: руководитель греческих повстанцев стремился доказать, что все его действия вытекают из политики самой России. Более того, он утверждал, что занимается претворением в жизнь Греческого проекта Екатерины II, так как намеревается сделать самодержавным правителем Греции ее внука великаго князя Константина. Характерно здесь и обращение к совету Г.А. Потемкина, одного из авторов Греческого проекта, начать эту операцию в «крепчайшей [т.е. хорошо защищенной. — Г. А.] стороне Греции». Иными словами, о каком-либо разрыве отношений между Кацонисом и правительством России речь здесь не шла.

³¹ Сборник... Вып. VIII. С. 334.

Следуя этому совету Потемкина или же руководствуясь собственными соображениями, Кацонис сделал базой борьбы за национальное освобождение Греции Мани, горную область на юге Пелопоннеса, пользовавшуюся во времена османского господства фактической независимостью. По данным на 80-е годы XVIII в., население области составляло 32 тыс. человек, из них 10 тыс. взрослых мужчин, которые все были вооружены³².

По некоторым сведениям, Кацонис уже в первый год своей кампании в Архипелаге установил связи с маньятами. А в августе 1791 г. видный капитан Мани Д. Григоракис, «поверенный от всех греко-россиян в Майне», как он себя называл, прибыл на остров Каламос и представил генералу Томаре документ о согласии маньятов на создание в их области базы российской флотилии, действовавшей на Средиземном море. Маньяты собирались сформировать корпус в 3 тыс. человек для защиты этой базы. Таким образом, Мани должна была стать плацдармом для освободительных операций в Греции, и не только на море.

После прибытия в Мани Кацонис сделал своей базой Порто-Кайо (мыс Матапан). Для прикрытия узкого входа в бухту моряки Кацониса построили пять батарей. Однако расчеты Кацониса на помощь горцев Мани не оправдались. В памяти маньятов, так же как и других пелопоннесцев, еще живы были воспоминания о катастрофе, постигшей полуостров в 1770 г. А ведь тогда Россия вела войну с Османской империей, и в Эгейском море находился ее флот. Правда, как уже упоминалось, маньяты обязались силами своего трехтысячного отряда защищать базу российского флота в Мани. Но обязательство это было дано в августе 1791 г. официальному представителю России генералу Томаре, представлявшему страну, находившуюся тогда в состоянии войны с Османской империей. Однако в июне 1792 г. мирные отношения между обеими державами уже были восстановлены. Самостоятельные же действия Кацониса противоречили этой акции, а маньяты, в случае их союза с вождем греческих повстанцев, не могли рассчитывать на какую-либо помощь со стороны России. Кроме того, Порта, узнав о действиях Кацониса, предприняла сильнейший нажим на маньятскую верхушку.

³² См.: *Арш Г.Л.* Российские консульства в Греции в период правления Екатерины II // *Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории.* Афины; М., 2008. С. 174.

Капитан-паша, под юрисдикцией которого находилась Мани, арестовал в Стамбуле 40 видных маньятов, заявив, что все они будут казнены, если ему не выдадут Кацониса — живого или мертвого. Порта потребовала также от константинопольского патриарха, чтобы он пригрозил жителям Мани отлучением от церкви в случае, если они поддержат Кацониса³³.

В начале июня 1792 г. в Эгейское море вошла турецкая эскадра под командованием капитан-паши Хюсейна в составе 12 линейных кораблей, 6 фрегатов и 2 небольших судов. На кораблях находился сильный десантный отряд. Неблагоприятные действия моряков Кацониса, совершивших нападения на торговые суда ряда стран, в том числе Франции, привели к тому, что к турецким кораблям присоединился еще и французский фрегат (по другим данным, в операции участвовали два французских фрегата). 17 (28) июня 1792 г. турецко-французская эскадра начала операции против Порто-Кайо. В течение трех дней моряки Кацониса и клефты Андруцоса стойко отбивали атаки врага. Положение защитников Порто-Кайо сильно осложнилось в результате действий бея Мани Дзанетоса Григоракиса, подступившего с суши с семитысячным корпусом к опорной базе повстанцев. Предварительно он известил Кацониса о своем движении и посоветовал ему покинуть Мани. Кацонис был вынужден прекратить борьбу.

Темной ночью на быстроходном судне он незаметно прошел между кораблями турецко-французской эскадры и благополучно добрался до принадлежавшего венецианцам острова Цериго.

О судьбе сподвижников Кацониса и присоединившихся к нему клефтов Румелии существуют противоречивые сведения. Так, российский консул на Корфу Л.П. Бенаки сообщал 10 (21) августа 1792 г. поверенному в делах в Константинополе А.С. Хвостову: «Из сопровождавших его людей почти все спаслись: более 500 с оружием в руках прошли через всю Морею, преодолев преграды, встретившиеся им в нескольких местах, и наконец имели счастье вернуться к себе домой; другие, оставшиеся в Майне и после отплытия турецкого флота, погрузившиеся в небольшом числе на различные суда, обманув бдительность двух французских фрегатов, возвратились в свои места»³⁴.

³³ Βασιλάκου Δ. Ο Λάμπρος Κατσώνης και η Μάνη. Αθήναι, 1994. Σ. 41, 52.

³⁴ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792–1794. Д. 1051. Л. 2.

В то же время несколько судов из флотилии Кацониса были захвачены турками и приведены в Константинополь. На них 16 (27) сентября 1792 г. были повешены пять моряков из флотилии Кацониса. Некоторые из них были казнены в русской военной форме, что вызвало протест российского посольства³⁵.

Согласно же венецианским источникам, судьба многих участников освободительной акции Кацониса была не столь благополучной. После оставления Порто-Кайо они подверглись нападениям маньятов и других пелопоннесцев, и многие были убиты. Согласно тем же источникам, Андруцос и ближайшие его сподвижники, так же как и Кацонис, нашли убежище на острове Цериго. Затем они перебрались в Спалато (Сплит), венецианский порт на побережье Далмации, откуда намеревались отправиться в Петербург. Однако венецианские власти в сентябре 1793 г. выдали их паше Боснии. Андруцос, один из самых видных клефтов Румелии, кончил свои дни в константинопольской тюрьме³⁶. Петербургский двор осудил выступление Кацониса и исключил его с российской службы. В то же время были приняты меры для оказания помощи семьям погибших в ходе боевых действий флотилии Кацониса. По указанию Екатерины II российскому министру в Венеции в начале 1795 г. были переведены три тысячи голландских дукатов в подавание бедным и лишившимся пропитания фамилиям погибших в сражениях греков и албанцев³⁷.

Власти России добивались также освобождения офицеров и рядовых флотилии Кацониса, оказавшихся в руках турок. По этому поводу всемогущий фаворит Екатерины II П.А. Зубов, фактически руководивший Коллегией иностранных дел, написал 15 (26) июля 1796 г. посланнику в Константинополе В.П. Кочубею: «До сведения Ея Императорского величества вновь дошло, что подвизавшиеся за отечество наше во время последней войны греки, служившие под команду полковника Ламбра Качония, содержатся еще до сих пор в жестоком заключении в Константинополе». Посланнику поручалось

³⁵ Там же. Оп. 90/1. 1792–1793. Д. 1044. Л. 51.

³⁶ *Πρωτοψάλτη Ε. Νέα έρευνα περί του Λάμπρου Κατσώνη και των οπαδών του // Δελτίον Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας της Ελλάδος, Εν Αθήναι, 1960. Τ. 15. Σ. 82–84.*

³⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1795. Д. 221. Л. 2. Голландский дукат был равен тогда примерно пяти рублям.

употребить «все возможное старание ваше ко испрошению у Порты Оттоманской свободы сим узникам, которые значатся в прилагаемом здесь списке». К этой инструкции был приложен «Список, находящимся в плену у турков грекам под командою полковника Ламбра Качония служившим». Список содержал 54 фамилии³⁸.

Нет данных, какие именно шаги предпринял Кочубей в связи с указаниями из Петербурга, но они, несомненно, были предприняты. Также несомненно, что они не привели к освобождению всех участников акции Кацониса. Так, адмирал Ф.Ф. Ушаков с удивлением обнаружил, что на эскадре Блистательной Порты, отправившейся вместе с ним освобождать греческие острова в Ионическом море от французов, находились в неволе греки из эскадры Кацониса. Адмирал обратился к российскому посланнику в Константинополе В.С. Томаре, который в 1791 г. командовал российской флотилией на Средиземном море. Благодаря его стараниям эти узники были освобождены³⁹. В результате вмешательства русских дипломатов была освобождена и жена Кацониса, которую венецианские власти вместе с ее детьми заключили в крепость на острове Корфу⁴⁰.

В конечном счете и судьба самого Ламброса Кацониса сложилась благополучно. После своего неудачного восстания он около полутора лет скрывался в горах возле Парги на побережье Эпира. Благодаря ходатайствам различных лиц и особенно благодаря вмешательству П.А. Зубова мятежный полковник был прощен и получил разрешение вернуться в Россию. В начале 1794 г. он прибыл в Триест, где воссоединился со своим семейством, освобожденным, как уже говорилось, из заключения на Корфу усилиями русской дипломатии. В октябре 1794 г. Кацонис переехал в Херсон, где возобновил службу в российском флоте. Характерно, что новость эта вызвала крайнее раздражение в Порте. До сведения российского посланника в Константинополе В.П. Кочубея дошло тогда, что улемы* и другие видные люди резко нападали на Россию, обвиняя ее в «коварстве», так как она с почестями приняла офицера и его

³⁸ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1793–1796. Д. 1117. Л. 48–50.

³⁹ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 83–84.

⁴⁰ *Πρωτόψαλτη Ε. Νέαι έρευναί... Σ.* 87.

* Улемы — представители высшего мусульманского духовенства, богословы и правоведы.

подчиненных, продолживших войну после заключения мира, и которые «не избежали бы повешения, если бы капитан-паша захватил их»⁴¹, эта реакция говорит о том, насколько ненавистным оставалось имя Кацониса для турецкой верхушки.

В июне 1795 г. Екатерина II приказала вызвать героя Архипелага в Санкт-Петербург «ради объяснения некоторых статей по делам средиземноморской флотилии, для рассмотрения которых учреждена здесь особая комиссия». Кацонис отправился в Петербург вместе со своим семейством и здесь 20 сентября (1 октября) 1795 г. был официально представлен Екатерине II⁴².

В декабре 1796 г. по указу Павла I полковник Кацонис был «переименован в капитаны 1 ранга со старшинством с 29 июля 1790 г. [дата производства в чин полковника. — Г. А.] и определен в черноморский гребной флот в команду контр-адмирала Пустошкина». В этом своем новом качестве Кацонис еще до начала 1799 г. оставался в Петербурге, участвуя в работе комиссии, созданной правительством для рассмотрения претензий по бывшей Архипелагской флотилии. Итоги работы комиссии по претензиям самого Кацониса были для него весьма благоприятны: было постановлено выплатить ему большую по тем временам сумму в 576 674 рублей. В 1799 г. Кацонис прибывает с семьей в Крым и размещается на землях, подаренных ему еще Екатериной II. Числясь по-прежнему на военной службе, он занимается сельским хозяйством, особенно виноградарством, ведет торговые операции по поставкам в Архипелаг крымской соли, пшеницы, рыбных деликатесов. Ламброс Кацонис ушел из жизни в 1805 г. Обстоятельства и точная дата смерти выдающегося греческого патриота и доблестного российского офицера до сих пор не выяснены. Существует несколько версий, касающихся обстоятельств смерти Кацониса. Согласно одной из них, принадлежащей старшему сыну Кацониса Ликургу, его отец был убит «на золоте Турции». Если иметь в виду, что народный герой Греции был непримиримым врагом османских угнетателей, которые платили ему неприкрытой ненавистью, то версия эта определенно заслуживает внимания⁴³.

⁴¹ Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 39.

⁴² Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 97.

⁴³ См. подробнее о последних годах жизни Кацониса: Там же. С. 93–108.

Освободительное движение греков в период второй русско-турецкой войны екатерининского царствования, возглавленное Ламбросом Кацонисом, было, несомненно, более зрелым, чем аналогичное движение в период первой русско-турецкой войны. Оно продемонстрировало рост национального самосознания и политической активности греческого народа, его возросшие материальные ресурсы.

Восстание Кацониса стало важным подготовительным этапом к греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. Как известно, революцию эту непосредственно подготовила тайная освободительная организация Филики Этерия. И среди имен героев, подвиги которых вдохновили народ на решающую битву за свободу, этеристы называли имя Ламброса Кацониса⁴⁴.

⁴⁴ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 168.

ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ НОВОРОССИИ И ИХ РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ГРЕЦИИ (КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)

В 1775 г. в порт Керчь, древний Пантикапей, на кораблях российской эскадры, вернувшейся из Архипелага, прибыли первые переселенцы из Греции. Так начался процесс образования греческих колоний на землях Северного Причерноморья, отошедших к России в результате русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в.

Какие причины стимулировали переселение греков в Россию? Причины эти были двоякого порядка: политические и экономические. Как известно, греки видели в России великую единоверную державу, которая поможет им избавиться от тяжелого османского ига. Поэтому русско-турецкие войны приводили в движение массы поработанных греков, которые брались за оружие и в одном ряду с русскими сражались против общего врага. Вспомним Пелопоннесское восстание 1770 г. и морскую войну против Порты, которую вела на Средиземном море в 1788–1792 гг. добровольческая флотилия Ламброса Кацониса. После окончания русско-турецких войн многие из этих греков-добровольцев, спасаясь от репрессий Порты, переселялись в Россию. Помимо того, многие греки искали выход для своей предприимчивости и энергии, что должно было обеспечить благополучное существование для них и их семей. В Османской империи с ее отсталыми социальными и политическими условиями перспективы для таких предприимчивых людей были ничтожны. В то же время переселение в богатые, но малозаселенные причерноморские области России давало хорошие надежды на более спокойную и обеспеченную жизнь.

Со своей стороны правительство Екатерины II, в царствование которой Россия вышла на берег Черного моря, было весьма заинтересовано в привлечении иностранных колонистов на земли Северного Причерноморья. Следует отметить,

что на век Екатерины II, который во многих отношениях был блестящим веком российской истории, приходится и апогей крепостничества в России. Лично свободных людей, которые могли бы по доброй воле переселиться на черноморские земли и участвовать в их освоении, было мало. Поэтому российские власти всячески поощряли заселение этих земель иностранными колонистами. Большую роль переселенцы из-за рубежа сыграли в основании новых российских городов на черноморском побережье; особенно это касается Одессы. Поэтическое воспоминание об Одессе и одесситах 20-х гг. XIX в. оставил А.С. Пушкин:

98

Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали¹.

Можно сказать, что эти строки великого поэта являются свидетельством современника о многонациональном составе населения крупнейшего черноморского порта России. Следует напомнить, что и губернаторами Одессы и всего Новороссийского края в первой четверти XIX в. также были эмигранты: итальянец О.М. Дерibas, французы герцог А.Э. Ришелье и граф А.Ф. Ланжерон.

Стремясь к быстрейшему заселению и освоению Новороссии, как официально стали называть с конца XVIII в. земли Северного Причерноморья, правительство предоставляло поселявшимся здесь иностранцам значительные льготы и привилегии. Как правило, переселенцы полностью освобождались от рекрутского набора, на определенное число лет они также освобождались от всех податей и повинностей, им выдавались ссуды и пособия на устройство их быта. Льготы эти получали все без исключения иностранные колонисты, прибывавшие для поселения в южный край России, — немцы, швейцарцы, т.н. «задунайские переселенцы» (в основном болгары). Но самые большие льготы получали греки, особенно во времена Екатерины II.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Л., 1977–1979. Т. 5. С. 175.

Так, именно в период ее правления были образованы специальные военные подразделения из греков — участников русско-турецких войн. В Крыму в 1783 г. был создан Греческий полк. В 1797 г. он был преобразован в Балаклавский греческий батальон, просуществовавший до 1859 г. В 1795 г. в районе Одессы был сформирован Греко-албанский дивизион, позже получивший название Одесского греческого пехотного батальона (просуществовал до 1819 г.). Тогда же некоторым греческим общинам Северного Причерноморья было предоставлено право самоуправления. Так, жителям Керчи и Еникале в 1795 г. было разрешено создать собственный магистрат под названием Боспорского.

Особое внимание к грекам объяснялось не только повседневными политическими и экономическими заботами Екатерины II. Как известно, у императрицы существовал грандиозный план политических преобразований на Балканах и на Ближнем Востоке, вошедший в историю под название Греческого проекта; сутью его было восстановление Греческой империи под эгидой внука Екатерины II, которого она назвала в честь последнего византийского императора Константином*.

Можно отметить, что в немалой степени благодаря Греческому проекту греки в России пользовались особым вниманием правительства. Некоторые видные греческие ученые нашли приют в российском государстве, типографии Петербурга и Москвы печатали книги на греческом языке, греческая речь звучала при императорском дворе. Греческий язык изучал не только великий князь Константин, предполагаемый император Греческой империи. Его знал и Г.А. Потемкин, фаворит Екатерины, и первый генерал-губернатор Новороссийского края. Может быть, поэтому некоторым основанным при его активном участии городам на черноморском побережье были даны греческие названия. Здесь можно упомянуть Севастополь, Симферополь, Херсон, Мариуполь, Феодосию, Евпаторию, а также Одессу, основанную уже после смерти Потемкина.

Хотя преемники Екатерины отказались от планов осуществления Греческого проекта, они продолжили поощрять греческую эмиграцию во вновь присоединенные к России причерноморские области. Это продолжалось вплоть до завершения русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда греческая

* См. очерк настоящего издания: «О Греческом проекте Екатерины II».

миграция в Россию в силу ряда причин пошла на убыль и уже не носила массовый характер.

Итак, 1812 год можно считать важной вехой в истории греческой эмиграции в Россию. Он завершил 37-летний период (1775–1812 гг.), когда в условиях следовавших одна за другой русско-турецких войн, в которых активно участвовали и греки, при поддержке и поощрении со стороны царского правительства в значительных масштабах шло переселение греков в причерноморские области России.

Эти переселенцы вместе с коренным греческим населением, уже жившим в пределах России, создали в краю, бывшем в древности зоной греческой колонизации, цепь греческих общин, тянувшихся от устья Дуная до Азовского моря.

Сколько же греков переселилось за эти 37 лет на российское побережье Черного моря? Каких-либо суммарных данных на этот счет не имеется: получить подобную информацию было бы весьма трудно, учитывая, что процесс этот далеко не всегда был движением в одну сторону, так как некоторые греки после пребывания в России возвращались в Грецию или другие страны, находившиеся под властью турок.

Однако у нас есть данные о численности некоторых греческих общин, сложившихся в начале XIX в. во всех населенных пунктах на побережье Северного Причерноморья. Начнем с Одессы.

В 1817 г. здесь жило примерно полторы тысячи греков, что составляло 5% городского населения². Кроме того, в окрестностях Одессы, в районе, называвшемся «греческое местечко Александровка», где были выделены земли для поселения служащих Одесского греческого батальона, жило 516 человек³. Другая значительная греческая община сложилась в Таганроге. По данным на 1818 г. численность греческого населения этого города составляла 1982 человека (1058 мужчин и 924 женщины)⁴.

Греческие общины имелись также в Николаеве и Херсоне, но данных об их численности у нас нет.

² *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII — первой трети XIX в. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 46.

³ Там же. С. 48.

⁴ ООГА (Одесский областной государственный архив). Ф. 1. Оп. 220. 1818 г. Д. 2. Л. 47–48. Табель о состоянии Екатеринославской губернии.

Самое значительное греческое население сложилось в Мариуполе. В 1816 г. численность мужского греческого населения в самом городе и окрестных селах составляла 11,5 тыс. человек⁵. История появления греков на побережье Азовского моря отличается от истории их появления в других причерноморских областях. Это были коренные жители Крыма, потомки (по мнению некоторых исследователей) древнегреческих колонистов, в 1779 г. по внушению русского правительства переселившихся на Азовское побережье. Длительное изолированное существование в Крымском ханстве привело к тому, что в бытовом, культурном и языковом планах они сильно отличались от других греков, переселившихся из самой Греции.

Греческое население северочерноморских областей России увеличилось в результате присоединения к ней по Бухарестскому миру Бессарабии. В некоторых городах и местечках Бессарабии при турецком господстве селились греки, привлеченные сюда покровительством, которое оказывали своим соотечественникам правившие в Молдавии господари-фанариоты. После присоединения Бессарабии возросло значение торговли по Дунаю, что привлекло сюда новых греческих поселенцев. Из греческих общин Бессарабии наиболее многочисленной и преуспевающей была община Измаила, насчитывающая, по данным на 1820 г., 369 человек⁶.

Несколько слов о греческом населении Крыма. Несмотря на переселение значительного числа греков, подданных крымского хана, на побережье Азовского моря, в Крыму оставалось греческое население, непрерывно пополнявшееся за счет переселенцев из различных областей Османской империи. Как уже говорилось, первые поселенцы из Греции, прибывшие в южные области России после завершения русско-турецкой войны 1768–1774 гг., образовали греческую общину Керчи и Балаклавский греческий пехотный батальон. Численность греческого общества Керчи и Еникале в 1801 г. составляла 605 человек⁷. Балаклавский греческий батальон в 1818 г. насчитывал 1194 человека. В это число, помимо военнослужащих действительной службы, входили также вышедшие в отставку и

⁵ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 144. Подробно о заселении греками Приазовья см.: Греки России и Украины / Сост., отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб., 2004. С. 108–144.

⁶ Арш Г.Л. Этеристское движение... С. 141.

⁷ Там же. С. 144.

те, которым еще предстояло служить⁸. В начале XIX в. новая значительная греческая община сформировалась (главным образом за счет переселенцев из Анатолии) в Феодосии. В 1813 г. численность ее оценивалась примерно в 1500 человек⁹. Небольшие греческие общины существовали в то время также в Севастополе, Симферополе и Евпатории¹⁰.

Суммируя все эти, к сожалению, неполные и разноплановые данные, можно утверждать, что на присоединенных к России землях Северного Причерноморья в начале XIX в. жило несколько десятков тысяч греков. В это число входили как переселенцы из Греции и других стран Османской империи, так и исконные жители северочерноморского региона. Главными занятиями греков, переселившихся на черноморское побережье России, были торговля, ремесло, рыболовство, причем торговля неслучайно поставлена здесь на первое место. Даже там, где грекам от правительства выделялись значительные земельные участки (как это было с Балаклавским греческим батальоном или жителями «греческого местечка Александровка» под Одессой, где поселились служащие расформированного в 1819 г. Одесского греческого батальона), они предпочитали не обрабатывать эти земли, а сдавать их в аренду, самим же заниматься торговыми операциями. И дело было не только в склонности греков к своим традиционным занятиям.

Выход России на берега Черного моря дал толчок бурному развитию черноморской торговли и судоходства. Освоение причерноморских степей создало здесь новое сельскохозяйственное производство, отличавшееся высокой товарностью. Обслуживание экспорта сельскохозяйственного сырья Новороссии давало простор предприимчивости и инициативе, открывая возможности для быстрого обогащения. В результате некоторые из греческих переселенцев, прибывшие в Россию с небольшими капиталами или вовсе без них, в короткое время становились собственниками больших состояний. Особенно это относилось к российским купцам-грекам, которые выделялись своим богатством и размахом торговых и финансовых операций.

Так, в 1800 г. из 38 наиболее богатых одесских купцов, принадлежавших в I и II гильдиям, 24 были греками. Через

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же; Греки России и Украины... С. 47.

Одессу на внешний рынок шел огромный поток новороссийской пшеницы, и в этой прибыльной торговле греческим купцам города принадлежало важное место. В 1817 г., в год наивысшего подъема хлебного экспорта, в Одессе было зарегистрировано 65 купеческих фирм, и наиболее крупными из них были греческие¹¹.

Однако, говоря о роли греческих купцов в обслуживании зернового экспорта Новороссии, следует отметить, что хотя она и была значительной, преувеличивать ее не следует. Помимо греков, активное участие во внешней торговле российского Причерноморья принимали французы, итальянцы, австрийцы, англичане. Иначе обстоит дело, если обратиться к другим сферам деятельности греческих купцов и в целом греческих колонистов Северного Причерноморья — к сфере национально-патриотической. На определенном этапе новогреческой истории — этапе непосредственной подготовки национально-освободительной революции — вклад греческих колоний Новороссии в успешное осуществление этой акции был огромным, можно сказать, решающим. Рассмотрим этот вклад в экономическом, культурном и политическом аспектах, и начнем с наименее изученного — экономического.

Становление новогреческих колоний в северном Причерноморье совпало по времени с бурным развитием греческого судоходства, базой которого стали острова Архипелага. Это было наиболее передовая отрасль греческой экономики, где наибольшее развитие получили капиталистические отношения. Поэтому между судовладельцами Архипелага и греческими купцами и предпринимателями черноморских портов России возникли тесные связи.

В военно-феодальном османском государстве, где отсутствовали элементарные гарантии безопасности жизни и имущества, торговая и предпринимательская деятельность была сопряжена с серьезными опасностями. Поэтому греческие купцы, чтобы защитить себя от произвола пашей и беев, стремились заручиться покровительством какой-либо иностранной державы. После того, как по Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право покровительства православному населению Османской империи, греческие купцы и вообще сколько-нибудь видные люди стали искать защиту прежде всего у нее. Новые возможности для этого открывало

¹¹ *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы... С. 48–50.

начавшееся переселение греков на черноморские берега. Некоторые греки, пробыв короткое время в российских причерноморских городах и став российскими подданными, возвращались надолго или навсегда в родные места и продолжали свою торговую и предпринимательскую деятельность уже под покровительством российских консулов. В качестве примера здесь можно упомянуть крупнейшего греческого судовладельца, главу правительства Греции в 1824–1826 гг. Георгиоса Кундуриотиса, жившего постоянно на Идре и являвшегося одновременно одесским купцом первой гильдии и российским подданным. В данном случае неизвестно, бывал ли вообще Кундуриотис когда-либо в Одессе, однако точно известно, что у него были прочные деловые связи с богатым одесским купцом И. Амвросиу. Во всяком случае, в 1818 г. тот ходатайствовал перед своим влиятельным соотечественником И. Каподистрией, министром иностранных дел России в то время, о предоставлении Г. Кундуриотису места российского консула на Идре¹².

Давало ли принятие российского подданства грекам, оставшимся у себя на родине, уверенность в сохранении имущества и самой жизни? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Естественно, что в Константинополе и в Греции — там, где находились российские консулы, — российские подданные пользовались защитой дипломатических представителей России. Но российские консулы находились далеко не везде, а своевольные воеводы и ага, не признававшие никаких международных норм и не подчинявшиеся собственным вышестоящим властям, зачастую даже больше притесняли российских подданных, чем греческую райю. Да и сами райяты относились к своим соотечественникам, принявшим российское подданство, без особой симпатии, так как те по сравнению с ними находились в привилегированном положении при платеже таможенных пошлин и сборов.

В 10-е годы XIX в. экономические связи между судовладельцами Архипелага и греческими купцами черноморских портов России еще более окрепли. После завершения наполеоновских войн в связи с неурожаем в Западной Европе значительно возрос спрос на российскую пшеницу. К этому времени греческий флот Архипелага переориентировался в основ-

¹² АВПРИ. Ф. Главный архив. III–5. 1818 г. Д. 4. Л. 2–3. И. Амвросиу — И. Каподистрии, 11 (23) мая 1818.

ном на обслуживание хлебного экспорта Южной России, что стало его постоянной работой вплоть до начала революции 1821 г., причем значительная часть греческих кораблей совершала рейсы от черноморских портов России до портовых городов Западной Европы под российским флагом. В 1817 г., когда экспорт российской пшеницы достиг наивысшей точки, черноморско-азовские порты посетили 1885 судов, из них 935 — под российским флагом¹³. На самом деле значительная часть этих судов принадлежала греческим судовладельцам; переход принадлежавших им судов Архипелага под российский флаг произошел благодаря их фиктивной продаже российским подданным*. В результате греческий флот остался под покровительством России, что обеспечило его существование и развитие и позволило ему сыграть колоссальную роль в войне за независимость.

Значительную роль сыграли в этом греческие купеческие фирмы Южной России, которые, участвуя в операциях по фиктивной купле-продаже судов Архипелага, руководствовались, разумеется, не только идеальными побуждениями. Конечно, участием в этих операциях роль греческих колоний Новороссии в экономическом развитии Греции не ограничивается. Но малая изученность этой большой темы позволяет нам затронуть лишь один ее аспект.

Тесные экономические и человеческие связи между греческими общинами Новороссии и Греции способствовали сохранению их национальной самобытности. Подобно своим соотечественникам в самой Греции, переселенцы стремились дать своим детям национальное образование. Стремление греков в России к созданию своих национальных учебных заведений не встречало какого-либо противодействия со стороны царского правительства. Более того, И. Каподистрия — влиятельный министр Александра I и греческий патриот, горячий поборник просвещения, — всячески содействовал национально-просветительской деятельности своих соотечественников в России. Так, при содействии Каподистрии в Мариуполе около 1820 г. было открыто греческое училище. Оно способствовало сближению мариупольских греков, составлявших

* Подробно см. очерк настоящего издания: «Греческий флот под защитой российского флага».

¹³ Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 354–355.

внутри греческого сообщества в России самостоятельную этноязыковую общность, с переселенцами из Греции. В 1818 г. Александр I разрешил открыть в Балаклаве училище для детей низших чинов Балаклавского греческого батальона¹⁴. Решение это, по-видимому, также было принято не без участия Каподистрии.

Но самым значительным греческим учебным заведением России стало Греческое коммерческое училище, открытое 3 (15) сентября 1817 г. в Одессе в присутствии одесского генерал-губернатора А.Ф. Ланжерона. Училище это, располагавшееся в центре Одессы, рядом с Ришельевским лицеем, стало важным очагом новогреческого Просвещения. Училище содержалось за счет греческих купцов Одессы, пригласивших для преподавания в нем видных греческих педагогов. В 1819 г. число учащихся достигло 350 человек, в числе которых были дети не только греческих колонистов Южной России, но и жителей самой Греции. Это учебное заведение, как с гордостью писали в августе 1820 г. его руководители, «принесло уже существенную пользу городу, как образованием здешнего юношества, так и распространением древнего и нового греческого языка, для изучения коего стекается сюда юношество даже из древней Греции»¹⁵.

Деятельность Греческого коммерческого училища Одессы привлекла внимание и российских современников. Известный впоследствии востоковед и писатель О.И. Сенковский, посетивший осенью 1819 г. это училище, писал в «Вестнике Европы», что «Одесса становится важным пунктом в рассуждении наук греческих»¹⁶. Роль Греческого коммерческого училища Одессы как очага греческого образования и культуры еще более возросла после начала в 1821 г. Греческой революции, когда все подобные учреждения в Греции и за ее пределами прекратили свою деятельность. До завершения войны за не-

¹⁴ См.: Арш Г.Л. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982. С. 75–84.

¹⁵ Арш Г.Л. Этеристское движение... С. 222.

¹⁶ Арш Г.Л. Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. // Балканские исследования. Вып. 10: Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 40.

зависимость это училище оставалось единственным крупным центром греческого образования¹⁷.

Исключителен вклад греческих черноморских колоний России в непосредственную подготовку и осуществление плана национально-освободительного восстания 1821 г. Особенно это относится к Одессе — колыбели знаменитой Филлики Этерии. Думали ли греческие эмигранты из числа первых жителей этого черноморского порта России, основанного в 1794 г., что они вернутся на освобожденную с их помощью родину? На этот вопрос можно дать положительный ответ. Основанием для этого, в частности, является интересный документ, обнаруженный нами в Архиве внешней политики Российской империи, — обращение на новогреческом языке (вместе с французским переводом) грека к своим соотечественникам¹⁸. Документ не имеет ни даты, ни подписи, но, судя по его содержанию, относится к 1795–1796 гг. Неизвестный автор, названный во французском варианте «архимандритом», дает перспективу грядущего освобождения Греции: «именно отсюда [из Одессы. — Г. А.] мы откроем широкую дорогу, для того чтобы свободно прийти на нашу родину, некогда столь знаменитую, а сегодня столь угнетенную. Именно отсюда, с помощью креста и нашей императрицы, мы пойдем, чтобы истребить нашего безжалостного врага и отблагодарить нашего Господа за избавление в храме Св. Софии...». В этом обращении слышится резонанс в греческом обществе известного Греческого проекта Екатерины II — проекта освобождения Греции в монархическо-имперском варианте. Но после 1789 г. над Европой подули уже другие ветры. Идеи Великой Французской революции оказали глубокое воздействие на все европейские страны, в т.ч. и на Грецию. Особенно их влияние проявилось в греческих заграничных колониях, существовавших в более развитых по сравнению с Грецией странах, где преобладали демократические элементы. В XVIII в. наиболее многочисленными и процветающими были колонии греков в Австрийской империи. Их благосостояние строилось главным образом на обслуживании торговли между Центральной Европой и Османской империей. Экономическое преуспевание создало благоприятные условия для культурно-просветительской деятельности греческих

¹⁷ Там же. С. 49–57.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. Д. 51. Л. 2–5.

переселенцев в Австрии. В некоторых городах империи появились греческие школы и церкви, публиковались книги на греческом языке. В конце XVIII в. в Австрийской империи стали издаваться первые греческие газеты¹⁹. Именно в этой, передовой по тем временам, экономической и культурной среде развернул свою деятельность выдающийся греческий революционер-демократ Ригас Велестинлис.

Основоположник греческого национально-освободительного движения, он разработал его идеологию, основанную на демократических принципах Великой Французской революции. Сущностью ее было национальное освобождение силами самого греческого народа, тесный союз в освободительной борьбе с другими балканскими народами, установление демократического строя в освобожденной Греции. Для реализации своих освободительных планов греческий революционер создал в 1796–1797 гг. тайное общество, вошедшее в историю как первая Этерия. Однако эта попытка освобождения Греции окончилась неудачей. Габсбургская монархия, инициатор и участник войны против революционной Франции, жестоко расправлялась и с носителями любых свободолюбивых проявлений внутри страны. Австрийская полиция раскрыла национально-освободительную деятельность Ригаса Велестинлиса, он и его сподвижники были выданы Порте и казнены в 1798 г.²⁰ Возникшая же в 1814 г. в Одессе, в среде греческих поселенцев национально-освободительная организация Филики Этерия смогла успешно осуществить подготовку вооруженной борьбы за освобождение Греции. Это говорит о том, что греческие колонии России существовали и развивались в более свободной обстановке, чем греческие колонии в Австрии. Объясняется это политикой покровительства право-

¹⁹ Подробнее о греческих колониях Австрийской империи см.: *Βακαλορούλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη*, 1973. Т. 4. Σ. 217–230.

²⁰ Личность выдающегося борца за освобождение Греции не перестает вызывать интерес исследователей, причем не только греческих. Последняя биография Ригаса Велестинлиса принадлежит известному английскому неозеллинисту К. Вудхаузу (*Woodhouse С.М. Rhigas Velesinlis — The Proto-Martyr of the Greek Revolution. Limni, Evia, Greece. 1995*). См. также: *Арш Г.Л. Этеристское движение... С. 94–118; Китромилидис П. Эпоха Просвещения в Греции. СПб., 2007.*

славному населению Балкан, в первую очередь грекам, проводившейся русским правительством, отношением в России к грекам как к ее верным союзникам, давними религиозными и культурными узами, соединявшими два народа. Но не следует при этом упрощать ситуацию: царская Россия была самодержавно-полицейским государством, и никакая революционная деятельность здесь не поощрялась. Этеристы вели свою деятельность в России подпольно, и это объясняет те трудности, с которыми сталкиваются исследователи этеристского движения. Тем не менее, проведенные в свое время в архивах СССР изыскания дали определенные плоды. В частности, удалось обнаружить архивные документы о пребывании в Одессе основателей Филики Этерии Афанасиоса Цакалова, Эммануила Ксантоса и Николаоса Скуфаса.

Результаты этого исследования, опубликованного в 1989 г.²¹, позволяют высказать важные соображения о дате основания Филики Этерии и о роли в этом событии каждого из ее основателей. Следует здесь сообщить, что уже после публикации данного исследования мне стал известен важный документ о пребывании Э. Ксантоса в Одессе*. Из него явствует, что один из основателей Филики Этерии оформлял в конце 1814 г. свое причисление к 3-й купеческой гильдии. В связи с этим он стал российским подданным, получил паспорт на поездки в Константинополь сроком на один год и прибыл в этот город 14 (26) ноября 1814 г. Здесь он поступил в приказчики к богатому купцу Лемонису Палеологосу. Но пребывание Э. Ксантоса в Константинополе затянулось и продолжалось свыше четырех лет, в результате чего тот лишился российского подданства. В 1817 г. он снова обратился к делам тайного общества. Н. Скуфас же по своим коммерческим делам в июле 1814 г. приехал в Москву. Здесь он в декабре 1814 г. начал вербовку в тайное общество, продолженную им среди греков Москвы и Одессы в 1815–1816 гг. Таким образом, именно Н. Скуфасу принадлежит заслуга начала практической деятельности тайного общества.

* Я благодарю одесского краеведа Р.А. Шувалова, указавшего мне на этот документ: ООГА. Ф. 2. Оп. 6. Д. 77. Л. 52, 65.

²¹ См.: Арш Г.Л., Пятигорский Г.М. Некоторые вопросы истории Филики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. Вып. 11: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 25–29.

После того как в 1818 г. центр Филики Этерии был перенесен в Константинополь, вербовка в общество среди греков России продолжалась. По-прежнему наибольшую активность эмиссары патриотического общества проявляли в греческих колониях Северного Причерноморья. Так, из 42 человек, завербованных в 1818–1819 гг. по всей России, 31 был завербован в портовых городах Причерноморья, в т.ч. в Измаиле 20 человек, в Одессе 10 человек, в Херсоне 1 человек²². Но в целом в тот период масштабы вербовки в тайное общество на территории России по сравнению с Грецией и другими странами с греческим населением были небольшими. Новый взлет активности этеристов в России начался в 1820 г., когда руководство тайным обществом принял на себя Александр Ипсиланти. Греческие колонии Южной России становятся основной базой подготовки освободительного восстания в Греции, к которой приступил «генеральный инспектор Греческого общества», как называлась должность нового руководителя тайного общества.

Летом-осенью 1820 г. этот замечательный греческий патриот провел в Одессе около двух месяцев. Основной целью его поездки был сбор денежных средств для практического осуществления освободительных замыслов Филики Этерии. Глава тайного общества рассчитывал, прежде всего, на богатых одесских греческих купцов. Действительно, некоторые из них — Александр Маврос, Теодорос Серафинос и Александр Кумбарис — пожертвовали на эти цели по 10 тыс. руб. ассигнациями. Однако, как полагал А. Ипсиланти, взносы эти были гораздо ниже тех возможностей, которыми располагали эти богатейшие купцы-греки. В письме Э. Ксантосу от 26 августа (7 сентября) 1820 г. он дал нелестную оценку богатой верхушке одесской греческой общины: «Все здешние купцы — скупцы. Они могли бы внести 500 тыс., если бы имели убеждения. Доброе дело будет сделано и без них»²³.

Однако многие греческие купцы Одессы и других греческих колоний юга России уже после начала восстания Ипсиланти, можно сказать, «реабилитировали» себя, сделав большие денежные пожертвования в фонд освободительной борьбы. Так, богатый одесский купец Д. Инглези послал А. Ипсиланти в Молдавию 20 тыс. курушей, за что тот поблагодарил его своим письмом²⁴.

²² Арш Г.Л. Этеристское движение... С. 210.

²³ Там же. С. 261.

²⁴ Там же. С. 303. Один куруш (пиастр) равнялся тогда 71 копейке.

В Таганроге с марта по ноябрь 1821 г. было собрано в фонд освобождения Греции 162 тыс. рублей. Из них 100 тыс. внес богатейший греческий купец России и меценат И. Варвакис, поселившийся в 1813 г. в Таганроге²⁵. На деньги, собранные в греческих общинах России, снаряжались добровольцы, в массовом числе отправлявшиеся в лагерь Ипсиланти в Дунайских княжествах.

Греческий историк И. Филимон пишет об огромном воодушевлении, которое вызвала в греческих черноморских колониях освободительная акция А. Ипсиланти: «Отовсюду, и особенно из близлежащих южных провинций России, греческая молодежь из всех сословий, полная энтузиазма и самопожертвования, устремилась под знамена Ипсиланти. Неспособные носить оружие вооружали тех, кто не имел средств, приказчики торговых контор оставляли службу тороватого Меркурия, юноши видных семейств, которым были доступны все виды наслаждений, и учащиеся превращались из последователей Афины в последователей Марса. Все они думали только об общем интересе отчизны, и борьба за освобождение почиталась ими единственным благом»²⁶.

Подготовка к участию в освободительном выступлении для греческой молодежи Одессы началась там летом 1820 г., во время пребывания в городе А. Ипсиланти и его братьев. Как говорится в записке о Филики Этерии, подготовленной специальной правительственной комиссией, расследовавшей деятельность тайного общества в России: «Агенты Ипсиланти с жаром говорили молодым грекам, которые здесь в это время находились, о необходимости отправиться на помощь их отчизне. И они формировали отряды, обучавшиеся ими с палками на городской площади, под пение патриотических гимнов. Князя Ипсиланти и Кантакузин*, прибывшие в Одессу, принимали клятву у этих новых братьев, давали в их честь праздника и отправляли их группами в 10–15 человек в Кишинев, где от них требовали второй клятвы»²⁷.

Если учесть, что решение начать освободительное восстание в Дунайских княжествах было принято значительно

* Г.М. Кантакузин — активный этерист, отставной полковник русской армии.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 302.

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 873. Л. 19.

позднее, то трудно сказать, насколько эти сведения соответствуют действительности. Но бесспорно то, что какие-то приготовления к освободительной борьбе начались во время пребывания А. Ипсиланти в Одессе. И несомненно, что об этих приготовлениях был информирован генерал-губернатор Новороссии граф А.Ф. Ланжерон, который не только им не препятствовал, но даже в определенной мере их поощрял. Об этом имеется прямое свидетельство, принадлежащее П. Ипитису. Этот врач, будучи активным этеристом, сопровождал А. Ипсиланти во время его поездки в Одессу, а после завершения национально-освободительной войны вернулся в Грецию. В его архиве, находящемся сейчас в отделе рукописей Национальной библиотеки Греции, хранится записка о сношениях видного деятеля национально-освободительной борьбы Греции с крупным русским чиновником. По словам Ипитиса, Ланжерон знал о шедшей в Одессе вербовке добровольцев для операций на суше и на море и желал успеха этому делу. Как утверждает Ипитис, губернатор спрашивал его ежедневно: «Сколько добровольцев ты набрал сегодня?»²⁸ Однако добавим, что, после того как акцию А. Ипсиланти осудил царь, отношение А.Ф. Ланжерона к деятельности этеристов радикально изменилось.

Сколько же добровольцев из Одессы и других греческих общин приняло участие в повстанческом движении Ипсиланти? На этот вопрос частично проливает свет документ, хранящийся в Одесском областном государственном архиве. Он имеет служебный заголовок: «Именной список этеристам, находящимся под арестом в местечке Оргеево, с означением, кто какой нации, какой державы подданные, имел кто из них до выхода в Молдавию жительство в России и где именно, по чьим паспортам или без оных вышли они на границу и, наконец, где есть у них постоянная оседлость»²⁹. Речь здесь идет о повстанцах, перешедших на территорию России после

²⁸ Εθνική βιβλιοθήκη της Ελλάδος. Κατάλογος των χειρογράφων. Н. 238.

²⁹ ООГА. Ф. 1. Оп. 249. Д. 40. Л. 422–587. Документ этот, обнаруженный нами и использованный в монографии о Филики Этерии (Арш Г.Л. Этеристское движение... С. 322–325), был впоследствии полностью опубликован болгарским историком Н. Тодоровым. См.: Тодоров Н. Балкански измерения на Гръцкото въстание от 1821. Приносът на българите. София, 1984. С. 129–244.

героической, хотя и неудачной для них битвы при Скулянах 16–17 (28–29) июня 1821 г. и интернированных в местечке Оргеево.

Список этот содержит фамилии 1002 повстанцев, из которых 181 человек прибыл в Молдавию из греческих колоний России. Получается, что греческие жители России составляли 18% состава сражавшихся там повстанческих отрядов. В действительности же степень личного участия российских греков, в основном жителей Южной России, в военных действиях в Дунайских княжествах, несомненно, была выше.

Дело в том, что главные силы повстанцев действовали не в Молдавии, а в Валахии, под личным командованием А. Ипсиланти, и именно в этот корпус прежде всего направлялись добровольцы из южных провинций России. Известно, например, что многие учащиеся Греческого коммерческого училища Одессы служили в знаменитой Священной роте — отборной части греческих революционных сил. После битвы при Дрэгэшани (7 (19) июня 1821 г.) солдаты разбитой армии Ипсиланти перешли в Трансильванию, на территорию Австрийской империи. Позднее значительная часть этих повстанцев — 2095 человек — перебрались из Австрии в Россию³⁰. Переселение это носило, в отличие от перехода на территорию России отряда этеристов после битвы при Скулянах, строго индивидуальный характер. Поэтому, хотя у нас и нет данных о прежнем местожительстве людей из этой большой группы повстанцев, есть основание предполагать, что многие из них до вступления в армию Ипсиланти проживали в России. Все это дает основание утверждать, что личное участие греков России в предприятии Ипсиланти было значительным и что, во всяком случае, в составе повстанческих сил их было больше, чем 18%; нет сомнения, что наиболее надежную их часть составляли выходцы из южнорусских греческих колоний. Если данные «оргеевского списка» и нельзя рассматривать как репрезентативные относительно состава армии Ипсиланти, то они, несомненно, имеют репрезентативный характер в других аспектах, в частности, как показатель активности тех или иных греческих общин России в деле поддержки патриотической акции Ипсиланти. Наибольшую активность в деле отправки добровольцев в Дунайские княжества проявила Одесса: из фигурирующих в списке 181 человека 71 были одесские греки.

³⁰ Арш Г.Л. Этеристское движение... С. 331.

На втором месте стоял Таганрог — 33 человека, на третьем месте Измаил — 19 человек, весь Крым дал 15 человек, в т.ч. по 6 человек из Евпатории и Феодосии. В списке совершенно отсутствуют мариупольские греки, которые, как уже говорилось, по своему национальному самосознанию отличались от других греков Южной России.

После поражения движения Ипсиланти греческие общины России взяли на себя оказание помощи более чем трем тысячам бывших повстанцев, оказавшихся на российской территории. Для выполнения этой задачи и для мобилизации всех греческих общин России и других государств в помощь греческому делу 1 (13) августа 1821 г. в Одессе было создано Греческое филантропическое общество. Эта организация, прямой преемник Филики Этерии, в конце 1821 г. была распущена по распоряжению Александра I, усмотревшего в ее деятельности «вредные политические замыслы»³¹.

* * *

История новогреческих колоний на побережье Черного моря насчитывает около двух столетий. В истории этой были разные страницы: и вполне благополучные, и полные драматизма. Особое место принадлежит в них семи годам — с 1814-го по 1821-й. Без преувеличения можно сказать, что это был звездный час в истории причерноморских греков России, когда под знаменем Филики Этерии, под знаменем Ипсиланти они пришли на помощь своим соотечественникам и помогли им разбить тяжелые цепи чужеземного рабства.

³¹ Там же. С. 345–346.

ГРЕЧЕСКИЙ ФЛОТ ПОД ЗАЩИТОЙ РОССИЙСКОГО ФЛАГА

С началом освободительного восстания в 1821 г. обнаружилось, что у греков есть не только значительные вооруженные силы на суше, но и боеспособные корабли, сумевшие вступить в единоборство с турецким флотом, одним из самых сильных тогда в Средиземном море. Как грекам удалось создать и сохранить до начала освободительной борьбы свой флот? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к одной из важных и малоизвестных страниц в истории русско-греческих связей: использованию греческими судовладельцами российского флага для защиты своих кораблей.

Начало этой практики приходится на последние десятилетия XVIII в. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. российские корабли, торговые и военные, получили право свободного плавания по Черному морю. Для российской торговли открылся путь к средиземноморским странам. Одним из результатов этого стало появление кораблей под российским флагом в водах Архипелага. С 80-х годов XVIII в. объем морской торговли между островами Архипелага и Северным Причерноморьем постоянно рос.

Этот регион, присоединенный к России в результате двух русско-турецких войн второй половины XVIII в., успешно развивался экономически. Сложившееся здесь производство сельскохозяйственных продуктов, главным образом пшеницы, нуждалось в выходе во внешние рынки. Торговые связи с Архипелагом открывали в этом отношении большие возможности. В 80-е гг. XVIII в. на Крит, Самос, Хиос и другие греческие острова приходили русские корабли, привозившие зерно, шерсть, другие сельскохозяйственные продукты, и нагружавшиеся фруктами, винами, коринкой.

Эти товары доставляли в Херсон, Николаев, Таганрог и в основанную в 1794 г. Одессу суда под русским и турецким

флагом (проход иностранных кораблей, кроме австрийских, в Черное море до конца XVIII в. был запрещен). Число этих судов постоянно росло. В 1786 г. на Черном море плавало 80 судов под русским флагом; еще 80 судов под турецким флагом посетили порты Северного Причерноморья. В 1793–1797 гг. среднее число кораблей, ежегодно посещавших черноморские порты, дошло до 471, в т.ч. 164 корабля под русским флагом и 276 — под турецким. В первые годы XIX в. рост этот продолжался. Так, в 1805 г., когда накануне новой русско-турецкой войны наблюдался наивысший подъем судоходства на Черном море, эти порты посетил 1251 корабль. В их числе было 412 турецких судна, что составляло 33% от их общего числа, и 403 русских судна, соответственно, — 32,2%¹.

Однако русскими эти корабли можно считать весьма условно. Из-за недостатка собственных профессиональных кадров владельцы кораблей активно пользовались услугами греческих моряков. Как писал в одном из своих донесений генеральный консул России в Архипелаге И. Войнович, «капитаны и экипажи судов, приходящих [в Архипелаг] под нашим флагом, являются, большей частью, греками»².

На каких же основаниях греки получали право пользоваться российским флагом? Наиболее прямым путем было приобретение греками, переселявшимися в Россию в результате русско-турецких войн второй половины XVIII в., российского подданства и их постоянное проживание в России. Но многие греки, получив российский паспорт, возвращались к себе на родину и претендовали на российский флаг для своих судов, если они ими обладали. Следует заметить, что правила предоставления иностранцам права использования российского торгового флага были при Екатерине II довольно либеральными и предоставляли такую возможность.

Первоначально выдача патентов на право плаванья российских судов под российским флагом было функцией Адмиралтейства. Но, как писала в 1782 г. Екатерина II в своем рескрипте Г.А. Потемкину, так как «стали приезжать сюда разные просители для получения торгового флага от Адмиралтейства, то в отвращении затруднений приобретателям и строителям

¹ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 29–30, 32, 37.

² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1782. Д. 1002. Л. 53.

судов ездить в столицу, признали мы за благо раздачу онаго для портов черноморских поручить Вам в качестве Генерала Губернатора Новороссийскаго и Азовскаго». В рескрипте подтверждалось право пользования торговым российским флагом иностранцам, вступившим в «вечное наше подданство», а также говорилось, что «не возбраняем мы сверх того употребление торговаго нашего флага и тем иностранцам, кои для торговаго промысла в которм-либо из приморских городов записались или запишутся во временно подданство наше и там действительно находятся»³. Это право, предоставленное Потемкину, было законодательно оформлено указом Екатерины II Коллегии иностранных дел от 3 (14) августа 1782 г.⁴

Правом получения российского торговаго флага весьма активно пользовались греки. Как уже говорилось, им принадлежала бо́льшая часть судов, которые осуществляли торговлю между черноморскими портами России и островами Архипелага. Это создавало почву для подпольной эмиграции греков — османских подданных — в Россию и порождало постоянные конфликты между властями Османской империи и дипломатическими представителями России. Конфликты эти начались после Кючук-Кайнарджийского мира и продолжались вплоть до Греческой революции 1821 г. Упоминание об одном из самых ранних таких конфликтов содержит донесение А.С. Стахивева из Константинополя от 28 июля (8 августа) 1780 г.⁵

Как сообщал посланник, Порта требовала, чтобы ее подданные, которые хотели бы совершить поездку на русских купеческих кораблях в качестве матросов, пассажиров или купцов, принимались на них только с ее согласия; то же касалось и выдачи им паспортов. Порта требовала также, чтобы, в случае нужды в греческих матросах для русских торговых кораблей, посольство посылало бы список этих матросов с обоснованием потребности в них и с обязательством по окончании поездки вернуть их по именному списку.

На деле всё происходило по-иному. Многие жители Архипелага и другие греки, получив российский паспорт, под видом торговых дел отправлялись в Грецию и поселялись там.

³ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1777–1787. Д. 4357. Л. 33–34.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1780. Д. 556. Л. 9–18.

Но связей с Россией они, как правило, не теряли, используя свое качество российских подданных в ходе своих торговых операций. Согласно сведениям А.С. Стахиева, некоторые из греков-переселенцев каждую осень возвращаются в родные места «с пашпортами, предъявляющими их российскими жителями, препровождают зимнюю пору на своих островах со своим там неподвижно пребывающим семейством». Летом же, с закупленными в Архипелаге товарами, главным образом винами, они возвращаются в российские области на судах под российским торговым флагом и для этих товаров «требуют принадлежащих тому флагу льгот и выгод, чем раздражая других своих земляков, под турецким флагом равными товарами торгующих, побудили наконец Порту на вышеозначенное требование».

Саму Порту весьма раздражало использование греческими судовладельцами российского торгового флага, дававшее грекам возможность ощущать себя свободными от турецкого гнета. Реис-эфенди (министр иностранных дел) говорил первому драгоману посольства Н. Пизани, «что на российские суда определяются райя, которые почитая себя тогда свободными от ея подданства, становятся наглыми, что он сам, то есть, реченый эфендий, видит собственными глазами, что на наших судах нет ни единого, котораго бы можно было почесть за русскаго, и что, наконец, Высокая Порта доведена будет до крайности и нарядит людей освидетельствовать всех по порядку матросов реченных судов».

Порту выводило из себя и то обстоятельство, что приезжавшие из России греки, «ходя одеты в платье турецких подданных, живущих на архипелагских островах, невозможно различать русския ли они или же подданные Блистательной Порты». Это создавало большую проблему для турецких должностных лиц, которые не привыкли церемониться с райей, христианскими подданными Порты, и опасались трогать греков, подданных России.

А.С. Стахийев, ведший с 1775 г. долгие и напряженные переговоры с Портой о признании ею условий Кючук-Кайнарджийского договора, завершившиеся 10 (21) марта 1779 г. подписанием Айналы-Кавакской конвенции, считал, что в данном вопросе следует пойти на уступки Порте. По его мнению, можно было принять ее требования об установлении контроля за составом экипажей судов, приходивших в Константинополь под русским торговым флагом. Это требование Порты вошло в

русско-турецкий торговый договор от 10 (21) июня 1783 г. Ст. 33 договора гласила: «В случае какого со стороны Порты сумнения, или подозрения, что в числе людей, составляющих корабельной экипаж, не имеются ль подданные ея, Российской Императорской Двор соглашается, чтоб делан был осмотр экипажа такого корабля»⁶. Следует признать, что в данном случае Петербург пошел на большую уступку Порте, признав за ней право осматривать любое русское судно, проходящее через Проливы. В то же время Екатерина II сохранила для греческих судов возможность плавать под русским флагом. Как уже говорилось, правом выдачи русского торгового флага в черноморских портах пользовался генерал-губернатор Новороссии Г.А. Потемкин. После его смерти в 1791 г. право это было передано Черноморскому адмиралтейскому правлению.

Согласно указу Екатерины II от 28 февраля (11 марта) 1792 г. она «дачу российских флагов подданным нашим, какого бы они народа и закона ни были, на торговые их суда по Черному и из онаго по другим морям плавающие, предоставляет сему правлению». При этом было выдвинуто условие, «чтоб флаги наши даваны были не инако, как людям известным, или же имеющим от тех мест, где они живут или торги свои отправляют, надлежащая свидетельства и одобрения, и чтоб получающия оные были люди надежные, от коих флагу и торговле нашей не могло бы последовать никакого предосуждения». Патент на право использования флага выдавался на срок до шести лет⁷.

Указ этот был издан уже после подписания Ясского мирного договора. В отличие от Кючук-Кайнарджийского, этот договор не содержал каких-либо положений об эмиграции греков в Россию. Тем не менее многие греки, в т.ч. купцы и моряки, переехали в Россию и там натурализовались. Дополнительные условия для предоставления права пользования российским флагом, декретированные Екатериной II, не мешали некоторым переселенцам добиться этого права; часть

⁶ Трактат о торговле, заключенный в Константинополе между Российской Империей и Портою Оттоманской // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXI. С. 949.

⁷ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 4383. Л. 6–7. Записка о разных неудобствах в употреблении российского купеческого флага. (Документ без подписи и даты. Не позднее первой половины 1804 г.)

их вернулась в Константинополь уже в качестве российских подданных. Были и такие, кто, даже не покидая места своего жительства, добились такой же натурализации и выдачи адмиралтейских патентов для своих судов.

Среди тех греков, которые получили более благоприятные возможности для использования русского флага, были участники греческого повстанческого движения Ламброса Кацониса во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.* После завершения войны некоторые из участников движения переселились в Россию, а другие остались в своих родных местах. Рассказ о судьбе этой, по-видимому, довольно значительной группы содержит прошения из Константинополя Александру I в 1802 г. греков Г. Бенардаки, С. Кундурии, И. Мелисы «за себя и за своих товарищей»⁸. Согласно прошению, во время войны 1787–17891 гг. они вооружили на свои средства около 60 судов, за что были произведены в различные военные чины, а после войны им было предоставлено право плавать на своих судах под российским флагом. «Будучи поощрены таковою милостью, составлявшею единственный способ к своему пропитанию, учредили они в разных местах на черноморских берегах заведения и наслаждались дарованными льготами». Обращение же греков-ветеранов было вызвано тем, что к этому времени их право пользования российским флагом было аннулировано вследствие новых правил, введенных по данному предмету Павлом I.

Указом от 14 (25) апреля 1797 г. Адмиралтейской коллегии император предписал, что «так как выходят многие неудобства от позволения давать флаг наш на иностранные суда Черноморскому правлению, повелеваем впредь никому из иностранцев флага нашего без особого соизволения нашего не давать». Следующим же указом Павла I от 29 апреля (10 мая) 1797 г. определялось, что на иностранных судах, получивших российский флаг, не менее половины или двух третей экипажа должны быть российскими подданными⁹.

Эти решения самодержца можно прокомментировать вкратце следующим образом. Павел I, разумеется, не отказался от традиционной русской политики покровительства православным подданным Порты, но он был настроен против яв-

* См. очерк, посвященный этому движению, в настоящем издании.

⁸ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II–3. 1802. Д. 4. Л. 7–11.

⁹ Записка о разных неудобствах... Л. 8, 19.

ным проявлений государственного филэллинизма, характерных для политики его матери. Об этом говорит, в частности, тот факт, что после восшествия Павла I на престол был ликвидирован Корпус чужестранных единоверцев — уникальное учебное заведение, созданное Екатериной II специально для греков. Был распущен и созданный для устройства греков — участников войны 1787–1791 г. греческий дивизион¹⁰. Но следует отдать должное и Павлу I: при нем, при содействии России, была создана Ионическая Республика.

Вопрос о предоставлении иностранцам, в первую очередь грекам, права использования русского торгового флага был тесно связан с такими кардинальными целями внешней политики России в Восточном Средиземноморье, как налаживание взаимоотношений с Османской империей и русское покровительство православным подданным этой империи. Эти две задачи, находившиеся в противоречии друг с другом, накладывали отпечаток на позицию российского МИДа и российских дипломатических представителей в Константинополе относительно «права флага». Что же касается первых лет XIX в., то важным фактором международных отношений было соперничество между Россией и Францией за преобладающее влияние в Османской империи.

В конце 1802 г., в обстановке этого обострявшегося соперничества, в Константинополь прибыл новый российский посланник А.Я. Италинский. В данных ему и неоднократно повторенных позже правительственных инструкциях посланнику вменялось действовать в соответствии с целями политики Александра I, которые предусматривали сохранение целостности Турции и поддержание с нею союзнических отношений¹¹.

Ознакомившись на месте с состоянием русско-турецких отношений, посланник пришел к выводу, что исполнению его инструкций в этой части может помешать использование греками — жителями Османской империи российского торгового флага и предоставление им российского подданства.

2 (14) января 1804 г. А.Я. Италинский поднял этот вопрос в донесении канцлеру А.Р. Воронцову. Посланник сообщил, что Константинопольская миссия в 1803 г. предоставила разным грекам 276 паспортов, дававших возможность пользоваться российским флагом. Из них 5 были выданы российским вице-

¹⁰ См.: *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 137.

¹¹ *Станиславская А.М.* Указ. соч. С. 247.

консулам и 13 — российским баратерам*, «а прочия все судам, составляющим собственность хозяев, которые от российских начальств в разных черноморских портах имеют виды, предьявляющие их подданными российскими; что многие такие хозяева суть по всем обстоятельствам природные подданные турецкие, имеющие в той империи всю свою родню, дома и все имущество, что, по большей части, жители Идры, Специи и других островов, снабдевающих флот султанской искуснейшими разного звания морскими служителями, получением паспортов на звание российского подданного отбывают от службы Порте и поставляют себя вне ее зависимости — что от того могут легко случиться неприятные с Портой изъяснения»¹².

Посланник стремился прекратить или ограничить отъезд греков — турецких подданных в Россию для работы в русском торговом флоте. Однако в МИДе сочли, что принятие такой меры могло бы иметь для России нежелательные экономические и политические последствия. В записке, подготовленной по этому поводу в российском дипломатическом ведомстве, говорилось: «Известно, что новороссийския, то есть Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии, не столько еще населены, чтоб могли снабжать все купеческие наши суда потребным числом шкиперов и матросов, и что по сей причине тот промысел почти единственно производится греками, которые для того в российских городах записываются в мещанство, продолжая настоящее свое пребывание в турецких областях, от чего министр Италинский опасается хлопот с Портою. Напротиву же того, еслии грекам запретить сей промысел, то не только мы их по политическим видам от себя удалим, но и черноморскую торговлю тем самым обратим в прежнее ничтожество»¹³.

Несмотря, однако, на это мнение, существовавшее в кругах МИДа, Александр I пошел на ужесточение условий принятий греков в российское подданство и предоставления им права на использование русского торгового флага. Новые правила по этой части были изложены в указе императора от 3 (15) апреля 1806 г. генерал-губернатору Новороссии герцогу А.Э. Ришелье¹⁴. Теперь,

* Баратеры — лица из местного населения, пользовавшиеся на основании берата (султанского указа) покровительством какой-либо иностранной державы

¹² Записка о разных неудобствах... Л. 1–2.

¹³ Там же. Л. 20–21.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 197. Л. 4–10.

согласно указу, претендент на получение патента, дававшего его судну право плавать под российским флагом, должен был не только записаться в купцы первой гильдии, но и выстроить дом в одном из городов новороссийского края стоимостью не менее трех тысяч рублей. В случае же его нежелания стать домовладельцем, он обязывался внести указанную сумму в городскую казну. Подтверждались требования относительно состава экипажа судов под российским флагом: и шкипер, и не менее половины матросов должны были быть российским подданными. Ограничивался и срок действия выданных патентов: для «большой навигации»* — три года, для «малого мореплавания»** — два года. Ограничивались также возможности для возвращения на родину греков, принявших российское подданство: устанавливалось, что им «не иначе паспорта на выезд в области турецкие выдавать под названием подданных российских, как по прошествии трехлетнего пребывания в России». Кроме того, русский паспорт уже не давал его обладателю право на покровительство России.

После издания указа Александра I от 3 (15) апреля 1806 г. Италинскому были посланы инструкции удовлетворить претензии Порты относительно права пользования русским флагом и законности получения отдельными лицами русского покровительства. Претензии Порты в этом отношении признавались справедливыми. Сама же Порта, несмотря на уступчивость России, приняла ряд ограничительных мер против находившихся под покровительством России греков. В мае 1806 г. были ограничены права русских представителей в Османской империи на выдачу документов турецким судам на использование русского флага, и баратеры были лишены имевшихся у них торговых привилегий¹⁵.

Действия России по урегулированию конфликта с османскими властями относительно использования греками российского флага происходили на фоне обострявшегося русско-французского соперничества в Константинополе. Порта в этой ситуации действовала в зависимости от того, на чью сторону склонялись весы: то проводила репрессивные меры против лиц с русскими паспортами, то отменяла их. Но в противоборстве с Францией Россия терпела поражение: политика Порты

* Плавание без каких-либо ограничений в расстоянии.

** Плавание не далее Дарданелл.

¹⁵ Станиславская А.М. Указ. соч. С. 434.

становилась все более профранцузской, и в декабре 1806 г. началась новая русско-турецкая война.

Тем временем начавшийся в конце XVIII в. быстрый рост греческого судоходства, центром которого стали т.н. «мореходные острова» Идра, Спеце и Псара, продолжился и в первые годы XIX в. У греческих судовладельцев возникают тесные экономические связи с русскими портами Северного Причерноморья, чему способствовало образование в этих портах греческих колоний, по преимуществу торговых. Греческие судовладельцы и капитаны Эгейских островов начинают активно участвовать в экспорте русского зерна, на которое в период наполеоновских войн все больший спрос предъявляет Южная Европа. Аномальные условия для морской торговли, сложившиеся в Средиземноморье в результате континентальной блокады и английской контрблокады, создают предпосылки для рискованных, но и весьма прибыльных торговых рейсов. Воспользовавшись сложившейся политической конъюнктурой, греческие судовладельцы получали большие прибыли.

Но греческое судоходство развивалось отнюдь не в тепличных условиях. Материальные и людские ресурсы Эгейских островов Порты рассматривала как свое достояние. Помимо налогов, эгейские судовладельцы были обязаны во время войн, которые вела Османская империя, отправлять суда вместе с командами (за свой счет) в распоряжение капитан-паши, под властью которого находился Архипелаг. Например, в 1788 г., во время русско-турецкой войны, 80 кораблей Идры были мобилизованы для использования на Черном море. Имели место и случаи прямого грабежа имущества островитян. Так, в 1798 г. корсары вассальных африканских государств Османской империи захватили 16 кораблей из Архипелага, присвоили их деньги, вырученные за проданное зерно, и обратили 900 человек их экипажа в рабов. Этот разбой был совершен при попустительстве Порты, и факт этот не был случайностью.

В начале XIX в. над вновь возникшей отраслью греческой экономики — судоходством — нависла серьезная угроза. Дело было не только в общих условиях османского господства, не обеспечивавшего безопасности для личности предпринимателя и для его имущества. Порты тогда с тревогой обнаружила, что у греков появилась мощная морская сила, которая могла быть использована не только для торговых перевозок.

Главным средством защиты своих кораблей судовладельцы Архипелага считали поднятие на них флага России — единственной единоверной с греками великой державы. Особым покровительством России со времен Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. пользовались острова Архипелага, что было зафиксировано в статье 17 Кючук-Кайнарджийского договора. Поэтому архипелагские судовладельцы рассчитывали, что под прикрытием российского флага их корабли будут в безопасности. Но, как мы видели, условия предоставления иностранным судам права использования российского флага становились все более жесткими.

Тем не менее, греки старались сохранить российский флаг над своими кораблями. Как сообщал в мае 1804 г. М.Я. Минчаки, российский консул в Морее, в это время примерно 40 парусов, принадлежащих жителям Идры и Спеце, находились под покровительством России, т.е., очевидно, плавали под русским флагом¹⁶. Тогда оставалось два года до начала новой русско-турецкой войны, сделавшей использование российского флага подданными Порты затруднительным.

Однако очередная победа России в войне с турками и огромный рост ее престижа в результате разгрома наполеоновского нашествия еще более усилили тягу греков к единоверной державе. Как писал в 1819 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде в записке «О райе», предоставленной Александру I, «восстановление мира между Россией и Портой в 1812 г. побудило греков снова добиваться права пользоваться покровительством России, причем это и без того сильное у них стремление чрезвычайно усилилось в результате беспрепятственного расширения торговли на Черном море»¹⁷.

Можно утверждать, что именно в шестилетний период после Бухарестского мира произошел переход большей части греческого флота под российский флаг. Дело в том, что как раз в этот период греческая община Одессы, сыгравшая основную роль в этой операции, приобрела большую экономическую силу.

Между тем, в начале 1819 г. Порта предприняла новую попытку лишить греческих судовладельцев права пользования российским флагом. Как сообщал посланник в Константинополе Г.А. Строганов в своей депеше от 2 (14) января 1819 г.,

¹⁶ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I–9. 1801–1816. Д. 1. Л. 108.

¹⁷ ВПР. М., 1976. Сер. II. Т. II (X). С. 686. К.В. Нессельроде. Записка «О райе».

соответствующее заявление сделал реис-эфенди Джаниб-эфенди первому драгоману российской миссии Ф. Франкини. Турецкий сановник сформулировал это заявление в резкой и даже угрожающей форме: «Все обитатели Архипелага стали русскими, у нас нет больше райя. Лица, являющиеся райя, едут в Россию, через несколько месяцев возвращаются с паспортами и с тех пор рассматриваются как подданные императорского двора... Передайте г-ну посланнику, что все это следует пресечь, в противном случае правительство будет вынуждено принять надлежащие меры».

—
126 В связи с этим заявлением посланник считал, что Россия, несмотря на давление турок, ни в коем случае не должна оставлять греков без своего покровительства: «великодушное покровительство, оказываемое грекам, несомненно должно быть подчинено высшим интересам империи. Но греки уже привыкли к этому покровительству, видя в нем свое единственное утешение и единственную надежду». Порта неоднократно уже предъявляла жалобы на использование греками-мореходами русского флага. То, что она избрала данный момент для того, чтобы снова поставить этот вопрос весьма решительно, объяснялось, как считал посланник, двумя причинами: желанием что-либо противопоставить тем многочисленным претензиям, который Россия предъявляла Порте по поводу нарушения ею условий Бухарестского мира, а также стремлением османского руководства ослабить доверие греков к великой северной державе. По мнению Строганова, не только Турция, но и Англия стремилась лишить греков надежд на покровительство России: она «смотрит на эти настроения с самой настоящей завистью; ее постоянные инсинуации еще более подстрекают недовольство турок в этом отношении». Посланник просил указаний министерства по вопросу об использовании греками российского флага¹⁸.

Указания эти последовали в депеше К.В. Нессельроде Г.А. Строганову от 16 (28) февраля 1819 г.¹⁹ К ней была приложена вышеупомянутая записка «О райе», где кратко излагалась история использования судами христианских подданных Порты российского флага и предписывалось подумать о мерах для возвращения этих судов «в их первоначальное естественное состояние». Ответная депеша Г.А. Строганова от

¹⁸ ВПР. Сер. II. Т. II (X). С. 628–629.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1818. Д. 2327. Л. 7–8.

15 (27) апреля 1819 г. вместе с приложенной к ней запиской заведующего коммерческой канцелярией М.Я. Минчаки содержали соображения посольства на этот счет²⁰.

По данным автора записки, в тот период в Черном и Средиземном морях под российским флагом плавало около тысячи судов. Но лишь очень небольшая часть из них действительно принадлежала русским купцам, добрая же половина принадлежала грекам Архипелага, подданным Порты. О причинах, побуждавших греческих судовладельцев добиваться российского флага, в записке говорилось: «Льготы и привилегии, которыми пользуется императорский флаг во владениях Порты, несомненно, являются главной причиной, побуждающей добиваться его иностранными мореходами. Помимо этого сильного и естественного мотива, греков Архипелага побуждают нетерпеливо стремиться под сень этого флага их врожденная привязанность к России и стремление найти защиту от притеснений, которым подвергают их турки».

Переход греческих судов Архипелага под российский флаг произошел в результате их фиктивных продаж российским подданным. Покупатель за определенную мзду «ссужал свою фамилию», давая владельцу судна право поднять над ним российский флаг. При этом продавший судно судовладелец оставался его законным собственником, так как номинальный собственник снабжал его доверенностью на право командования судном и полного им распоряжения, в т.ч. в случае необходимости и его продаже. Такие сделки по купле-продаже совершались в Одессе, а также в канцеляриях некоторых иностранных посольств в Константинополе. В них участвовали жившие в Константинополе греческие купцы, являвшиеся российскими подданными. По словам российского дипломата, фиктивность этих сделок была очевидна, так как кто-то из этих купцов, который был не в состоянии иметь даже одно собственное судно, становился владельцем 40 или 50 судов.

Как отмечал в своей записке М.Я. Минчаки, использование греками — подданными султана, российского флага вызвало большое недовольство Порты, так как она «не может относиться безразлично к тому, что на ее глазах почти весь

²⁰ См.: *Ари Г.Л.* Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII–XX вв. С. 67–86.

греческий флот проходит, то в одну, то в другую сторону, под русским флагом». Несмотря на очевидный фиктивный характер операций по купле-продаже греческих судов, российское посольство в Константинополе не считало возможным лишать их права пользования российским флагом, так как в таком случае, по словам М.Я. Минчаки, «был бы нанесен ущерб престижу императорского двора и благотворному влиянию, которым он пользуется у всех христиан Леванта, если бы подобная мера или другой возможный шаг могли бы создать впечатление уменьшения или исчезновения этого отличного флота, особенно флота идриотов и специотов, хотя и для нас он по существу и является мнимым». И меры, которые посольство в Константинополе предложило во исполнение указаний из Петербурга, в основном сводились к предотвращению в дальнейшем практики приобретения греческими судовладельцами «права флага» посредством фиктивной продажи своих судов российским подданным.

К депеше Г.А. Строганова была приложена и другая записка М.Я. Минчаки, содержащая сведения о греческом торговом флоте, который плавал под русским флагом, но фактически принадлежал грекам. Основное его ядро составляли корабли трех островов: Идры — 80 кораблей, Спеце — 90 кораблей, Псары — 84 корабля. Особенно выделялись своими качествами суда Идры. Численность команд этих кораблей насчитывала от 35 до 60 человек, а их грузоподъемность составляла от 10 тыс. до 23 тыс. киле*; все корабли, по словам Минчаки, находились в наилучшем состоянии. В записке приводились и фамилии наиболее крупных судовладельцев. Через два года, когда вспыхнула Греческая революция, некоторые из них стали видными деятелями национально-освободительной борьбы.

Получив депешу Г.А. Строганова от 15 (27) апреля 1819 г., в Петербурге одобрили предложенные посольством меры по ограничению использования греками — подданными Порты российского флага, но сочли их недостаточными. К.В. Нессельроде писал по этому поводу посланнику 2 (14) июля 1819 г.: «Меры, предложенные в-прво, получили одобрение императора, но его величество желает, чтобы приводя все это в исполнение, в-прво никогда не теряло из виду суда, в действительности райи, чье противозаконное пребывание

* Киле равнялось приблизительно 24 кг.

под нашим флагом может повлечь за собой самые серьезные неудобства»²¹.

Настоятельные требования Александра I о лишении судов Эгейских островов права пользования российским флагом вытекали не только из взятого им после 1815 г. курса на нормализацию и улучшение русско-турецких отношений. Самодержец, в соответствии с декретированными принципами Священного союза, стремился показать Европе миролюбивый характер своей политики в отношении Османской империи.

Однако в правящей верхушке империи существовала влиятельная группировка, считавшая, что на первом месте в этой политике должно быть покровительство православному населению османского государства. К этой группировке принадлежал и Г.А. Строганов, решительный сторонник покровительства «восточным единоверцам», сохранявший относительную самостоятельность в своих действиях, не предпринял каких-либо мер с целью лишения российского флага греческих кораблей. Более того, он предпринял акцию, которая способствовала сохранению греческого флота в руках греков. Об этой тайной акции сообщают только греческие источники.

По сведениям известного греческого историка Д. Коккиноса, М.Я. Минчаки, заведующий коммерческой канцелярией посольства в Константинополе, пригласил капитанов греческих судов, находившихся в Босфоре, и по поручению посланника, «всегда бдительного» в отношении греческих интересов, объявил им, что Порты намеревается послать в Идру, Спеце и Псару драгомана капитан-паши с коварными обещаниями об освобождении их жителей от всех налогов и признании их полного равенства с турками на условии, что они поднимут на своих кораблях турецкий флаг вместо российского.

Как пишет историк, это предупреждение спасло островитян. Действительно, весной 1820 г. на Идру прибыл турецкий военный корабль с драгоманом капитан-паши на борту. Встретившись с главами общины острова, он зачитал им «золотой фирман» с соблазнительными предложениями в обмен на поднятие турецкого флага. Главы общины заявили драгоману, что они признательны султану за его чувства и обещанные льготы, но не в состоянии отблагодарить за них, «так как

²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1819. Д. 2339. Л. 16.

корабли принадлежат русским купцам и собственникам и что им в этих кораблях принадлежит лишь ничтожная доля». Такой же ответ драгоману дали и Псара, и Спеце. В результате, заключает Д. Коккинос, «к весне 1821 г. весь греческий флот оказался готовым и объединенным»²².

О том, что греческий флот в Черном и Средиземном морях плавал тогда под российским флагом, свидетельствуют и современники. Так, согласно записке от 5 ноября 1820 г. французского консула в Смирне (Измир) А. Маршеско, «ее [России. — Г. А.] флаг покрывает в этих водах очень мало ее собственных судов, но эффективно защищает всех греков, которые просят его поддержки, и не упускает никакого случая водрузить свои цвета на кораблях этой нации, старающейся воспользоваться огромными привилегиями, предоставленными Портой могущественному соседу, чью дружбу столь трудно поддерживать»²³. Эти слова французского дипломата были написаны за четыре месяца до начала Греческой революции 1821 г., в которой греческий флот, оставшийся в руках греков, сыграл огромную роль. Имеются сведения, что и после начала революции греческие корабли продолжали пользоваться российским флагом.

Под покровом российского флага греческий флот еще до революции приобрел национальную окраску. Это отразилось, в частности, в тех именах, которые давали своим судам их собственники и капитаны. На первом месте здесь стояли имена святых, среди которых особенно был популярен покровитель моряков Св. Николай. Отразился в названиях судов и культ Древней Греции, характерный для греческого общества предреволюционной поры. Среди названий судов встречались имена Фемистокла, Ахилла, Телемаха, Платона. Эти и другие великие имена вдохновляли греков в той тяжелой и неравной войне за освобождение, которую они вели в 1821–1829 гг.

²² Κόκκινου Δ. Η Ελληνική Επανάσταση. Αθήναι, 1956. Τ. 1. Σ. 67–68.

²³ Σβορώνος Ν. Η ελληνική οικονομία και κοινωνία // Νεοελληνικός Διαφωτισμός. Αφιέρωμα στον Κ.Θ. Δημαρά. Αθήνα, 1980. Σ. 390.

АЛЕКСАНДР ИПСИЛАНТИ И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИИ

Короткий жизненный путь Александра Ипсиланти был ярким и в то же время трагическим. Посвятив всю свою жизнь делу освобождения Греции, он никогда не ступал на ее землю. Родившись в Константинополе, Александр Ипсиланти умер в Вене вскоре после освобождения из заключения в Австрии, прожив всего 35 лет¹. Между двумя этими крайними вехами жизни был 14-летний период пребывания в России: участие в качестве офицера русской армии в Отечественной войне 1812 г., высокое положение в армии, большие связи при дворе и одновременно руководство деятельностью греческого тайного общества. Затем последовали короткая кампания в Дунайских княжествах и более шести лет тяжелого заключения в австрийских крепостях. Но и после того, как А. Ипсиланти навсегда покинул территорию России, его по-прежнему связывали с ней прочные узы: в России оставались его мать и другие родственники, и

—
131

¹ До сих пор не написана научная биография А. Ипсиланти. Существующие биографии руководителя Филики Этерии носят популярный характер и имеют существенные пробелы, особенно в части пребывания А. Ипсиланти в России и его взаимоотношений с русским правительством. Большую важность для изучения жизни и деятельности А. Ипсиланти представляет труд видного греческого историка, участника революции 1821–1829 гг. И. Филимона «Исторический очерк Греческой революции» (*Φιλίμωνος Ι. Δοκίμιον ιστορικόν περί της Ελληνικής Επαναστασεως*, Αθήνα, 1859–1861. Т. 1–4). В этом исследовании использовано и опубликовано много ценных документов из несохранившегося семейного архива Ипсиланти, в том числе личных документов А. Ипсиланти. В то же время изучение документов, хранящихся в российских архивах, показывает наличие ряда неточностей в документальном материале, опубликованном И. Филимоном.

сам он рассматривал свою дальнейшую судьбу как неразрывно связанную с Россией. Указанные обстоятельства жизни А. Ипсиланти объясняют наличие в российских архивах большого числа его писем. Особенно много материалов о нем имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) начиная с 1816 г., когда после смерти его отца, Константина Ипсиланти, Александр стал главой семьи. Эти материалы, в значительной мере опубликованные в 1999 г., позволяют пополнить и уточнить имеющиеся сведения о жизни и патриотической деятельности национального героя Греции, его взаимоотношениях с российским правительством².

—
132 Александр Ипсиланти родился 13 (24) декабря 1792 г. в Константинополе³. Его жизненные обстоятельства были неотделимы от перипетий политической карьеры его отца Константина Ипсиланти, принадлежавшего к одной из самых видных семей Фанара. Ловкий и умелый политик, К. Ипсиланти пользовался в последние годы XVIII и в первые годы XIX вв. большим влиянием в Османской империи, занимая важные государственные должности. В 1796–1799 гг. он служил драгоманом Порты и играл первостепенную роль в сношениях османского государства с европейскими державами. В 1799–1801 гг. К. Ипсиланти был господарем Молдавии, а в 1802–1806 гг. — господарем Валахии.

О детских годах Александра Ипсиланти, проведенных в Константинополе, Яссах и Бухаресте, почти ничего не известно. Есть основания считать, что начальное образование будущий вождь греческих патриотов получил у домашних учителей. И несомненно, что огромную роль в образовании и воспитании А. Ипсиланти сыграл его отец. К. Ипсиланти был широко образованным человеком, которого отличали широта и разнообразие интересов. Он занимался и литературным трудом, в частности, переводил древнегреческих классиков, имел большую и богатую библиотеку. В такой атмосфере формировался духовный облик юного Александра. Свое образование сын валахского господаря смог продолжить в России.

В конце XVIII — начале XIX в. резко обострился внутренний кризис Османской империи и усилилось соперничество

² См.: Arš G., Svolopoulos C. Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite (1816–1828). Thessaloniki, 1999.

³ См.: Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. СПб., 1906. С. 194.

держав, в первую очередь России и Франции, за влияние на ее политику. В это время среди значительных семей Фанара образовались группировки, ориентировавшиеся на ту или другую из этих держав. К. Ипсиланти принадлежал к прорусской группировке, и французская дипломатия делала все возможное, чтобы подорвать его положение. В августе 1806 г. К. Ипсиланти был низложен с валашского престола, и, как стало известно опальному господарю, Порта собиралась учинить расправу над ним и его семьей. Покинув Валахию, фанариотский политик в ноябре 1806 г. прибыл вместе со старшим сыном в Петербург. Отсюда, по рекомендации Александра I, он ненадолго вернулся в Дунайские княжества, чтобы в августе 1807 г. навсегда их покинуть и постоянно поселиться в Киеве⁴. А 14-летний Александр Ипсиланти в ноябре 1806 г. остался в Петербурге для получения образования.

К сыну дружественного господаря российское правительство проявило большое внимание. Он был помещен для обучения в Педагогический институт, и для содержания юного князя правительство назначило 12 тыс. рублей в год; для проживания в Петербурге ему была нанята квартира. Обучение А. Ипсиланти в Педагогическом институте — предшественнике основанного в 1819 г. Петербургского университета — продолжалось немногим более года и было прервано в связи с его поступлением на службу в русскую армию⁵. В формулярном списке А. Ипсиланти — своего рода анкете, которая заполнялась в России на каждого офицера и чиновника, — о его образовании было сказано, что он «по-русски, по-немецки, по-французски и по-молдавански читать и писать умеет и алгебры знает»⁶. Таковы были результаты домашнего воспитания юного грека и его короткого обучения в русском учебном заведении. Но на этом образование и воспитание будущего национального героя Греции не завершилось. Ему предстояло пройти трудную и славную школу русской военной службы и участия в Отечественной войне 1812 г.

⁴ Некоторые материалы о пребывании семьи Ипсиланти в России при жизни Константина Ипсиланти содержит его переписка с видным российским государственным деятелем А.А. Чарторыйским. См.: *Panaïtescu P. Corespondenta lui Constantin Ypsilanti cu guvernul ruses, 1806–1810. București, 1933.*

⁵ *Ари Г.Л. Ипсиланти в России // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 90.*

⁶ *Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8. С. 127.*

12 (24) апреля 1808 г. 15-летний Александр Ипсиланти был зачислен в чине корнета, что соответствовало чину прапорщика в пехоте, в Кавалергардский полк — самый аристократический из полков императорской гвардии. Военная служба отвечала наклонностям и складу характера молодого греческого аристократа, с детства отличавшегося большой храбростью. К. Ипсиланти писал 1 (13) сентября 1812 г. своей родственнице Р. Стурдзе об Александре, что он «обладает храбростью и горит желанием проявить ее, и я убежден, что если у него представится к этому случай, он его не упустит»⁷. Слова эти, написанные уже после начала Отечественной войны 1812 г., полностью оправдались.

134

С июля 1812 г. поручик А. Ипсиланти находился со своим эскадронам на фронте в составе корпуса П.Х. Витгенштейна и участвовал во многих сражениях с Наполеоном, проявив в них большую храбрость. Об этом свидетельствуют полученные им боевые награды: ордена Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени, прусский орден «За заслуги», золотая сабля с надписью «За храбрость». Производство в очередные чины для офицера значительно ускорилось. В июле 1813 г., уже в чине подполковника, он был переведен в Гродненский гусарский полк. В его составе А. Ипсиланти участвовал в сражении при Дрездене (14–15 (26–27) августа 1813 г.), где ему оторвало ядром правую руку.

Получив тяжелое ранение, А. Ипсиланти долго лечился: сначала в Киеве, а весной 1814 г. на чешском курорте Тёплиц (совр. Теплице). После этого он совершил поездку в Германию, а затем побывал в Вене, где в это время проходил знаменитый дипломатический конгресс.

А. Ипсиланти и после ранения остался на военной службе и продолжал успешно продвигаться по служебной лестнице. Молодость, романтическая наружность, тяжелое увечье, полученное в боях за Россию, вызывали к нему всеобщий интерес и сочувствие. 1 (13) января 1816 г. Александр I присвоил полковнику А. Ипсиланти звание флигель-адъютанта, т.е. причислил его к своей свите. Успешная карьера А. Ипсиланти, его близость к императору благоприятно сказались на положении всего его семейства.

В начале 1815 г. в Петербург прибыл К. Ипсиланти. Здесь за полтора года он смог решить все семейные проблемы. Царь согласился принять на русскую военную службу с офицерски-

⁷ Арш Г.Л. Ипсиланти... С. 91.

ми чинами его сыновей Дмитрия, Георгия и Николая. Кроме того, он добился принятия решения о значительном увеличении денежного содержания, которое семья Ипсиланти получила от русского правительства. Назначенному в Константинополь летом 1816 г. новому российскому посланнику барону Г.А. Строганову было дано указание поддержать имущественные претензии бывшего господаря к Порте.

К. Ипсиланти скоропостижно скончался в Киеве 27 июня (9 июля) 1816 г., через несколько часов после возвращения из Петербурга. Но и после смерти главы семьи она продолжала пользоваться покровительством русского правительства и лично императора. Наследники К. Ипсиланти получили из государственных имуществ сроком на 50 лет (1817–1867) в аренду несколько сел в Ямпольском и Балтском уездах Подольской губернии с годовым доходом 10117 рублей серебром⁸.

Сам А. Ипсиланти продолжал пользоваться большим расположением царя. 12 (24) декабря 1817 г., в возрасте 25 лет, он был произведен в генерал-майоры и назначен бригадным командиром в 1-ю кирасирскую дивизию. После того как А. Ипсиланти стал генералом, министр финансов Д.А. Гурьев решил, что пришла пора прекратить выплату ему того ежегодного пособия в 12 тыс. рублей, которое Александр I назначил в 1806 г. на «содержание и воспитание» малолетнего сына валашского господаря. Однако попытка министра финансов «сэкономить» на пенсии для новоиспеченного генерала из греческой эмигрантской семьи не удалась. А. Ипсиланти подал жалобу на его действия царю. В своей петиции он просил продолжить выплату этой субсидии, так как бюджет его семьи отягощен долгами и сам он живет только на свое жалованье. Получив это прошение, Александр I в августе 1818 г. отменил распоряжение Д.А. Гурьева и приказал 12 тыс. рублей А. Ипсиланти по-прежнему «производить ежегодно в виде пенсионна со дня прекращения выдачи сих денег»⁹.

Большое значение для семьи Ипсиланти имела и поддержка русского правительства в ее имущественных делах, связан-

⁸ Там же. С. 93. (Один рубль серебром в это время приблизительно равнялся четырем рублям ассигнациями.)

⁹ *Арш Г.Л.* Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982. С. 66–67.

ных с Османской империей. Как уже говорилось, Александр I предоставил наследникам К. Ипсиланти в аренду поместье с годовым доходом более 10 тыс. рублей серебром. Кроме того, семья Ипсиланти имела в Черниговской губернии и собственное поместье с 1200 крепостными крестьянами, купленное в свое время К. Ипсиланти у графа Разумовского за 380 тыс. рублей. К наследникам бывшего господаря перешла и значительная земельная собственность, приобретенная К. Ипсиланти и его отцом различными способами во время их правления в Дунайских княжествах.

В Валахии князю К. Ипсиланти принадлежали имения: Зимница, Улуица, Моисия-маре, Афумацы, Мирчешти, Албешти, в Молдавии — поместье Вранца и загородный дворец Галата близ Ясс. Все поместья К. Ипсиланти в Дунайских княжествах оценивались в 1812 г. в 77 тыс. дукатов и до русско-турецкой войны 1806–1812 гг. приносили господарю в год 6 тыс. дукатов¹⁰.

После 1812 г. Порта наложила фактический секвестр на земельную собственность семьи Ипсиланти в Дунайских княжествах, которая должна была служить залогом уплаты значительных сумм, которые К. Ипсиланти якобы остался должен османской казне. В результате доходы семьи Ипсиланти от ее имений в Дунайских княжествах существенно сократились. «Верно, — писал 16 (28) февраля 1819 г. А. Ипсиланти Г.А. Строганову, — что мы получаем ежегодно некоторый доход с этих земель, но мы получаем только то, что наши арендаторы соблаговолят нам назначить, и тем способом, который им угодно нам указать: они знают, что мы вынуждены согласиться на все в стране, в которой по ряду причин мы перестали иметь друзей». Вообще, добавлял А. Ипсиланти, если бы не покровительство генерального консула России в Дунайских княжествах А.А. Пини, их собственность там давно была бы расхищена¹¹. Хотя денежные поступления семьи Ипсиланти от собственности в Дунайских княжествах значительно уменьшились после 1812 г., в целом ее доходы от земельной собственности в двух империях — Российской и Османской — составляли значительную сумму: 129 тыс. рублей. Однако большая часть этих

¹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1812. Д. 1991. Л. 75–76. (В начале XIX в. один голландский дукат соответствовал 10–11 рублям ассигнациями.)

¹¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1816–1821. Д. 4302. Л. 192.

денег уходила на оплату долгов, оставшихся после К. Ипсиланти в России, которые превышали 500 тыс. рублей¹².

Большие имущественные претензии предъявляли бывшему валашскому господарю его родственники Мано, жившие в Константинополе. Сестра К. Ипсиланти Ралу требовала от своего брата и его семьи возмещения более 300 тыс. пиастров, внесенных ее мужем Александром Мано, агентом валашского господаря в Константинополе, в его пользу оттоманской казне. Кроме того, Ралу Мано претендовала на поместье Зимница в Валахии, которое, по ее утверждению, принадлежало ей из наследства отца. По смерти в 1818 г. Р. Мано эти претензии к семье Ипсиланти поддерживали ее сыновья Иоанн и Георгий¹³. Основные надежды на освобождении от долговой кабалы семья Ипсиланти связывала с удовлетворением ее имущественных претензий к Порте. Неизвестная до этого переписка А. Ипсиланти с посланником Г.А. Строгановым, а также другие документы АВПРИ позволяют уточнить характер этих претензий и ход посвященных им русско-турецких переговоров.

В октябре 1817 г. Строганов предложил Порте приступить к переговорам о претензиях к ней российских подданных, в том числе семьи Ипсиланти, изложенных в свое время самим К. Ипсиланти в его записках русскому правительству. В эти претензии входил возврат суммы в 1 520 275 пиастров, которую господарь, по его утверждению, должен был заплатить Блистательной Порте по ее требованиям сверх тех обязательных платежей, которые ему полагалось платить в соответствии с султанскими указами и договорами. Было предъявлено также требование возвращения имущества, принадлежавшего жене К. Ипсиланти и конфискованного Портой в 1806 г. В это имущество входил дом в Терапии, в окрестностях Константинополя, с земельным участком и виноградником, который Порта передала французскому посольству, а также другой дом в самом городе, в Фанаре. К. Ипсиланти требовал также возвращения в натуре или возмещения стоимости конфискованного имущества его отца, казненного Портой после бегства валашского господаря в Россию, и отмены секвестра Порты на собственность его семьи в Молдавии и Валахии¹⁴.

¹² Арш Г.Л. Материалы... С. 66.

¹³ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. Оп. 540. 1812. Д. 36. Л. 1; Ф. Претензии разных лиц к Оттоманской Порте. Д. 124. Л. 39.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1817. Д. 2316. Л. 113–114; Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1821. Д. 3462. Л. 16–17 (в 20-х годах XIX в. 1 пиастр был равен 60–70 коп.).

Переговоры российского посольства в Константинополе с Портой об имущественных претензиях семьи Ипсиланти шли весьма туго. Их итоги к началу 1821 г. подвел в своем отчете М.Я. Минчаки, российский представитель в смешанной комиссии, созданной для рассмотрения этого вопроса¹⁵.

Единственное, чего удалось добиться М.Я. Минчаки, — это признание прав Е. Ипсиланти на принадлежавший ей дом в Терапии вместе с виноградником и земельным участком. После того как российский дипломат представил османскому комиссару соответствующие турецкие юридические акты, тот должен был признать законность требования о возвращении этого имущества в натуре или эквивалентной денежной форме после произведения оценки его стоимости. Однако начавшееся через полтора месяца греческое освободительное восстание, возглавленное А. Ипсиланти, помешало довести это дело до конца.

Таким образом, продолжавшиеся более трех лет русско-турецкие переговоры об имущественных претензиях семьи Ипсиланти к Порте не дали каких-либо реальных результатов*. Переписка А. Ипсиланти с Г.А. Строгановым носила деловой характер и касалась имущественной стороны жизни семьи.

К сожалению, о частной жизни выдающегося греческого патриота в России — его интересах, занятиях, друзьях, — известно очень мало. Определенный свет на эту сторону жизни А. Ипсиланти проливают два его письма к П.Д. Киселеву, относящиеся в 1818–1820 гг.¹⁷ Дружеский круг общения А. Ипсиланти в России после Отечественной войны 1812 г. составляли главным образом русские офицеры, отличившиеся, как и он, в войне и рано получившие генеральские чины. Упомянем прежде всего братьев А.Ф. и М.Ф. Орловых. М.Ф. Орлов с 1817 г. являлся начальником штаба 4-го пехотного корпуса, находившегося в Киеве, где жила и семья Ипсиланти. Адресат же писем А. Ипсиланти — генерал-майор (впоследствии генерал от инфантерии) П.Д. Киселев — был, как и его греческий друг, флигель-адъютантом Александра I, а с 1819 г. слу-

* Утверждение И. Филимона¹⁶, что Порта в конце концов признала свое обязательство возместить семье Ипсиланти 2 млн пиастров, не соответствует действительности.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Претензии разных лиц в Оттоманской Порте. Оп. 702. 1801–1833. Д. 124. Л. 201–205.

¹⁶ Φιλίμωνος Ι. Ε. α. Τ. 1. Σ. 100.

¹⁷ РГИА. Ф. 958. Оп. I. Д. 236. Л. 1–2.

жил начальником штаба 2-й армии. А. Ипсиланти и его русских друзей, прошедших через тяжелую войну и уцелевших в ней, привлекали все радости бытия, интересовали все его разнообразные проявления. Это видно и по данным письмам А. Ипсиланти, где речь идет и о политике, и о литературе, и о любовных увлечениях его друзей. Сам Ипсиланти серьезно увлекался литературой, писал стихи. О его литературных интересах и вкусах говорит критический отзыв в одном из его писем Киселеву о витиеватости стиля французских писателей де Сталь и Шатобриана.

Последние годы пребывания А. Ипсиланти в России, перед началом Греческой революции 1821 г., совпали с подъемом общественного движения, направленного против феодально-монархического строя. Оппозиционные настроения охватили часть русского офицерства, главным образом из военных состояли возникшие уже тайные декабристские организации. Из известных нам русских друзей А. Ипсиланти все (кроме А.Ф. Орлова, в будущем одного из столпов николаевского режима) выступали в той или иной форме за проведение в России общественных преобразований. М.Ф. Орлов — видный декабрист, с 1818 г. член декабристского Союза благоденствия, позднее — руководитель кишиневской организации декабристов. П.Д. Киселев, хотя и не был связан с декабристами, был тем не менее противником крепостничества. В 1816 г. он представил Александру I записку о постепенном освобождении крестьян от крепостной зависимости. Позднее, будучи министром Николая I, он провел реформу управления государственными крестьянами, которая должна была подготовить постепенную отмену крепостного права¹⁸. Входивший также в дружеский круг А. Ипсиланти Денис Давыдов хотя и не принадлежал к декабристскому движению, но относился весьма критически к тогдашней российской действительности и, несомненно, был человеком свободомыслящим. В своем письме П.Д. Киселеву от 31 марта (12 апреля) 1818 г. А. Ипсиланти сочувственно цитирует ироническое высказывание Дениса Давыдова об известной проповеднице религиозного мистицизма баронессе Крюднер, пользовавшейся большим влиянием на Александра I. Все эти вольные разговоры велись на вечере в одном киевском доме, хозяина которого А. Ипсиланти обозначает латинскими

¹⁸ См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселева. М.; Л., 1946–1958. Т. 1–2.

буквами «G.R.»*. Речь здесь, несомненно, идет о прославленном герое Отечественной войны 1812 г. генерале Н.Н. Раевском, командире 4-го пехотного корпуса. Для молодого поколения этой семьи были характерны свободолюбивые настроения: два сына генерала Раевского привлекались к следствию по делу декабристов, а дочери его были замужем за декабристами С.Г. Волконским и М.Ф. Орловым. Следует отметить, что между семьями Ипсиланти и Раевского существовали дружеские отношения. Об этом свидетельствует тот факт, что братья Александра Ипсиланти Дмитрий и Николай по их желанию служили адъютантами генерала Н.Н. Раевского.

—
140 Живя в русской офицерской среде, где сильны были свободолюбивые настроения, и дыша ее воздухом, Александр Ипсиланти и его братья восприняли, несомненно, и некоторые прогрессивные общественно-политические воззрения этой среды. Недаром, как вспоминал позднее сам А. Ипсиланти, ему предлагали вступить в одну из тайных декабристских организаций¹⁹. Однако он не принял этого предложения: как и его друзья-декабристы, он готов был пожертвовать карьерой, состоянием, если необходимо — и самой жизнью, но ради другого дела, не менее благородного и святого: дела освобождения Греции от тяжкого иноземного рабства.

Любовь к Греции, которую он считал своей настоящей родиной, А. Ипсиланти впитал с детства. Как пишет биограф будущего борца за независимость Греции, его патриотические чувства питали частые посещения родительского дома в Киеве, «изучение греческой истории и переписки отца», а также сознание принадлежности к знаменитому роду, корни которого уходили в византийские времена²⁰. Влияние К. Ипсиланти, который в последние годы своей жизни из фанариотского политика превратился в убежденного греческого патриота²¹, на формирование патриотического мировоззрения его сына было огромным. И неслучайно свое решение возглавить национально-освободительное восстание греков А. Ипсиланти объяснял позднее в письме Александру I желанием выполнить последнюю волю покойного отца.

* Письма А. Ипсиланти российским адресатам написаны по-французски.

¹⁹ *Thürheim L. Mein Leben. München, 1914. Bd. IV. S. 205.*

²⁰ *Φιλήμονος Ι. Ε. α. Τ. 2. Σ. 75.*

²¹ Подробнее см.: *Арш Г.Л. Ипсиланти... С. 92–93.*

Большое влияние на выбор А. Ипсиланти своего жизненного пути оказала встреча еще в довоенные годы в Петербурге со своим выдающимся соотечественником Иоанном Каподистрией. Бывший государственный секретарь Ионической республики в 1809 г. поступил на российскую дипломатическую службу. Два греческих патриота — гвардейский офицер и дипломат, — встречаясь в доме родственницы А. Ипсиланти Р. Стурдзы, нередко обращались к судьбам Греции. «Надежда, что греческий народ некогда будет свободен, являлась нам радужным сном», — вспоминала об этих беседах Р. Стурдза (Эдлинг)²².

После окончания наполеоновских войн А. Ипсиланти все чаще приходила в голову мысль посвятить оставшуюся часть жизни делу освобождения Греции. Его друг, французский дипломат де Лагард, встречавшийся с А. Ипсиланти в Вене весной 1815 г. во время работы европейского конгресса, позднее вспоминал сказанные тогда слова последнего, что настал момент перейти от слов к делу и что он будет трудиться ради того, чтобы разбить цепи Эллады и вернуть ей то место, которое она некогда занимала среди народов²³. Но А. Ипсиланти предстояло еще найти свое место в рядах греческого национально-освободительного движения. С детских лет сын господаря знал историю жизни и мученической смерти его основоположника Ригаса Велестинлиса, восхищался его пламенным «Военным гимном». После трагической гибели этого поэта и революционера центром притяжения всех греческих патриотов стала тайная национально-освободительная организация Филики Этерия. Основанная в 1814 г. в Одессе, она к 1819 г. распространила свою сеть на Грецию и греческие зарубежные колонии. В начале 1819 г. в Филики Этерию вступил Николай Ипсиланти, а вслед за ним и его братья Дмитрий и Георгий. Александр же, с 1817 г. знавший о существовании тайного общества, воздержался от вступления в него. Вполне осознавая свое общественное положение и обладая нормальным честолюбием, молодой греческий аристократ не мог согласиться на роль рядового члена организации, которому полагалось послушно исполнять приказы его строго засекреченного верховного органа — Архи.

²² Из записок графини Эдлинг // Русский архив. М., 1887. Кн. I. № 2. С. 206.

²³ *La Garde A. Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. Bruxelles, 1843. V. III. P. 226–227.*

Неосуществленное стремление активно действовать ради освобождения Греции отрицательно влияло на душевное состояние Александра Ипсиланти. Сказывалась и неудовлетворенность характером своих служебных обязанностей в 1-й кирасирской дивизии, расквартированной в северо-западных губерниях России, вдали от крупных городов. Прибыв в Петербург в начале 1820 г. или в конце 1819 г., он в письме П.Д. Киселеву от 2 (14) февраля 1820 г. жаловался на угнетающую его тоску и плохое состояние здоровья. Из письма явствовало также, что А. Ипсиланти собирался через два месяца выехать из Петербурга в Киев²⁴. Однако через два месяца в Петербурге произошло событие, изменившее планы А. Ипсиланти и определившее его дальнейшую судьбу.

По мере того, как Филики Этерия расширяла свою деятельность, она наталкивалась на все более серьезные трудности и препятствия. Большую опасность для самого существования тайной организации представлял назревавший кризис руководства. Он был вызван проявившимся уже недоверием верхов греческого общества к руководителям Филики Этерии, главным образом заграничным греческим купцам, не имевшим сколько-нибудь значительного влияния и авторитета в Греции. В этой обстановке руководящий комитет Филики Этерии решил привлечь к руководству обществом какого-либо авторитетного греческого деятеля, связанного с Россией, на помощь которой в деле освобождения греческий народ издавна возлагал большие надежды. Естественно, что взоры руководителей этеристов обратились к И. Каподистрии, ставшему в 1815 г. статс-секретарем Министерства иностранных дел России и доверенным советником Александра I. Для переговоров с этим деятелем, пользовавшимся огромным авторитетом во всем греческом мире, в Петербург в январе 1820 г. прибыл член Архи Э. Ксантос. Однако Каподистрия, считавший вооруженное освободительное восстание преждевременным и относившийся отрицательно к тайным обществам, отклонил предложение этеристской организации.

Тогда этеристский комиссар решил обратиться к А. Ипсиланти. В установлении контактов с генералом помощь ему оказал двоюродный брат А. Ипсиланти этерист И. Мано, прибывший в Петербург для разрешения имущественного спора между семьями Ипсиланти и Мано. А. Ипсиланти с энтузиазмом и без

²⁴ РГИА. Ф. 958. Оп. I. Д. 236. Л. 2.

колебаний согласился связать свою судьбу с тайным обществом. 12 (24) апреля 1820 г. в Петербурге был подписан официальный акт о принятии Александром Ипсиланти верховного руководства Филики Этерией в качестве «генерального инспектора»²⁵.

Можно без преувеличения сказать, что принятие А. Ипсиланти руководства Филики Этерией имело решающее значение для успеха ее деятельности. Грекам очень немного было известно о нем, однако они знали, что он имеет чин генерала русской армии, служил адъютантом царя и пользуется его большим расположением. Это создавало видимость того, что деятельность тайного общества и его руководящего комитета — Архи — поддерживается и поощряется петербургским двором. В результате авторитет Архи, уполномоченным которого выступал А. Ипсиланти, был восстановлен, а вокруг Филики Этерии и ее целей объединились различные слои греческого общества. В своей неопубликованной записке о Греческой революции, написанной в 1822 г., известный деятель национального движения митрополит Игнатий отмечал, что принятие А. Ипсиланти руководства тайным обществом не только покончило со всеми сомнениями его членов, но и привело к увеличению их числа «из людей видных классов и уверило их, что этот пресловутый комитет [Архи. — Г. А.] существовал в России под покровительством его величества императора Александра»²⁶. В действительности царское правительство, нисколько не заинтересованное в тот период в каких-либо освободительных выступлениях на Балканах, никак не было связано с греческим тайным обществом и не поощряло его деятельность²⁷. Однако убеждение, что единоверная Россия военной рукой поддержит борьбу греков за освобождение, основанное на традициях многовековых русско-греческих связей, глубоко укоренилось в общественном сознании греков, и принятие русским генералом А. Ипсиланти руководства Филики Этерией еще более укрепило это убеждение или, точнее говоря, веру.

После того как А. Ипсиланти принял на себя руководство греческим патриотическим обществом, его планы, о которых

²⁵ Текст его см.: *Φιλῆμωνος Ι. Ε. α. Τ. 1. Σ. 33.*

²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1822. Д. 4903. Л. 20.

²⁷ Подробнее см.: *Архи Г.Л. Русское правительство и Филики Этерия в 1820–1821 гг. // Etudes balkaniques. Sofia, 1969. № 1; Он же. Греческий вопрос во внешней политике России (1814–1820) // История СССР. 1978. № 3.*

он в свое время известил П.Д. Киселева, изменились. Пробыв в Петербурге до конца июня 1820 г., А. Ипсиланти, чтобы полностью посвятить себя делам Филики Этерии, взял отпуск для поездки за границу на минеральные воды, мотивировав его открытием раны, которая действительно доставляла ему большие страдания. Выехав из столицы, он проехал через Москву, Киев, Одессу и в середине октября 1820 г. прибыл в Кишинев. По дороге он проводил сбор средств в греческих общинах России на освободительное восстание, встречался с прибывшими из Греции видными этеристами, посылал греческим военачальникам инструкции о подготовке к вооруженному выступлению. Вся эта кипучая деятельность велась в глубокой тайне от российских властей и стала известна лишь 40 лет спустя из опубликованных И. Филимоном материалов из архива Ипсиланти. Однако изменившееся настроение А. Ипсиланти после принятия им руководства тайным обществом почувствовал, хотя и не зная его причины, российский посланник в Константинополе Г.А. Строганов.

Особого внимания заслуживает письмо А. Ипсиланти Г.А. Строганову от 20 ноября (2 декабря) 1820 г. по вопросу об имущественных претензиях его семьи к Порте. Своим содержанием и тоном письмо это значительно отличалось от предыдущих писем А. Ипсиланти посланнику на эту же тему. Помимо конкретных предложений о решении этого имущественного спора А. Ипсиланти дает весьма резкую оценку системе правления Порты в Дунайских княжествах и вообще этому правительству, которое «убивает, грабит, все присваивает». В письме явственно чувствуются те личные мотивы, которые побудили потомка знатных фанариотов стать на путь решительной борьбы против оттоманского государства. С возмущением он пишет о жестоком преследовании со стороны Порты, жертвой которого стало его семейство. По словам А. Ипсиланти, после того как казнили деда и ограбили сына, это преследование уже «распространилось на третье поколение, обрекая на нужду маленьких детей»²⁸. «Личный счет» к Порте, который имелся у Александра Ипсиланти и его братьев, помогает понять ту решительность, твердость и самоотверженность, которую все они проявили в борьбе за национальное освобождение.

²⁸ АВПРИ. Ф. Претензии разных лиц к Оттоманской Порте. Оп. 702. 1801–1833. Д. 124. Л. 125–126.

Резкий, требовательный тон письма А. Ипсиланти от 20 ноября (2 декабря) 1820 г. не мог не обратить на себя внимания Г.А. Строганова. Посланник почувствовал в нем и скрытый упрек в том, что он не очень энергично защищает интересы семейства Ипсиланти и недостаточно тверд в отношениях с Портой. Хотя в своем ответном письме А. Ипсиланти от 16 (28) декабря 1820 г. он игнорировал этот упрек²⁹, посланник не мог скрыть своей обиды и раздражения в частном письме И. Каподистрии от 14 (26) декабря 1820 г. «Если бы князь Александр Ипсиланти, — писал Г.А. Строганов, — мог представить себе все то беспокойство, которое доставляют мне его дела, он не написал бы мне письма, способного меня оскорбить...» «Ипсиланти, — продолжал посланник, — потерял руку на службе императора; хочу надеяться, что если его собственные дела не заставят его потерять голову, то он придет к заключению считать меня не таким уж адвокатом турок, как он это полагает, когда он получит результат моих хлопот и моей настойчивости»³⁰.

Однако А. Ипсиланти не довелось познать результаты этих усилий российского посланника по урегулированию его имущественных дел: через два с небольшим месяца началось возглавленное им вооруженное восстание греков против оттоманского владычества.

Вечером 22 февраля (6 марта) 1821 г. Александр Ипсиланти вместе с братьями Георгием и Николаем прибыл в Яссы, столицу Молдавии. На следующий день молдавский господарь М. Суццо сообщил Г.А. Строганову, что, вступив в город, А. Ипсиланти объявил: «Прибыл он для того, чтобы, будучи сам греком, избавить греческую нацию от ига оттоманов и завоевать ее свободу посредством оружия этой самой нации, собравшейся воедино во всех частях турецкого господства»³¹. В Яссах, где господарская стража находилась под командованием людей Филики Этерии, в тот же день произошло нападение на местных турок. За два дня до этого подобные события имели место и в Галаце.

26 февраля (10 марта) 1821 г. в Яссах, в церкви Трех Святителей, состоялось торжественное богослужение и освящение греческих знамен. Александр Ипсиланти, его братья и все воины поклялись на иконе Христа не вкладывать свои сабли в

²⁹ Там же. Л. 302.

³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1821. Д. 2333. Л. 357.

³¹ Там же. Л. 302.

ножны до тех пор, пока Греция не станет свободной. До начала этой торжественной церемонии провозглашения греческой революции глава Филики Этерии отправил письма и обращения представителям правительства России, видным греческим деятелям, своим друзьям и единомышленникам. Эти важные документы, оказавшиеся в копиях в архиве российского посольства в Константинополе³² и по большей части неопубликованные, позволяют дать достоверное объяснение мотивам действий и планам начавшегося в Молдавии национально-освободительного восстания греков и роли России в этом событии. Остановимся подробнее на этих вопросах.

—
146 Как известно, Филики Этерия намеревалась сделать основным центром восстания Пелопоннес, где борьбу должен был возглавить лично А. Ипсиланти. Поэтому решения вождя Филики Этерии начать борьбу за освобождение Греции на территории Молдавии стало неожиданностью даже для некоторых его ближайших сподвижников. Сам А. Ипсиланти объяснял свое решение тем, что планы этеристов были раскрыты Портой, и это сделало невозможным его приезд в Грецию, а дальнейшее промедление с началом восстания могло иметь губительные последствия для всего греческого дела. В письме И. Каподистрии от 24 февраля (8 марта) 1821 г. он писал: «Вся нация могла бы погибнуть, если бы я не решился начать. Мои приметы были даны во все части Греции, и меня подстерегали как на Адриатике, так и на Черном море и в Архипелаге. Вот причины, вынудившие меня начать в этой стране»³³.

Следует сказать, что сведения, полученные А. Ипсиланти о раскрытии его планов Портой, которая готовится подавить в зародыше освободительное выступление греков, соответствовали действительности. С конца 1820 г. Порта с разных сторон начала получать сведения о подготовке греками восстания, а в самый канун выступления А. Ипсиланти произошло трагическое и опасное для Филики Этерии происшествие: был схвачен (по-видимому, в начале февраля 1821 г. при переправе

³² См. подробнее: *Ари Г.Л., Пятигорский Г.М.* Некоторые вопросы истории Филики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. Вып. 11: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.) М., 1989. С. 37–38.

³³ *Ари Г.Л.* Иоанн в России (1809–1822). Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. С. 307.

через Дунай) видный этерист А. Паппас, которого руководитель тайного общества отправил к вождю сербов Милошу Обреновичу с предложениями о сотрудничестве между греками и сербами в освободительной борьбе. Из захваченных у этеристского эмиссара документов Порты получила информацию о готовящемся против нее восстании. 27 февраля (11 марта) 1821 г. близкий к оттоманскому правительству человек сообщил Г.А. Строганову, что «Портою открыт обширный заговор с целью всеобщего восстания христианских подданных Оттоманской империи и возрождения Греции». За несколько дней до этого оттоманские министры поставили в известность о перехваченных письмах Ипсиланти к Обреновичу и сербскую делегацию, находившуюся тогда в Константинополе³⁴.

В этой обстановке А. Ипсиланти, находясь в Кишиневе, менее чем в ста километрах от границы Оттоманской империи, решил, что у него нет другого выхода, как начать свое восстание в Молдавии. Разумеется, он начал здесь действовать не на пустом месте: Филики Этерия ранее вовлекла в свое движение командиров господарской стражи Валахии и Молдавии, сотрудничавших с вождем начавшегося в январе 1821 г. в Валахии крестьянского восстания Тудором Владимиреску. Но подчеркнем, что решение зажечь огонь восстания не в Пелопоннесе, а в Молдавии было не результатом свободного выбора, как считают некоторые историки³⁵, а решением вынужденным.

Не вызывает сомнения, что А. Ипсиланти намеревался с армией, сформированной в Молдавии, пройти как можно быстрее через княжества, пересечь Дунай и пробиться с боем к Греции — главной цели и главному театру борьбы за освобождение. О его плане освободительной борьбы свидетельствуют письма, которые он направил из Ясс своим единомышленникам.

В своем письме этеристскому эмиссару Х. Перревосу, находившемуся в Греции, он сообщал: «Я спешу пересечь эти провинции для того, чтобы прибыть на землю Греции и соединиться со всеми теми, кто готовится свернуть ужасное иго, которое их гнетет»³⁶.

³⁴ Арш Г.Л., Пятигорский Г.М. Некоторые вопросы..., с. 35.

³⁵ См., например: *Dakin D.* The unification of Greece, 1770–1923. L., 1972. P. 37; *Jelavich Ch. and Jelavich B.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Seattle and London, 1977. P. 40–41.

³⁶ Копии писем А. Ипсиланти из Ясс от 22–23 февраля (6–7 марта) 1821 г. см.: *Arš G., Svolopoulos C.* Alexandre Ypsilanti... P. 70–75.

А. Ипсиланти рассчитывал, что его выступление в Яссах послужит сигналом ко всеобщему восстанию в Греции, центром которого станет Пелопоннес. В его обращении к эфорам Патр — руководящему ядру этеристов Пелопоннеса — говорилось: «Призовите в помощь Бога и смело беритесь за оружие против тиранов. Обратитесь с призывом ко всем нашим храбрым соотечественникам, которые находятся в Пелопоннесе, воодушевите их своим собственным примером».

А. Ипсиланти направил также обращение к этеристам Константинополя. Он призывал их немедленно начать вооруженное выступление в столице империи в соответствии с ранее разработанным им планом. Этеристы Константинополя вместе с командами стоявших здесь на рейде греческих судов должны были завладеть арсеналом, захватить самого султана и водрузить христианское знамя над храмом Св. Софии.

Таким образом, план освободительного восстания, намеченный А. Ипсиланти, выходил за чисто национальные рамки. Он содержал идеологические моменты, восходившие к предыдущей эпохе, когда борьба за освобождение поработенных оттоманами народов имела форму противоборства креста полумесяцу. Существование подобных настроений у А. Ипсиланти подтверждают и направленные им одновременно обращения к некоторым высшим иерархам греческой церкви. В письме к иерусалимскому патриарху Поликарпу А. Ипсиланти, напоминая о том, что завоеватели стремились уничтожить православную религию, призывал одного из духовных руководителей православного мира внушать «сынам вашей церкви рвение к вере и свободе». «Ваши проповеди против общего врага, — говорилось в его послании, — прозвучат для соотечественников, дальних и близких, подобно звонкой трубе, страшной для нашего трусливого врага». Подобные же послания вождь этеристов направил константинопольскому патриарху Григорию V и митрополиту Деркон (Фракия) Григорию.

Стремление А. Ипсиланти использовать духовный авторитет православной церкви, чтобы повлиять на умы верующих и побудить их активно участвовать в борьбе за освобождение, естественно. Но руководитель Филики Этерии не учитывал, что высшие структуры православной церкви в Османской империи зависели от Порты и находились под ее контролем. Характерно, что все три представителя высшего духовенства, к которым обратился А. Ипсиланти, поставили подписи под окружным посланием, которым Константинопольская патри-

архия по требованию Порты предала анафеме А. Ипсиланти и М. Суццо. Однако такая покорность воле Порты не спасла патриарха Григория V и митрополита Деркон Григория от жестокой казни, жертвами которой они вскоре стали.

Учитывая эту позицию константинопольской церкви, а также то, что в столице были сосредоточены отборные вооруженные силы империи, греки же составляли хотя и значительную, но меньшую часть ее населения, замысел А. Ипсиланти поднять восстание в Константинополе выглядит явной авантюрой.

Знало ли царское правительство о том, что А. Ипсиланти готовит освободительное выступление? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ, хотя в литературе есть и другое мнение на этот счет³⁷. Этот ответ основывается не только на общем направлении политики петербургского кабинета в тот период, о чем говорилось выше, но и на конкретных свидетельствах, относившихся непосредственно к выступлению Ипсиланти. К числу наиболее важных свидетельств относится письмо самого А. Ипсиланти от 24 февраля (6 марта) 1821 г. Александру I. Письмо это хорошо известно с тех пор, как австрийский историк А. Прокеш-Остен опубликовал копию его французского текста³⁸, оригинал которого хранится в Архиве внешней политики Российской империи³⁹. В письме греческий патриот, носивший форму российского генерала, извещал о своем решении встать во главе освободительного восстания, подготовленного тайным греческим обществом; А. Ипсиланти также призывал российского монарха стать «освободителем Греции». В письме нет даже намек на то, что планы главы тайного общества были заранее известны императору и получили его одобрение — в противном случае в этом письме вообще не было бы смысла.

Для Александра I действия его бывшего адъютанта стали полной неожиданностью и сразу вызвали его резкое осуждение. Об этом свидетельствует первая неофициальная реакция самодержца на письмо А. Ипсиланти, полученное им в Лайбахе на конгрессе Священного Союза 7 (19) марта 1821 г.

³⁷ См., например: *Oteteta A. L'Hétairie d'il y a cent cinquante ans // Balkan Studies. 1965. V. 6. № 2.*

³⁸ *Prokesh-Osten A. Geschichte des Abfalls der Griechen von Türkische Reiche. Wien, 1867. Bd. 3. S. 61–62.*

³⁹ Публикацию оригинала письма см.: *Arš G., Svolopoulos C. Alexandre Ypsilanti... P. 76–77.* Русский перевод письма см.: Приложение III.

10 (22) марта 1821 г. царь сообщал в частном письме своему доверенному корреспонденту, министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну: «Мы только что получили известие, что князь Ипсиланти, тот самый, у которого оторвана левая рука и кому я предоставил около года назад отпуск для лечения раны, которая открывается, внезапно появился в Яссах и заявил государю, что он был призван греками Эпира и Мореи, своими соотечественниками, чтобы освободить их от владычества Порты, и что он собирается встать во главе их». В том же письме Александр I выразил резко отрицательное отношение к действиям А. Ипсиланти, вставшего во главе восстания, которое организовало тайное общество. Император высказал свою навязчивую идею, что все такие общества примыкают к некоему центральному комитету, находящемуся в Париже, и что сама акция Ипсиланти являлась диверсией, предпринятой им по внушению указанного комитета, чтобы спасти революцию в Неаполе, которую готовились подавить державы Священного Союза⁴⁰.

И по другим письмам А. Ипсиланти из Ясс, адресованным его друзьям и единомышленникам, также можно вполне определенно судить о том, что свою освободительную акцию руководитель Филики Этерии начал без какого-либо ведома и согласования с царским правительством и не имел каких-либо оснований рассчитывать на его поддержку.

В то же время в своих публичных обращениях вождь восстания давал понять, что Россия готова оказать помощь повстанцам. Так, в его известной печатной прокламации к греческому народу «В бой за веру и отечество» от 24 февраля (8 марта) 1821 г. имелась фраза: «Поднимайтесь друзья, и вы увидите, как могущественная сила защитит наши права»⁴¹. (Следует сказать, что в греческом оригинале утверждение А. Ипсиланти о помощи повстанцам со стороны России звучало более определенно, так как греческое слово «δύναμις» означает не только «сила», но и «держава».)

О том, что его акция пользуется поддержкой правительства и лично императора, А. Ипсиланти довольно определенно да-

⁴⁰ Николай Михайлович (Романов), вел. князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1. С. 558.

⁴¹ Βρανούσης Λ., Καμαριανός Ν. Αφανίστου Σοδύλου. Η Εταρεία των Φιλικών και τα πρώτα συμβάντα του 1821. Αθήνα, 1964. Σ. 25. Русский перевод воззвания см.: Русский архив. М., 1868. С. 294–297.

вал понять и при сношениях в первые дни восстания с представителями российской власти на местах. Но если публичные заявления такого рода были призваны поднять дух греков, опираясь на их традиционные надежды на помощь России в деле национального освобождения, то подобные утверждения при контактах с российским и властями имели вполне прагматическую направленность — обеспечить беспрепятственное развитие начатого в Дунайских княжествах греческого освободительного восстания хотя бы на его первом этапе.

Успех первых шагов А. Ипсиланти во многом зависел и от реакции российских дипломатов в Османской империи. Следует иметь в виду, что Дунайские княжества — арена освободительных действий А. Ипсиланти — имели автономный статус и находились под особым покровительством России. Учитывая это, вождь восстания в своих сношениях с российским дипломатом старался дать понять, что он действует в княжествах с санкции петербургского комитета. Такой намек довольно прозрачен в его письме Г.А. Строганову от 23 февраля (7 марта) 1821 г.⁴², а в письме генеральному консулу России в Дунайских княжествах А.А. Пини от того же числа А. Ипсиланти уже прямо дает ему инструкции и подчеркивает, что, выполняя их, «Вы тем самым будете действовать в интересах России»⁴³. Эти «коварные» действия главы греческих революционеров, объяснявшиеся теми условиями, в которых началось его выступление, достигли своей цели. При появлении А. Ипсиланти в Яссах местный российский консул А.Н. Пизани не только не арестовал его, не передал властям Бессарабии и даже не заявил какого-либо протеста против его действий (как он должен был поступить по мнению Г.А. Строганова⁴⁴), но по его поручению срочно отправил пакет в Константинополь на имя российского посланника.

На юге же России этеристы могли по крайней мере еще целый месяц после начала восстания действовать беспрепятственно и отправлять добровольцев в повстанческую армию Ипсиланти. Конечно, такая благоприятная для греческих борцов за освобождение обстановка сложилась и благодаря тому, что некоторые русские официальные лица испытывали

⁴² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1821. Д. 2563. Л. 1.

⁴³ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. Оп. 540. 1820. Д. 315. Л. 143.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1821. Д. 2333. Л. 346.

определенные иллюзии относительно реакции Александра I на события в Молдавии. Иллюзии эти рассеялись, когда стал известнее ответ императора его бывшему адъютанту и соответствующие инструкции, посланные из Лайбаха гражданским и военным властям России.

Помимо того, Александр I потребовал от новороссийского генерал-губернатора А.Ф. Ланжерона и наместника Бессарабии И.Н. Инзова объяснений в связи с тем, что они допустили беспрепятственную подготовку А. Ипсиланти восстания на территории России. В своем объяснении Ланжерон признался, что он знал об освободительных намерениях А. Ипсиланти, но что тогда речь не шла о каких-либо конкретных акциях. «Г-н князь Александр Ипсиланти, — писал Ланжерон, — так же как и князь Георгий Кантакузен*, провели здесь прошлое лето, и я часто встречался с ними; и они много говорили мне о своем желании увидеть возрождение былой Греции. Но тогда ни я, ни оба князя не считали столь близким взрыв, который определенные обстоятельства, вне сомнения, ускорили»⁴⁵.

Инзов же объяснял свое бездействие тем, что А. Ипсиланти готовил восстание в полной тайне, даже от своих родных. Он, по словам Инзова, «избегая всяких разговоров о делах политических, ни одним словом не подал никогда ни малейшего подозрения относительно того, чтобы он брал какое-либо в них участие»⁴⁶.

А. Ипсиланти, выйдя из Ясс и пройдя Молдавию и Валахию, 27 марта (8 апреля) 1821 г. подошел к Бухаресту и остановился в его предместье Колентина. К этому времени его войско, частично пополнившееся за счет учащейся греческой молодежи из России, насчитывало около 3000 человек. В Колентине командующий повстанческой армией получил ответ на свое письмо Александру I, написанное по поручению царя И. Каподистрией 14 (26) марта 1821 г. Восстание, начатое А. Ипсиланти, осуждалось. Глава Филики Этерии обвинялся в том, что он обманул своих соотечественников, обещав им помощь России. Император, говорилось в письме, не окажет Ипсиланти никакой поддержки, «так как было бы недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества».

* Г.М. Кантакузен, отставной полковник, видный этерист.

⁴⁵ Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 261.

⁴⁶ Там же. С. 295.

В письме содержался и адресованный А. Ипсиланти упрек личного порядка в том, что он напал на Порту в тот самый момент, когда в результате переговоров российского посольства в Константинополе «претензии Вашей семьи должны были быть удовлетворены, когда султан, как Вы знаете, собирался полностью восстановить справедливость в отношении Вас*». Распоряжением Александра I А. Ипсиланти и его братья исключались из императорской службы, а самому А. Ипсиланти запрещалось возвращение в Россию**. Однако княгиня Ипсиланти, говорилось в письме, по-прежнему будет пользоваться покровительством императора.

Несмотря на безоговорочное осуждения выступления А. Ипсиланти, в ответе Александра I на его обращение присутствовали некоторые моменты, дававшие надежду на начало диалога с восставшими греками. В частности, говорилось о готовности императора – в случае, если сам Ипсиланти укажет способ «прекратить беспорядки», — «вмешаться перед турецким правительством, для того чтобы побудить его принять разумные меры, которые могли бы восстановить в Молдавии и Валахии спокойствие, в котором эти страны испытывают столь настоятельно необходимость»⁴⁷.

Указанные положения в ответе петербургского кабинета на обращение вождя греческих повстанцев имели для последнего огромное значение. В это время для А. Ипсиланти стала очевидной невозможность осуществления его первоначального плана, предусматривавшего форсирование Дуная и переход через Балканы в Грецию: повстанческая армия была слабой, надежд на получение содействия в Болгарии и Сербии было мало, а между тем турки успели подтянуть к южной стороне Дуная значительные силы. В создавшемся трудном для него положении руководитель восстания решил воспользоваться предложением российского правительства

* Это утверждение не соответствует фактическим итогам переговоров об имущественных претензиях семьи Ипсиланти к Порте (см. выше).

** Позднее это запрещение было распространено и на братьев А. Ипсиланти Георгия и Николая, которые также участвовали в восстании в Дунайских княжествах. Дмитрий же по поручению брата отправился в Грецию, где сыграл видную роль в освободительной войне.

⁴⁷ *Prokesh-Osten A. Geschichte... Bd. 3. S. 65–67.*

и попытаться посредством переговоров обеспечить мирный путь его армии из Валахии в Грецию.

31 марта (12 апреля) 1821 г., всего через три дня после прибытия в Колентину, А. Ипсиланти снял свой лагерь и двинулся на север, в сторону австрийской границы. Как свидетельствуют документы, этот неожиданный маневр был непосредственно связан с получением командующим повстанческой армии письма И. Каподистрии и изменением в связи с этим его плана действий. В день выступления из Колентины Ипсиланти сообщил Г.А. Строганову, что он уходит сразу же после получения письма Каподистрии. И далее вождь повстанцев продолжал: «Я направлю чаяния и пожелания греков его величеству императору, и я ожидаю с нетерпением советов вашего превосходительства»⁴⁸.

Заняв позиции в горном районе Тырговиште-Кымпулунг и ожидая результатов переговоров Г.А. Строганова с Портой, в ходе которых, как надеялся А. Ипсиланти, будут учтены пожелания восставших греков, командующий повстанческими силами решил придерживаться строго оборонительной тактики. Через каймакамов (заместителей) назначенного Портой нового валашского господаря С. Каллимахи он известил турецких дунайских пашей, что прекращает военные действия, но в случае турецкого вторжения в Валахию и нападения на него будет защищаться до последней крайности⁴⁹.

Из лагеря Ипсиланти в Тырговиште Александру I были посланы «чаяния и пожелания греков», о которых говорилось в письме А. Ипсиланти Г.А. Строганову от 31 марта (12 апреля) 1821 г. В прошении «начальников вооруженных греков» российскому императору от 9 (21) апреля 1821 г.⁵⁰ отмечалось, что греки всегда надеялись на помощь «могучей единой империи, православных монархов почитаемой России» в деле освобождения. Греческие капитаны напоминали, что как только Россия выступала против «врагов христианской веры», вместе с ней и «греческая нация спешила с большим рвением пролить последнюю каплю своей крови».

Как в свое время А. Ипсиланти, в письме к Александру I греческие военачальники призывали царя стать «спасителем

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1821. Д. 2563. Л. 6.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1821. Д. 12373. Л. 21–22.

⁵⁰ Там же. Л. 12–19.

греческой нации». В то же время, учитывая ненависть царя к революционным движениям и тайным обществам, проявившуюся в его ответе на обращение А. Ипсиланти, командиры повстанцев стремились представить освободительное восстание греков как чисто религиозное, основанное на тех же принципах, которые исповедует сам Александр I. Рост надежд греков на освобождение связывался с образованием Священного союза. Происхождение же тех обществ, которые возникли в Греции и сыграли роль организатора восстания, рассматривалось в их обращении как результат деятельности библейских обществ, которым покровительствовал Александр I. Что же касается роли А. Ипсиланти, то в обращении говорилось, что «некоторые уполномоченные» избрали его «генеральным уполномоченным Греции», для того чтобы предотвратить анархию, в которую попадает «нация, освободившаяся от тирании». Представленная в этом документе версия истории Филики Этерии расходится с ее действительной историей: командиры греческих повстанческих сил стремились повлиять на Александра I, побудить его отнестись более благосклонно к восстанию греков. В начале апреля 1821 г. перспективы для греческого дела из лагеря Тырговиште выглядели довольно безрадостно: общеполитическое восстание, на которое рассчитывали А. Ипсиланти и его сподвижники, не произошло, а вести о восстании, начавшемся на Пелопоннесе в конце марта 1821 г., до них еще не дошли. В письме греческих командиров создававшаяся ситуация рисовалась в весьма мрачных тонах: «В то время как мы надеялись на всеобщий взрыв, ужасная измена расстроила наши великие замыслы. Тираны нас опередили, они разоружают наших братьев в Греции и держат уже обнаженной саблю, чтобы по первому знаку деспота начать резать миллионы людей». Греческие военачальники обращались к заступничеству императора, чтобы предотвратить эту резню.

Изолированные от мощного национально-освободительного восстания, поднимавшегося в Греции, командиры греческой повстанческой армии в Валахии не выдвигали в своем обращении к императору России конкретных предложений о новом политическом статусе греческих областей, ограничившись общей декларацией о целях своего выступления. «Мы взяли за оружие, — писали они, — не для того, чтобы победить турецкую нацию, не для того, чтобы захватить территории, но для того, чтобы заставить власти дать нам законы, открыть нам путь к благоденствию, позволить нам свободно поклоняться

сыну и слову Божию, для того, чтобы на нас не смотрели больше как на скотов и зачислили наконец нас в разряд людей».

Что же касается будущности самой греческой повстанческой армии в Валахии, то командиры ее, чтобы избежать превращения Дунайских княжеств в театр войны, выражали готовность покинуть их без борьбы, если им будет указан безопасный путь в Грецию. Обращение «начальников вооруженных греков» к Александру I было получено в Петербурге лишь в конце мая 1821 г. К этому времени ситуация для этеристского войска в Валахии катастрофически ухудшилась.

—
156 Как уже говорилось, уходя из Бухареста в Тырговиште, А. Ипсиланти написал Г.А. Строганову, прося его советов. Но советов этих он не получил, в чем руководитель восстания упрекал посланника позднее в записке для российского правительства о своем заключении в Австрии⁵¹. Молчание российского дипломата объяснялось теми непреодолимыми препятствиями, с которыми он столкнулся в своих попытках восстановить спокойствие в Дунайских княжествах, не прибегая к силе. По получении сообщения А. Ипсиланти о том, что он прекращает военные действия в ожидании исхода переговоров, Строганов немедленно известил об этом Порту. Российский представитель предпринял затем большие усилия, чтобы предотвратить вторжение турок в княжества. Для этого он предлагал вывести повстанческие силы Ипсиланти из Валахии и Молдавии и интернировать их в Бессарабии или Трансильвании. Для самого же А. Ипсиланти посланник стремился обеспечить беспрепятственный выезд из Валахии через австрийские владения на любой континент, исключая Европу⁵². Однако предложения Строганова натолкнулись на жесткую бескомпромиссную позицию Порты, не желавшей ни в какой форме вести переговоры с «мятежником» Ипсиланти, а также на сопротивление венского двора, считавшего его «опасным революционером».

В начале мая 1821 г. значительные турецкие силы вторглись в Дунайские княжества. Положение повстанцев Ипсиланти, значительно уступавших неприятелю по численности и вооружению, стало крайне серьезным. Оно еще более усугубилось в результате возникшего у А. Ипсиланти конфликта с

⁵¹ См.: АВПРИ. Ф. Административные дела. II—11. 1826. Д. 120. Л. 85.

⁵² *Corivan H. La captivité d'Alexandre Ypsilanti // Balkan Studies. Thessaloniki, 1967. V. 8. № 1. P. 89.*

руководителем начавшегося в январе 1821 г. народного антифеодалного восстания Тудором Владимиреску. Обвиненный без достаточных оснований в сотрудничестве с турками, он был казнен в лагере Ипсиланти 27 мая (8 июня) 1821 г.* Исход борьбы решила битва при Дрэгэшани 7 (19) июня 1821 г., в которой армия Ипсиланти потерпела тяжелое поражение и начала быстро распадаться.

Участь самого А. Ипсиланти была трагической: он и его братья были заманены на австрийскую территорию и подверглись жестокому заключению, продолжавшемуся более шести лет. Заключение это разделили ближайшие друзья и сподвижники А. Ипсиланти⁵³.

Александр I одобрил репрессивные меры, принятые австрийскими властями в отношении греческих революционеров. Новый же император Николай I, после того как 6 июля 1827 г. в Лондоне представителями Англии, России и Франции был подписан известный договор, завершивший эволюцию политики петербургского кабинета в греческом вопросе: от осуждения освободительного восстания к признанию права греческого народа на самостоятельное существование, решил предпринять демарш с целью освобождения А. Ипсиланти и его братьев. Соответствующая депеша была направлена 9 (21) августа 1827 г. послу России в Вене Д.П. Татищеву, о чем тот известил А. Ипсиланти.

Австрийский император Франц I дал согласие на освобождение греческих узников, но, не желая выпускать из-под своей власти этих, с его точки зрения, «опасных бунтовщиков», оговорил условие, что братья Ипсиланти останутся жить в австрийских владениях под полицейским надзором⁵⁴.

25 ноября 1827 г. (н. ст.) узники покинули место своего последнего заключения — крепость Терезиенштадт (Терезиен) в Чехии. Путь А. Ипсиланти и его братьев лежал в Верону, город в австрийских владениях в Италии, который они избрали для своего жительства. Но, прибыв 9 декабря 1827 г. в Вену, бывшие узники должны были прервать свой дальнейший путь

* Эта расправа определила негативное отношение в Румынии к личности А. Ипсиланти и к его кампании в Дунайских княжествах.

⁵³ Подробнее см.: *Арш Г.Л.* Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2.

⁵⁴ Там же. С. 144.

из-за плохого состояния здоровья А. Ипсиланти. В Вене имели место последние контакты вождя греческих революционеров с посольством России.

Еще находясь в Терезиенштадте, А. Ипсиланти написал письмо Д.П. Татищеву (2 (14) ноября 1827 г.), в котором протестовал против условий его освобождения, поставленных австрийским императором, и не признавал за тем какого-либо права отдавать ему приказы, так как, писал Ипсиланти, «мой покойный отец, вся моя семья и я всегда рассматривали себя как российских подданных»⁵⁵. Когда Николаю I было сообщено, что братья Ипсиланти продолжают считать себя российскими подданными, его реакция была резко отрицательной: хотя российский самодержец и дал согласие на освобождение А. Ипсиланти, он продолжал видеть в нем носителя революционного духа, с которым в царствование этого монарха велась беспощадная борьба. Как говорилось в депеше К.В. Несельроде Д.П. Татищеву от 9 (21) декабря 1827 г., «покинув Россию, князя Ипсиланти добровольно порвали узы, которые их связывали с ней», и поэтому император не может считать их российскими подданными. Послу поручалось сообщить об этой «высочайшей воле» самому А. Ипсиланти и его братьям⁵⁶. По поручению Д.П. Татищева А. Ипсиланти посетил 7 января 1828 г. (н. ст.) советник посольства барон П.К. Мейендорф. Он был одним из немногих людей, видевших греческого революционера в последние недели его жизни. В своем отчете послу, представляющем большую историческую ценность, П.К. Мейендорф так писал об этом посещении: «Я отправился 7-го числа этого месяца к князю Александру Ипсиланти, чтобы сообщить ему в соответствии с указаниями вашего превосходительства решения императора на его счет, но при первом же взгляде я обнаружил, что он так болен, что будет не в состоянии перенести спокойно сообщение столь тягостного характера. Врачи заявили, что органический дефект сердца делает бесполезными все усилия искусства и может в любой момент вызвать его смерть, но возможно также и то, что его страдания позволяют ему прожить еще некоторое время. Так как его болезнь согласно им была вызвана долгой и сильной печалью, я не считал себя по совести возможным усугублять причину его болезни и сделать еще более горестными послед-

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Административные дела. II–11.1826. Д. 120. Л. 83–84.

⁵⁶ Там же. Л. 91.

ние моменты столь несчастного существования. Сам больной, хотя его душил частый и мучительный кашель, казалось, не считал свое состояние столь опасным. Он говорил мне почти исключительно о своем горячем желании получить свою свободу, реабилитировать свое имя и облегчить свою судьбу и одновременно — судьбу своих братьев. Он показал мне прошение, которое он подготовил для его величества императора и в котором открывает ему все мотивы своего предприятия в марте 1821 г. и отрицает, что когда-либо пренебрегал своими обязанностями российского подданного и офицера»⁵⁷. Прочитав это прошение, П.К. Мейендорф посоветовал А. Ипсиланти сослаться как на свидетеля точности его рассказа на И. Каподистрию, с чем тот и согласился. 13 января 1828 г. П.К. Мейендорф снова посетил А. Ипсиланти, и тот подписал в его присутствии текст своего письма Николаю I, переписанный набело его братом⁵⁸.

Это письмо — источник большой важности для истории греческого национально-освободительного движения, заслуживающий специального рассмотрения. Коснемся лишь одного утверждения А. Ипсиланти, непосредственно связанного с содержанием данной публикации. Касаясь отношения Александра I в начатой им освободительной акции, руководитель Филики Этерии утверждал, что «если его величество был осведомлен о подробностях только в момент взрыва, то определенно, что он был согласен в принципе». Данное утверждение противоречит не только существу балканской политики России в тот период, но и конкретным действиям самого А. Ипсиланти в период восстания и реакции царя на эти действия, как свидетельствуют приведенные здесь документальные материалы. Можно только догадываться, чем было вызвано это не соответствующее действительности утверждение А. Ипсиланти. Возможно, что по прошествии семи лет после событий 1821 г. греческий революционер по-другому, более расширительно, воспринимал действительно имевшие место неопределенные благожелательные высказывания Александра I, адресованные грекам. Другое, более вероятное, объяснение состоит в том, что, зная безнадежность собственного положения, он стремился оправдаться в глазах нового царя, с

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1828. Д. 11877. Л. 41–42.

⁵⁸ См.: Там же. 1828. Д. 4978. Л. 1–4; Arš G., Svolopoulos C. Alexandre Ypsilanti... P. 129–133.

тем чтобы облегчить возвращение своих братьев в Россию и их воссоединение с другими членами семьи Ипсиланти.

31 января 1828 г. (н. ст.) посол Д.П. Татищев послал в Петербург следующее краткое сообщение: «Князь Александр Ипсиланти скончался сегодня утром вследствие своей долгой и мучительной болезни»⁵⁹. Последние минуты вождя греческих революционеров засвидетельствовал Георгиос Лассанис, один из его ближайших сподвижников. Как он писал в своем некрологе, последними словами Александра Ипсиланти были: «Греция — Свобода — Отчизна». В некрологе говорится об огромном вкладе А. Ипсиланти в освобождение Греции и о том, что он пожертвовал всем ради достижения этой великой цели: «Уже семь лет минуло с тех пор, как Александр Ипсиланти, жертвуя состоянием своей семьи, оставя все преимущества блестящей карьеры и даже поставя под угрозу свою репутацию, воскресил огнем своего патриотизма феникс Греции, призвал своих соотечественников сбросить унижительное иго варварского завоевателя и провозгласил возрождение Греции»⁶⁰.

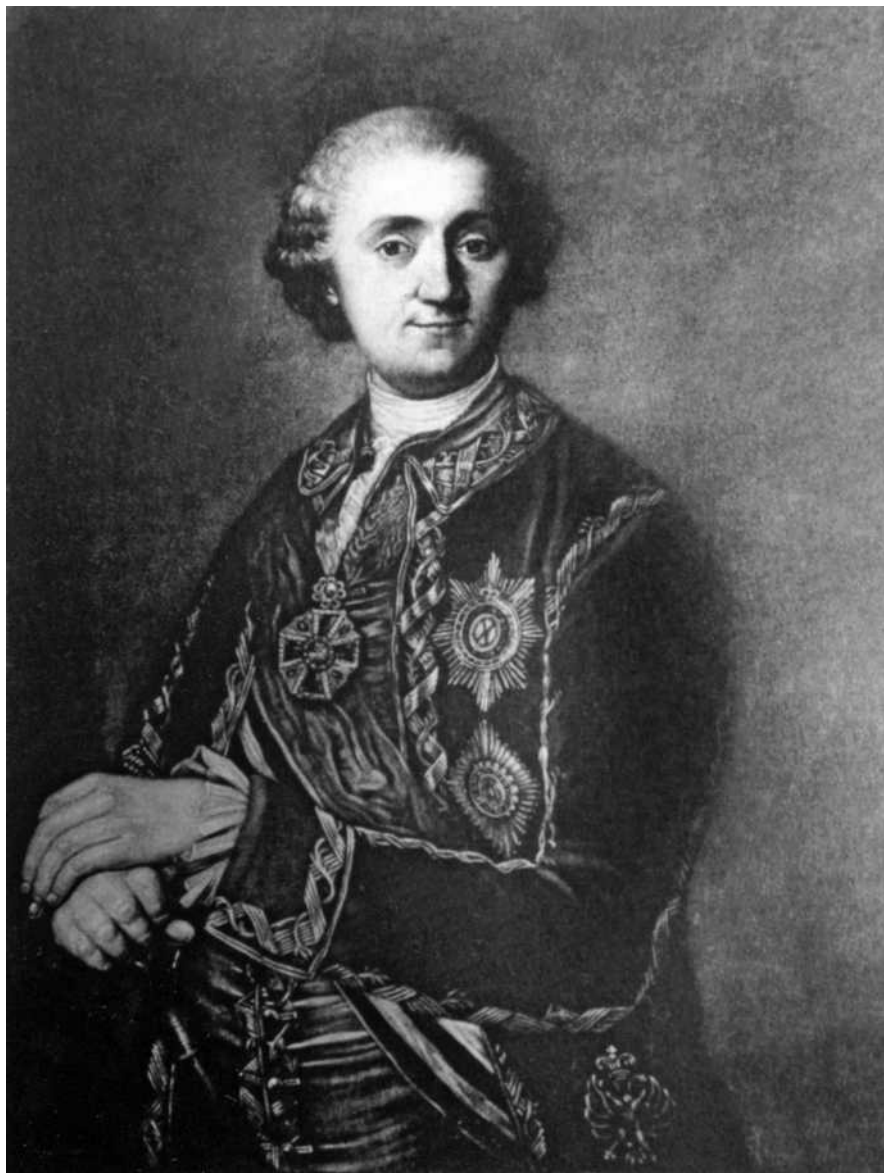
Короткая жизнь национального героя Греции трагически оборвалась в Вене, столице враждебной греческому делу меттерниховской Австрии. За несколько месяцев до его смерти произошла Наваринская битва, в которой прибывшая к берегам Греции, в соответствии с Лондонским договором 1827 г., соединенная эскадра Россия, Англии и Франции разгромила турецко-египетский флот. Появились благоприятные перспективы для успешного завершения борьбы за освобождение Греции — дела, за которое Александр Ипсиланти отдал свою жизнь.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1828. Д. 11877. Л. 85.

⁶⁰ Βιβλιοθήκη Βουλής. Φάκελλος Χειρογράφων του φιλικού Γεωργίου Λασσάνη.

Екатерина II.
Из кн.: Екатерина II и Г.А. Потемкин /
Изд. подготовил В.С. Лопатин. М., 1997.

А.Г. Орлов.
Из кн.: Морозов А.В. Каталог моего собрания
русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913.

Г.А. Спиридов.
Из кн.: Юнга Е. Адмирал Спиридов. М., 1957.

Порт Витула (Игило). Современный снимок.

Медаль
на рождение
великого князя
Константина
Павловича.
Из кн.:
Карнович Е.П.
Цесаревич
Константин
Павлович.
СПб., 1890.

Портреты
великого князя
Константина
Павловича.

Из кн.:
Карнович Е.П.
Цесаревич
Константин
Павлович.
СПб., 1890.

Г.А. Потемкин.

Из кн.: Екатерина II и Г.А. Потемкин /
Изд. подготовил В.С. Лопатин. М., 1997.

А.А. Безбородко.
Из кн.: Екатерина II и Г.А. Потемкин /
Изд. подготовил В.С. Лопатин. М., 1997.

Идра.

Берег Морей
при заливе Катаколо.
Из кн.: Полевой В.И.
Искусство Греции.
Новое время. М., 1975.

Жители Миконоса.
Е.М. Корнеев.
Около 1809 г.
Из кн.: Полевой В.И.
Искусство Греции.
Новое время. М., 1975.

Капитан греческого торгового судна.

Порт Хиоса.

Ламброс Кацонис. Рисунок Лампи-сына.

Стефанос Мавромихалис.
Из кн.: Никифоров В.П., Помарнацкий А.В.
А.В. Суворов и его современники. Л., 1964.

Основатели
Филики Этерии:
Николаос Скуфас,
Эммануил Ксантос,
Афанасиос Цакалов.

Константин Ипсиланти.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки
императорской Академии наук в С-Петербурге. М., 1899.

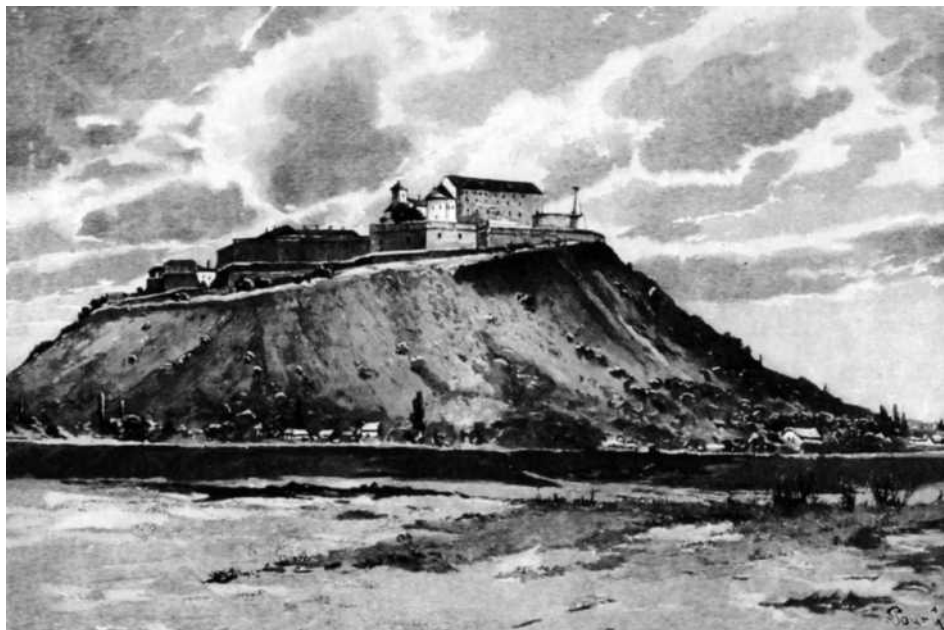
Дом семьи Ипсиланти в Терапии
(Константинополь).
Библиотека Геннадия, Афины.

Александр Ипсиланти.
Всероссийский музей А.С. Пушкина.

Александр и Дмитрий Ипсиланти.
Альбом Пушкинской юбилейной выставки
императорской Академии наук в С-Петербурге. М., 1899.

Крепость Мункач (Мукачево).
Место заключения А.Ипсиланти в 1821–1823 гг.
In: Die Osterreich-Ungarische Monarchie in Wort und Bild.
Wien, 1900. Bd. V.

Александр I.

Из кн.: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. СПб., 1905. Т. 4.

Николай I.

Из кн.: Шильдер Н.К. Император Николай Первый. СПб., 1903. Т. 1.

Г.А. Строганов.
Из кн.: Ободовская И., Дементьев М.
После смерти Пушкина. М., 1980.

И.Н. Инзов.

Альбом Пушкинской выставки, устроенной
Обществом любителей российской словесности. М., 1899.

А.Ф. Ланжерон.

Альбом Пушкинской юбилейной выставки
императорской Академии наук в С-Петербурге. М., 1899.

А.П. Гейден.
Из кн.: Богданович Б.В. Наварин. 1827–1877.
М., 1877.

«Азов», флагманский корабль эскадры Л.П. Гейдена.
Из кн.: Богданович Б.В. Наварин.

Наваринское сражение. 8 октября 1827 г. И.К. Айвазовский.

П.И. Рикорд.
Из кн.: Палеолог Г., Сивинис. Исторический очерк
народной войны за независимость Греции
и восстановления королевства при вмешательстве
великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867.

Портреты
Каподистрии
кисти русских
художников.
Из статьи:
Белоброва О.А.
О греческой теме
в русском искусстве
первой трети XIX в. //
Балканские
исследования.
М., 1980. Вып. 6.

écrittes et de la confiance de l'esprit et que la noblesse au sein général de la nation
ne peut que le perdre pour toujours. L'indignité, l'outrage, l'enthousiasme on
s'est effrayé de la honte.

abandonnez vous, sire, les yeux à eux mêmes lorsque d'un mot vous pouvez
les délivrer de la plus monstrueuse tyrannie et les rendre des hommes d'une ~~bonne~~
longue et terrible. La Divine providence protège tout d'autre manière si
juste, mais aussi tout nous dit que j'ai vu vous, sire, qui de a choisi pour
notre fin à nos longues souffrances. ne dédaignez pas lire! les prières de
dix millions de chrétiens qui fides à notre divin Rédempteur méritent par là
même la main de la bonté. Sauvez nous, sire! Sauvez la religion de
des pecheurs: rendez nous nos temples et nos autels d'où la lumière
divine de l'évangile vient éclairer la grande nation que vous gouvernez.
Délivrez nous, sire! perdez l'obscurité de ces monstres sanguinaires, et
daignez ajouter à tous les grands noms que la reconnaissance Européenne
vous donne déjà celui de libérateur de la Grèce.

C'est avec la plus profonde confiance dans la magnanimité de votre
Majesté Impériale que j'ose implorer votre protection pour ma mère,
tous mes autres parents, et pour les familles des Grecs qui la laissent dévot
à leur patrie. Je prie ici par l'honneur qu'aucun de mes parents ne compromet
mes projets.

J'ose espérer que votre Majesté Impériale daignera ordonner que les officiers
Grecs qui voudront quitter le service de la Russie pour le dévouer à celui
de leur patrie, n'éprouvent aucune difficulté pour l'obtenir. J'ai vu mes
frères oser demander très humblement votre démission de service de votre
Majesté Impériale. Dans toutes les circonstances de votre vie votre dévouement
à votre personne, sire, sera sans bornes.

Je suis, sire avec le plus profond respect.

de votre Majesté Impériale

Jany
le 24 février 1821

Je suis humble et très
fidèle serviteur
Alexandre Ypsilanti

Факсимиле второй страницы письма А. Ипсиланти Александру I
от 24 февраля (8 марта) 1821 г. Автограф.
АВПРИ. ф. Канцелярия. 1821. Д. 12373.

Россия и Греческая революция 1821–1829 гг.

Греческая революция 1821–1829 гг. сыграла важную роль в развитии международных отношений в Европе и на Ближнем Востоке. Возникшее в конце XVIII в. греческое национально-освободительное движение приобрело в первые десятилетия XIX в. широкий размах. Большой импульс дало ему образование в 1814 г. в Одессе тайной национально-освободительной организации Филики Этерия. В конце февраля 1821 г. ее руководитель А. Ипсиланти начал освободительное восстание в Дунайских княжествах, окончившееся неудачей. Однако месяц спустя восстание охватило Морею (Пелопоннес) и другие области Греции. Так началась Греческая национально-освободительная революция. Державы Священного союза и Англия осудили восстание греков как «мятеж против законных властей», тождественный революциям в Испании и Италии.

Первоначально позиция России в отношении Греческой революции не отличалась от позиции других ведущих европейских держав. Однако летом 1821 г. ход событий побудил Александра I внести определенные изменения в свои подходы к греческим делам. В марте-апреле 1821 г. Порта обрушила на греческое население массовые репрессии и казни, жертвами которых стали многие духовные лица, в том числе константинопольский патриарх Григорий V. Эти действия турецких властей серьезно задевали интересы и престиж России, традиционно выступавшей в роли покровителя православного населения Балкан. Кроме того, нарушение Портой свободы торгового судоходства через Проливы наносило большой ущерб российской черноморской торговле. 6 (18) июля 1812 г. российский посланник в Константинополе Г.А. Строганов вручил ноту Порте. В ней подтверждалось осуждение восстания греков и в то же время содержалось требование выполнять условия

русско-турецких договоров, прекратить преследования мирного греческого населения и восстановить права православной церкви в Османской империи. В ноте указывалось, что если Порта не выполнит эти требования, то «тем самым она делает законным право на самозащиту греков, которые станут тогда сражаться единственно ради спасения от неизбежной гибели, и что, принимая во внимание характер такой борьбы, Россия будет считать своей святой обязанностью предоставить им убежище, поскольку они будут подвергаться гонениям, оказать им покровительство, ибо она имеет на это право, а также вместе со всем христианским миром предоставить им помощь, ибо она не может отдать своих единоверцев на произвол тех, кто ослеплен фанатизмом»¹. После отказа Порты удовлетворить требования России, представленные в ультимативной форме, русско-турецкие отношения были разорваны. Однако русско-турецкая война, которую многие считали неизбежной, в тот период не разразилась (русско-турецкие отношения были восстановлены в 1824 г.). Свою роль сыграли здесь и военная неподготовленность России, и решительное противодействие Великобритании и Австрии, выступивших единым фронтом против изменения status quo в Юго-Восточной Европе. Однако непреклонная решимость греческого народа добиться своего освобождения свидетельствовала о необратимости изменений в международной обстановке, которые произошли после начала Греческой революции. Осознание этого факта привело к определенным изменениям в политике Великобритании в греческом вопросе, которые обычно связываются с именем Джорджа Каннинга, занявшего в 1822 г. пост государственного секретаря по иностранным делам. В марте 1823 г. Англия признала греческих повстанцев воюющей стороной, и в феврале следующего года греческому правительству был предоставлен британский заем².

Несомненно, что на политику британского и других западноевропейских правительств в греческом вопросе оказывало воздействие широкое филэллинское движение, развернувшееся в их странах. Во многих городах Западной Европы и США возникли филэллинские комитеты, в печати велась активная кампания в защиту греческого дела, производился сбор

¹ ВПР. М., 1980. IV (XII). С. 210.

² См.: Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 162–164.

средств в пользу сражающейся Греции, сотни добровольцев устремились на помощь греческим повстанцам³. Огромное сочувствие вызвало восстание греков и в России, хотя в условиях самодержавного строя филэллинское движение не могло развиваться здесь в таких формах, как в странах с более свободным политическим укладом. Большой отклик нашли в различных общественных слоях официально разрешенные подписки в пользу беженцев из Османской империи и жертв репрессий Порты. Только на содержание беженцев в Одессе поступило 1 149 224 руб. пожертвований, по большей части от малоимущих слоев населения⁴. Декабристы и близкие к ним прогрессивные деятели выступали за войну против Османской империи, видя в ней наиболее эффективное средство помощи борющейся Греции⁵. Но и многие высшие офицеры, видные дипломаты и даже некоторые министры, чуждые каких-либо либеральных настроений и видевшие в восстании греков лишь «борьбу христианского народа против мусульманского ига», считали, что Россия должна поддержать его. Так, влиятельный и близкий к царю министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын высказал в 1821 г. мнение, что осуждение Россией выступления А. Ипсиланти является отходом от традиций российской политики. По его словам, «на протяжении более чем столетия греки получали помощь, покровительство, им внушали надежду освободиться от ига Оттоманской Порты, и поэтому даже в том трудном положении, в котором они находятся сейчас, эта надежда поможет их усилиям, несмотря на все сделанные заявления о неучастии в их восстании»⁶.

Вынужденное в определенной мере считаться с общественным мнением и встревоженное ростом английского влияния в Греции в ущерб русскому, царское правительство выступило с планом урегулирования греческого вопроса. В январе 1824 г.

³ Там же. С. 141–142.

⁴ *Пятигорский Г.М.* Деятельность Одесской греческой комиссии в 1821–1831 гг. // Балканские исследования. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982. С. 137–138.

⁵ См.: *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 222–289; *Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 84–101.

⁶ *Арш Г.Л.* Иоанн Каподистрия в России. СПб., 2003. С. 202–203.

петербургский кабинет разослал правительствам великих держав «Мемуар об умиротворении Греции». Он предусматривал образование на греческой территории трех автономных княжеств с сохранением над ними верховной власти султана, выразившейся в основном в получении с княжеств ежегодной дани. План этот стал предметом обсуждения конференции по греческому вопросу представителей России, Австрии, Пруссии и Франции, проходившей в Петербурге в 1824–1825 гг. Однако это не дало положительных результатов⁷. Недовольство петербургского кабинета противодействием других европейских кабинетов его усилиям по «умиротворению Греции» проявилось в стремлении к единоличным действиям. В Лондоне с тревогой следили за новыми тенденциями в российской политике, при этом и в Лондоне, и в Санкт-Петербурге были обеспокоены известиями об ухудшении военного положения греческих повстанцев. Султану Махмуду II удалось вовлечь в борьбу своего египетского вассала Мухаммеда Али. Высадившаяся в феврале 1825 г. в Морее египетская армия Ибрахим-паши подчинила почти весь полуостров и приступила к осаде Месолонги — основного опорного пункта повстанцев. Новые элементы в ситуации Греции и вокруг нее создавали почву для поисков путей взаимодействия и компромисса со стороны России и Великобритании. 23 марта (4 апреля) 1826 г. в Петербурге герцогом Веллингтоном и уполномоченными российского правительства К.В. Нессельроде и Х.А. Ливеном был подписан русско-английский протокол о совместных действиях с целью «умиротворения Греции». Россия и Англия провозглашали свое намерение добиваться прекращения вооруженной борьбы между турками и греками на условии предоставления последним автономии, при сохранении верховной власти Порты и уплате ей точно фиксированной дани. Грекам обеспечивались свобода религии и торговли и самостоятельное внутреннее управление. В целом автономные права, предоставляемые грекам Петербургским протоколом, были шире тех, которые предусматривал российский «Мемуар об умиротворении Греции» 1824 г.⁸ Франция, имевшая серьезные интересы на Ближнем Востоке, решила присоединиться к Петербургскому про-

⁷ См.: Международные отношения... С. 168–169.

⁸ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 239–241; Виноградов В.Н. Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские исследования. Вып. 8. С. 118–134.

токолу. Подписанный 6 июля 1827 г. в Лондоне трехсторонний договор в основном повторял положения С.-Петербургского протокола. Особую же важность Лондонскому договору придавала включенная в него по настоянию российской дипломатии секретная статья, предусматривавшая, что в случае, если одна из сторон — турки или греки — откажется в месячный срок согласиться на перемирие, предложенное в ст. I открытого договора, то «высокие державы действительно применяют совместно все свои средства для ее исполнения, не принимая, однако, участия во враждебных действиях между обеими воюющими сторонами»⁹.

Лондонский договор 1827 г., предусматривавший предоставление грекам широкой автономии и создававший благоприятные внешние предпосылки для успешного завершения Греческой революции, был результатом компромисса между его участниками. Однако англо-русская борьба за влияние в Греции не прекращалась, и позиции России в этой борьбе усилились благодаря активизации ее политики в греческом вопросе. Свидетельством этого стал тот факт, что третье греческое Национальное собрание в Трезене (апрель 1827 г.) избрало Иоанна Каподистрию — статс-секретаря российского министерства иностранных дел, с 1822 г. фактически находившегося в отставке и жившего в Швейцарии, — правителем (президентом) Греции. Активная национально-патриотическая деятельность Каподистрии накануне революции 1821 г. снискала ему большой авторитет в греческом обществе, а сам факт пребывания грека-корфиота на высоком дипломатическом посту в России рассматривался как выражение российской политики покровительства Греции. В правительственных кругах России избрание Каподистрии на высший государственный пост в Греции было встречено с большим удовлетворением. Каподистрия, оказавшийся в это время в Петербурге, получил 1 (13) июля 1827 г. формальное увольнение с российской службы. Однако и до получения формальной отставки он выступал в переговорах с Николаем I в качестве представителя и защитника греческих интересов, настаивая прежде всего на оказании неотложной материальной помощи Греции. Российский император согласился негласно предоставить будущему правителю Греции кредит в сумме 1 млн руб. И во время петербургских переговоров летом 1827 г., и в последующем

⁹ Международные отношения... С. 191.

отношения между российским правительством и правителем Греции носили доверительный характер¹⁰. Однако, хотя Каподистрия был убежденным сторонником ориентации Греции на Россию, он отнюдь не собирался содействовать установлению в стране российского господства в какой-либо форме, о чем прямо заявил царю во время бесед с ним в Петербурге¹¹. Этот опытный дипломат, всецело преданный интересам Греции, намеревался, опираясь на поддержку всех держав — участниц Лондонского договора, добиться успешного завершения войны за независимость и создания стабильного и жизнеспособного Греческого государства. Но тьюильрийский и сент-джеймский кабинеты, видевшие в Каподистрии прежде всего инструмент российской политики, были недовольны тем, что он избран правителем Греции. Ни в Лондоне, ни в Париже, где Каподистрия побывал в августе-октябре 1827 г., он не получил ни финансовой помощи, ни моральной поддержки¹².

Между тем военно-политическое положение Греции стало критическим. В 1826–1827 гг. греческие повстанцы потеряли свои важнейшие опорные пункты Месолонги и афинский Акрополь. К осени 1827 г. территория свободной Греции ограничивалась небольшой частью Пелопоннеса и несколькими островами Архипелага. Порта, отвергнувшая Лондонский договор, спешила подавить последние очаги сопротивления в Греции и таким образом окончательно «урегулировать» греческий вопрос. Однако решительные действия адмиралов союзных эскадр, прибывших к берегам Греции в соответствии с секретной статьей Лондонского договора, сорвали эти замыслы. Результатом отказа командующего египетской армией Ибрахим-паши выполнить требование союзных адмиралов о прекращении всех его враждебных действий против греческого населения Мореи была Наваринская битва 8 (20) октября 1827 г., приведшая к полному разгрому турецко-египетского флота¹³.

¹⁰ См.: ВПР. М., 1992. Т. VII (XV). С. 139–150; *Arš G.L. Capodistria et le gouvernement russe (1826–1827) // Les relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki, 1983. P. 125–132.*

¹¹ См.: *Fleming D.C. John Capodistrias and the Conference of London (1828–1831). Thessaloniki, 1970. P. 172–173.*

¹² ВПР. Т. VII (XV). С. 673, 684.

¹³ Международные отношения... С. 192–195. Подробно об участии

Перспективы дипломатического решения греческого вопроса тем не менее оставались неопределенными. В декабре 1827 г. ввиду того, что и после Наваринского сражения Порты отказывалась от каких-либо переговоров о греческом урегулировании, Россия, Великобритания и Франция отозвали своих дипломатических представителей из Константинополя. Но и в стане участников тройственного союза не было единства. После того как в январе 1828 г. в Англии пришло к власти правительство Веллингтона, в английской политике усилились протурецкие тенденции. Новый английский кабинет стал отходить от совместных действий с союзниками, которые могли бы заставить Порту выполнить положения Лондонского договора. Судьба Греции стала теперь зависеть в первую очередь от исхода начавшейся в апреле 1828 г. русско-турецкой войны.

В царском манифесте, опубликованном 14 (26) апреля 1828 г. в связи с объявлением войны Османской империи, греческий вопрос не упоминался — Николай I стремился подчеркнуть, что у России достаточно собственных претензий к Порте, вытекавших из нарушения последней русско-турецких договоров, для того чтобы прибегнуть к этому крайнему средству. Но фактически именно это урегулирование было одной из главных военных целей России. Программа царского правительства по урегулированию греческого вопроса была изложена в конфиденциальном письме К.В. Нессельроде И. Каподистрии от 3 (15) июля 1828 г.¹⁴ Суть ее сводилась к созданию из освобожденных греческих территорий жизнеспособного государства с консервативной монархической системой, связанного политическими и торговыми узами с Россией. При этом, отходя от соответствующих положений Лондонского договора 1827 г., петербургский кабинет намеревался исключить какое-либо участие Порты в управлении Грецией. Однако султанское правительство по-прежнему отказывалось вести какие-либо переговоры относительно Греции, и успехи России в кампании 1828 г. не были достаточны для того, чтобы сломить упорство Махмуда II.

Противодействие осуществлению российской программы решения греческого вопроса оказывала и Великобритания,

эскадры Л.П. Гейдена в Наваринской битве см. очерк: «Русские моряки в Наваринском сражении» настоящего издания.

¹⁴ ВПР. Т. VII (XV). С. 567–588.

стремившаяся ограничить территорию Греческого государства Мореей и Кикладскими островами и сохранить его зависимость от Порты. Франция, еще один участник тройственного союза, в 1828–1829 гг. занимала в греческом вопросе позицию, близкую к позиции России. Она отвергла попытки британского кабинета отстранить Россию от решения греческих дел и, как и Россия, предоставляла субсидии греческому правительству. Франция стремилась также усилить собственные позиции в Греции за счет своих партнеров. В августе 1828 г. в Морее высадился шеститысячный французский экспедиционный корпус генерала Мэзона, имевший своей непосредственной задачей вытеснение армии Ибрахим-паши с полуострова. Но основное противоборство в греческом вопросе шло между Россией и Великобританией, и ареной его стала Лондонская конференция, возобновившая свою работу в июне 1828 г.

На конференции обсуждался вопрос об инструкциях представителям Англии, России и Франции, которые совместно с греческой стороной должны были подготовить условия греко-турецкого урегулирования. В ходе обсуждения Веллингтон и британский государственный секретарь по иностранным делам Абердин стремились разработать все детали этого соглашения, причем в неблагоприятном для греков духе. Учитывая это, российский посол в Лондоне Х.А. Ливен приложил все усилия для того, чтобы на месте событий и при активном участии греческих представителей были найдены благоприятные для греческих интересов решения¹⁵.

Расчеты эти в значительной мере оправдались. Главным предметом конференции на греческом острове Порос (октябрь–декабрь 1828 г.), в которой участвовали дипломатические представители союзных держав в Константинополе Ч.С. Каннинг, А.И. Рибопьер и А. Гийемино, было определение греческих границ. Каподистрия принимал активное участие в работе конференции, добиваясь, чтобы в пределы Греческого государства были включены все греческие области, жители которых участвовали в освободительном восстании. После длительных дискуссий представители союзных держав согласились на проведение сухопутной границы Греции по линии Арта–Волос и включение в ее состав, помимо Кикладских островов, также Эвбеи.

¹⁵ Там же. С. 719–720.

Участники конференции рекомендовали своим правительствам рассмотреть вопрос о включении в сферу действия Лондонского договора 1827 г. также и Крита и Самоса. Хотя предложенные конференцией на Поросе границы не полностью отвечали пожеланиям Каподистрии, в целом они были благоприятны для Греции, особенно если иметь в виду, что значительная часть территорий, которые должны были войти в состав Греческого государства, были оккупированы тогда турками. Дипломаты выработали также общую точку зрения относительно размера дани, которую Греция должна будет платить Порте, в компенсацию за принадлежавшую мусульманам собственность и сюзеренные права султана¹⁶.

Протокол конференции на Поросе, подписанный 30 ноября (12 декабря) 1828 г., вызвал недовольство британского правительства. Веллингтон, считая, что свободная Греция будет находиться под русским влиянием и будет враждебна Великобритании, желал видеть Греческое государство слабым и зависимым от Порты. Действуя в этом направлении, британский премьер сумел добиться принятия Лондонской конференцией 16 ноября 1828 г. протокола, по которому временная гарантия, данная державами Греции, распространялась только на Морею и Киклады¹⁷. Решения же Поросской конференции, поддержавшей установление границы по линии Волос–Арта, шли вразрез с планами Веллингтона, и не случайно, что подписавший Поросский протокол британский представитель Ч. Стрэтфорд Каннинг вскоре был вынужден уйти в отставку.

Петербургский кабинет, как уже говорилось, занимал в греческом вопросе позицию, кардинально отличавшуюся от позиции сент-джеймского кабинета. Однако международное положение России и ее взаимоотношения с союзниками были в этот период достаточно сложными. В августе 1828 г. Николай I в нарушение данного обязательства о том, что российская эскадра на Средиземном море не будет участвовать в военных действиях против Османской империи, объявил о блокаде Дарданелл, что вызвало резкие протесты в Лондоне. В свою очередь, Великобритания и Франция в конце 1828 г., вопреки мнению России, приняли решение о восстановлении

¹⁶ Международные отношения... С. 218–219; *Fleming D.C. John Capodistrias*... P. 58–66.

¹⁷ ВПР. М., 1995. Т. VIII (XVI). С. 31.

отношений с Портой. Непростой была обстановка и на Лондонской конференции, где французский представитель Ф. Полиньяк часто занимал проанглийскую позицию¹⁸. В этих условиях российские уполномоченные на конференции Х.А. Ливен и А.Ф. Матушевич стремились, идя на компромиссы, связывать своих союзников согласованными решениями и тем самым срывать планы британской дипломатии, направленные на отстранение России от участия в решении греческих дел.

После продолжавшихся полтора месяца сложных переговоров 22 марта 1829 г. представители трех держав подписали в Лондоне протокол по греческому вопросу. Он включил в себя большую часть рекомендаций, выработанных дипломатами союзных держав на Поросе. В качестве сухопутной границы Греческого государства была принята линия Арта–Волос, но по настоянию Великобритании из его состава исключались острова Крит и Самос. Греческое государство оставалось под верховной властью Порты и обязано было ежегодно выплачивать ей в виде дани 1,5 млн пиастров; в вопросах внутреннего управления оно должно было пользоваться полной внутренней автономией и управляться наследственным князем. Первый выбор греческого монарха проводился с общего согласия трех держав и Порты, какое-либо участие греков в выборе правителя своей страны не предполагалось¹⁹.

Положения протокола должны были стать базой для переговоров с Портой о греческом урегулировании. Ни правительство России, ни правительство Греции не были удовлетворены содержанием мартовского протокола. К.В. Нессельроде писал И. Каподистрии о вынужденном характере согласия уполномоченных петербургского двора на некоторые статьи протокола от 22 марта 1829 г.²⁰ Российское правительство настоятельно рекомендовало правителю Греции как можно более расширить зону, фактически контролируемую греческими войсками, чтобы заставить Порту в ходе мирных переговоров уступить эти территории Греции. Петербургский двор поддерживал усилия правителя Греции по созданию централизованной государственной структуры и укреплению боеспособности греческих вооруженных сил. Россия регулярно

¹⁸ Там же. С. 577.

¹⁹ Там же. С. 116–120.

²⁰ Там же. С. 184–186.

предоставляла греческому правительству денежные субсидии. Общая их сумма в 1828–1830 гг. составила 3,5 млн руб.²¹ Российская эскадра снабжала греческих повстанцев военным снаряжением и непосредственно содействовала их операциям. Правительство Николая I активно поддерживало требования Каподистрии о включении Крита в состав Греции, рассчитывая осуществить это присоединение посредством применения принципа *uti possidetis*. Российская эскадра Л.П. Гейдена весной 1829 г. возобновила блокаду Крита, что было в интересах сражавшихся за освобождение острова греческих патриотов. В это же время усилия британского адмирала П. Малькольма были направлены на то, чтобы греческие силы прекратили свои операции за пределами Мореи. Прибывшие же в конце 1828 г. в Грецию дипломатические представители России и Великобритании вмешивались в происходившую в стране внутреннюю борьбу так же активно, но с противоположных позиций. Российский представитель М.Н. Булгари, выступая за укрепление личной власти Каподистрии, настоятельно рекомендовал ему отложить созыв Национального собрания. Если же созыв собрания стал бы неизбежным, то, по мнению Булгари, петербургский двор должен был приложить максимум усилий, чтобы сделать этот законодательный орган послушным орудием администрации. Английский же резидент Э. Доукинс открыто поддерживал политических противников президента и не скрывал своего стремления свергнуть или по крайней мере ограничить его власть²².

Прибывшие в июне 1829 г. в Константинополь посол Великобритании Р. Гордон и посол Франции А. Гийемино вступили в переговоры с Портой об «умиротворении» Греции. Первоначально они не дали результата, однако уже 15 августа 1829 г. Порта заявила о своем признании Лондонского договора 1827 г., правда, только в рамках Лондонского протокола от 16 ноября 1828 г.²³ Столь быстрый и неожиданный поворот был связан с катастрофическим ухудшением военной ситуации для Османской империи. Летом 1829 г. русские войска разбили в сражении при Кулевче армию великого визиря, преодолели Балканы

²¹ См.: Василенко О.В. О помощи России в создании независимого Греческого государства (1829–1831 гг.) // Новая и новейшая история. М., 1959. № 3. С. 149.

²² Fleming D.C. John Capodistrias... P. 90–91, 93–94.

²³ См.: ВПР. Т. VIII (XVI). С. 604.

и начали быстро продвигаться к Константинополю. 20 августа 1829 г. по н.ст. был взят Адрианополь. Таким образом, лишь после тяжелых поражений в войне с Россией султан Махмуд II перестал считать греков бесправной «райей».

30 августа 1829 г. по н.ст. в Адрианополе начались русско-турецкие мирные переговоры²⁴. Учитывая упорное нежелание Порты урегулировать греческий вопрос в ходе прежних переговоров с союзными правительствами, в Петербурге включили его в число тех, которые могли быть решены только в результате военного поражения Османской империи. Незадолго до мирных переговоров в Адрианополе К.В. Нессельроде обращал на это особое внимание И.И. Дибича²⁵. После начала мирных переговоров Порты, следуя своей тактике уверток и проволочек, настаивала на исключении из проекта мирного договора статьи X, посвященной греческому вопросу. В этих маневрах Порту поддержали Гийемино и Гордон, опасавшиеся, что включение «греческой» статьи в договор усилит роль России в освобождении Греции. И.И. Дибич категорически отверг эти требования. В своей депеше от 30 августа (11 сентября) 1829 г. он писал К.В. Нессельроде, что «касательно ст. X, имеющей отношение к Греции, я сохранию ее в целости и не отступлю ни в коем случае». Статья X подписанного в Адрианополе 14 сентября 1829 г. мирного договора между Россией и Османской империей²⁶ содержала обязательство Порты признать положения Лондонского договора от 6 июля 1827 г. и протокола от 22 марта 1829 г. Благодаря этой статье Адрианопольский договор занимает особое место в дипломатической истории греческого вопроса — впервые в международном акте Порты была вынуждена признать самостоятельное политическое существование Греции. Греческий историк А. Вакалопулос так оценивает значение русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского договора для освобождения Греции: «Адрианопольский договор справедливо считается второй дипломатической акцией, создавшей Греческое государство. Если протокол от 22 марта определил его размеры, то договор от 14 сентября дал ему жизнь и место среди европейских государств. Таким образом, русско-турецкая война, которая вызвала такое

²⁴ Подробнее см.: Там же. С. 597–602.

²⁵ Там же. С. 255–256.

²⁶ Текст договора см.: Там же. С. 261–270.

беспокойство в политической атмосфере Европы, разрушила мечом гордиев узел бесконечных переговоров и санкционировала освобождение Греции»²⁷.

Включение статьи X в Адрианопольский договор вызвало резкий протест кабинета Веллингтона, усмотревшего в этом претензию России на исключительную роль в греческом урегулировании. Конфликт достиг такой остроты, что создавалась угроза разрыва дипломатических отношений между Россией и Великобританией. В этой обстановке уполномоченные российского правительства на Лондонской конференции Х.А. Ливен и А.Ф. Матушевич предложили признать Грецию независимой, но в урезанных границах, совместным решением трех держав. Компромисс этот оказался приемлемым для английского правительства, стремившегося ограничить территориальные размеры Греческого государства. 3 февраля 1830 г. представители Великобритании, России и Франции подписали в Лондоне новый протокол по греческому вопросу²⁸. Греция объявлялась независимым государством, однако с сокращенными по сравнению с протоколом от 22 марта 1829 г. территориальными рамками. Сухопутная граница устанавливалась по линии устьев рек Аспропотамос и Сперхиос, что оставляло под османским господством еще около 100 тыс. греков. Греция объявлялась монархией с наследованием по праву первородства. Греческая корона была предложена принцу Леопольду Саксен-Кобургскому. 24 апреля 1830 г. Порта сообщила о своей согласии с условиями Лондонского договора от 3 февраля. Свою роль сыграло здесь решение Николая I сократить размер причитавшейся с Порты военной контрибуции на 1 млн голландских дукатов в обмен на признание ею нового соглашения держав по греческому вопросу. Хотя Греция тоже формально согласилась с протоколом от 3 февраля 1830 г., его положения по территориальному вопросу вызвали здесь сильное недовольство. Греческое правительство также не могло согласиться с тем, что жизненно важные для Греции решения принимались без какого-либо участия ее представителей. Дополнительный свет на отношение в Греции к февральскому протоколу 1830 г. и возникшие в связи с этим сложности во взаимоотношениях Греции и России проливают

²⁷ Βακαλοπούλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1988. Τ. Η'. Σ. 501–502.

²⁸ См. текст протокола: ВПР. Т. VIII (XVI). С. 438–441.

неизвестные до сих пор российские дипломатические документы. Они еще раз свидетельствуют, что Каподистрия, несмотря на свои давние и прочные связи с петербургским двором, всегда на первое место ставил национальные интересы Греции. В письмах к правительству России и к избранному державами греческому монарху глава временного правительства Греции подчеркивал право греков самим распоряжаться своей судьбой²⁹. Каподистрия считал, что принц Леопольд перед принятием греческой короны должен заявить о своем признании конституционных основ греческого государства и гарантии законных прав граждан всех сословий. Кроме того, Каподистрия послал кандидату на греческий престол памятную записку греческого Сената, где доказывалось, что установленные Лондонским протоколом от 3 февраля 1830 г. границы Греции станут источником больших бедствий и затруднений для греческого населения. Обращения греческого правителя и Сената к Леопольду Саксен-Кобургскому стали если не основанием, то предлогом для отказа его от греческой короны. Реакция в Санкт-Петербурге на действия греческих властей была бурной. Протокол от 3 февраля 1830 г. рассматривался в посланиях вице-канцлера правителю Греции как максимум того, что Россия могла сделать в тех условиях для греков³⁰. Однако этот протокол не стал последним словом держав в деле «умиротворения» Греции после официального отказа в мае 1830 г. принца Леопольда Саксен-Кобургского от греческой короны члены тройственного союза возобновили свои совещания по Греции. Результатом этих совещаний стала Лондонская конвенция от 7 мая 1832 г., определившая статус Греции как «независимого монархического государства» с наследственным королем Оттоном, сыном баварского короля Людвига I, и «под гарантией трех дворов». В том же 1832 г., 21 июля, в Константинополе было подписано соглашение между представителями трех держав и Порты, по которому в обмен на компенсацию в 40 млн пиастров султанское правительство согласилось признать северную границу с Грецией по линии Арта–Волос. Но и эта граница, определенная в свое время Лондонским протоколом от 22 марта 1829 г., оставила под чужеземным игом многие греческие области. Потребовалось почти столетие упорной борьбы Греческого государства

²⁹ Там же. С. 654–656.

³⁰ Там же. С. 544–552.

и населения порабощенных областей, прежде чем они воссоединились с Грецией.

Несмотря на то, что Греческая революция 1821–1829 гг. не решила полностью задач национального освобождения, создание самостоятельного государства имело огромное значение для греческого народа, для его национального и социального прогресса. Революция стала и важной вехой в борьбе европейских народов, особенно балканских, за национальное освобождение, против тирании и реакции. Победа революции была достигнута прежде всего в результате самоотверженных усилий всего греческого народа, его военных и политических руководителей, среди которых выдающееся место принадлежит Иоанну Каподистрии. Существенный вклад в освобождение Греции и создание Греческого государства внес и тройственный союз Великобритании, России и Франции, образовавшийся в результате Лондонского договора 1827 г. Речь идет не только о военных акциях союзных держав — Наваринской битве, русско-турецкой войне, высадке французского корпуса в Морее, — но и об их дипломатической деятельности. Между союзными державами, в первую очередь Россией и Великобританией, существовали глубокие противоречия. Тем не менее их дипломаты сумели определить баланс взаимных интересов и общие выгоды участников союза, позволившие его сохранить, несмотря на острые конфликты между петербургским и сент-джеймским кабинетами. Выработанные в ходе длительных и напряженных переговоров представителей Великобритании, России и Франции договоры и протоколы по греческому вопросу создали международно-правовую основу существования независимого Греческого государства.

Образование тройственного союза трех великих держав создало новую дипломатическую комбинацию в Европе. До этого два из его участников — Россия и Франция — входили в Священный союз, борющийся против революционного движения. Теперь же, несмотря на сохранившуюся идеологическую враждебность Николая I к Греческой революции, они фактически выступили в ее поддержку. В результате Австрия, наиболее активная сила Священного союза, оказалась в полной изоляции, и самому союзу был нанесен смертельный удар.

Литература³¹

Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972; Международные отношения на Балканах. 1815–1830. М. 1983.

Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867.

Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958.

Щпаро О.Б. Россия и освобождение Греции (1821–1829). М., 1965.

— Driault E., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Paris, 1925. T. 1.

176 Fleming D.C. John Capodistrias and the Conference of London (1828–1831). Thessaloniki, 1970.

Prokesch-Osten A. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des hellenischen Königreiches. Wien, 1867. Bd. 1–6.

Prousis Th. Russian society and the Greek Revolution. Northern Illinois University Press, 1994.

Strupp Ch. La situation internationale de la Grèce (1821–1917). Zürich, 1918.

Λουλέ Δ. Ο ρόλος της Ρωσίας στη διαμόρφωση του Ελληνικού κράτους. Αθήνα, 1981.

³¹ В связи с тем, что данный очерк основывается на опубликованных материалах, дается список использованной литературы.

РУССКИЕ МОРЯКИ В НАВАРИНСКОМ СРАЖЕНИИ

8 (20) октября 1827 г., у берегов Греции произошла знаменитая морская битва. Она стала не только одной из самых крупных морских битв эпохи парусного флота, но и важной страницей истории международных отношений 20-х годов XIX в., в которых доминировал греческий вопрос.

В марте 1821 г. в Греции началось всеобщее восстание против четырехвекового османского господства. Первоначально реакционные правительства Европы отнеслись к независимой Греции, рождавшейся в огне войны, с неприкрытой враждебностью. Широкие же общественные круги Европы и Америки выступили в поддержку греческой революции. Во многих странах развернулось филэллинское движение. Филэллинами были Байрон, Гёте, Пушкин Гюго и другие выдающиеся деятели европейской культуры. Давление общественного мнения и осознание необратимости изменений в международной ситуации, которые вызвала вооруженная борьба греков, побудили великие державы добиваться дипломатического урегулирования греческого вопроса. Как уже говорилось, 6 июля 1827 г. представители России, Англии и Франции подписали в Лондоне договор о прекращении войны в Греции на условии создания автономного греческого государства под сюзеренитетом Порты. По настоянию России, имевшей серьезные противоречия с Османской империей и занимавшей наиболее решительную позицию, в договор была включена секретная статья, предусматривавшая, что в случае, если одна из сторон не пожелает пойти на заключение перемирия (в соответствии с договором), «высокие державы действительно применят совместно все свои средства для ее исполнения»¹. Результатом

¹ *Мартенс Ф.О.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI. С. 361.

этого положения было появление в начале октября 1827 г. соединенной англо-русско-французской эскадры у берегов Греции. По настоянию российского посла в Лондоне Х.А. Ливена в совместную инструкцию союзным адмиралам был включен следующий важный пункт: «В случае отказа Порты по истечении месяца от посредничества и перемирия эскадры трех союзных держав должны приблизиться к берегам Греции и совместно пресечь всякую помощь по морю турецко-египетским войскам, воздерживаясь при этом от участия в боевых действиях»². Однако принимать какие-либо принудительные меры против турецких сил в Греции, не прибегая при этом к силовым акциям, оказалось невозможным.

—
178

Известие о Лондонской конвенции было получено в Греции в критический для нее момент. В 1824 г. султану Махмуду II удалось втянуть в борьбу своего вассала, египетского пашу Мухаммеда Али, располагавшего хорошо вооруженной и обученной по европейскому образцу армией. В результате после упорной героической борьбы пали Месолонги и афинский Акрополь — важнейшие опорные пункты повстанцев. Ободренная этими военными успехами, Порты отвергла Лондонскую конвенцию.

Осенью 1827 г. главнокомандующий турецко-египетскими силами в Морею Ибрахим-паша спешно готовил новые крупные военные операции, чтобы сокрушить последние очаги сопротивления греков на континенте и островах. С этой целью в Наварине сконцентрировались крупные военно-морские и сухопутные силы. Войска Ибрахима-паши продолжали, чуть ли не на глазах союзных адмиралов, варварски опустошать Морею. Посланный ему адмиралами ультиматум паша игнорировал. Тогда союзные адмиралы решили ввести свои эскадры в Наваринскую бухту, с тем чтобы своим присутствием сковать турецко-египетский флот и помешать его операциям против греков. Стоявший в Наваринской бухте в полной боевой готовности флот султана представлял грозную силу. Он состоял из трех линейных кораблей, 20 фрегатов и свыше 40 корветов, бригов и брандеров. Они имели свыше 2000 орудий. Кроме того, узкий (менее мили) вход в бухту защищали батареи, установленные в Наваринской крепости и на острове Сфактерия. Английская эскадра состояла из трех линейных кораблей, четырех фрегатов, одного корвета и трех бригов,

² ВПР. М., 1992. Сер. II. Т. VII (XV). С. 153.

имевших 472 орудия. Командовал ею опытный и решительный моряк, сподвижник Нельсона вице-адмирал Э. Кодрингтон. Французскую эскадру под командованием контр-адмирала А.Г. де Риньи составляли три линейных корабля, два фрегата и два корвета, имевших 362 орудия.

В состав русской эскадры входили четыре линейных корабля: 74-пушечные «Азов», «Иезекииль», «Александр Невский», 84-пушечный «Гангут» и четыре фрегата: «Константин», «Проворный», «Кастор», «Елена». Русские корабли имели 466 орудий и команду из 3764 человек. На корабле «Азов» держал свой флаг командующий эскадрой контр-адмирал Л.П. Гейден, голландец по происхождению, поступивший на русскую службу в 1795 г. и отличившийся в 1813 г. в войне против Наполеона. Командиром «Азова» и начальником штаба эскадры был выдающийся русский военный моряк и ученый — мореплаватель М.П. Лазарев. Всего союзный флот насчитывал 26 судов: 10 линейных кораблей, 10 фрегатов, 6 корветов и бригов, имевших на борту 1300 орудий. Командир английской эскадры вице-адмирал Э. Кодрингтон как старший по званию являлся главнокомандующим объединенной эскадры.

Эскадра союзников значительно уступала турецко-египетскому флоту по количеству пушек и кораблей, но превосходила его по боевой выучке и дисциплинированности личного состава. Англия, Россия, Франция были великими морскими державами, их флаги были овеяны славой многих победных сражений.

Среди моряков союзных эскадр ощущались и филэллинские настроения. Особенно это относилось к русским морякам, так как русский и греческий народы на протяжении столетий связывали прочные дружественные узы. Об этих настроениях свидетельствуют записки лейтенанта Александра Рыкачева, участника Наваринской эпопеи. Еще перед выходом русской эскадры из Кронштадта, когда предназначение ее еще не было известно, Рыкачев записывал в свой дневник: «Так как каждому из нас хочется помогать грекам, то понятно, что мы более всего мечтаем о Средиземном море. Это был бы верх счастья, и вся наша молодежь, со времени экспедиции адмирала Сенявина, постоянно мечтает об этой прекрасной кампании»³.

³ Рыкачев А.П. Год Наваринской кампании. 1827 и 1828 гг. Кронштадт, 1877. С. 4.

Моряки эскадры Л.П. Гейдена помнили не только об экспедиции Сенявина, но и о Чесменской победе, о подвигах моряков Ф.Ф. Ушакова, совершенных в тех же средиземноморских водах. Да и само название *Наварин* уже встречалось ранее в русских военных реляциях. В 1770 г. в ходе Архипелагской экспедиции морской отряд под командованием бригадира И.А. Ганнибала, деда великого русского поэта А.С. Пушкина, овладел Наваринской крепостью. А.С. Пушкин гордился военными подвигами своего деда:

—
180

Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин⁴.

О подъеме, которым были охвачены русские моряки накануне Наваринского боя, можно судить по следующей записи в дневнике Рыкачева: «Нельзя желать лучшего расположения духа, как у нас теперь между офицерами и рядовыми. Все как будто оживилось какою-то необыкновенной силой. Там, где в обыкновенное время ворочали пушку восемь человек, теперь с легкостью четыре. Наши матросы живы, веселы и только смотрят в глаза своим офицерам, ожидая их приказаний»⁵.

В час дня 8 (20) октября 1827 г. союзный флот, выстроенный в две колонны — правую из английских и французских кораблей и левую из русских, — начал входить в Наваринскую бухту, для того чтобы стать на якорь напротив турецко-египетского флота. Отданный перед этим приказ Кодрингтона гласил: «Ни одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде, нежели будет сделан на то сигнал, разве только в таком случае, если огонь откроется с турецкого флота»⁶. Но такой случай произошел. С турецкого брандера обстреляли шлюпку с английским офицером, посланным в качестве парламентаря. Офицер и часть гребцов были убиты. Английские и французские корабли открыли ответный огонь. Ружейная перестрелка переросла в артиллерийскую, и сражение сделалось всеобщим.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 3. С. 199.

⁵ Рыкачев А.П. Указ. соч. С. 56.

⁶ Там же. С. 58.

Весь бой шел на коротких дистанциях и характеризовался большим ожесточением и разрушительностью. Около 100 боевых кораблей с несколькими десятками тысяч человек на борту сражалось в узкой, практически закрытой бухте. «Сражение, — говорилось в современном русском описании, — происшедшее на столь тесном пространстве и в таком, почти отчаянном положении, не могло быть иное, как самое кровопролитное, губительное и решительное. Два флота, почти сцепившись рея с реями, подобны были двум бешеным поединщикам, искавшим не жизни и победы, а смерти бедственной, но славной. Ни друзья, ни недруги не могли уже уклониться, или избегнуть совершенно конечного истребления: малейшая неудача в движении или неудача в стрельбе должно было сопровождаться верной гибелью»⁷.

Огонь русских кораблей был метким и мощным. Особенно успешно действовали артиллеристы «Азова». Ведя одновременно бой с пятью кораблями, они потопили два больших фрегата и корвет, тяжело повредили 80-пушечный линейный корабль, который выбросился на мель и был взорван. Был также сильно поврежден и на следующий день сгорел двухпалубный фрегат, на котором держал свой флаг командир турецкой эскадры Тахир-паша.

В ходе продолжавшегося около четырех часов сражения русская эскадра разгромила правый фланг турецко-египетского флота. Столь же успешно сражались англо-французские корабли против левого фланга неприятеля.

Все русские моряки, от адмирала до матроса, проявили в бою мужество, верность служебному долгу, воинское мастерство. «Не нахожу достаточных выражений, — писал Л.П. Гейден в своем рапорте Николаю I от 12 (24) октября 1827 г., — дабы изъяснить вашему величеству храбрость, присутствие духа и усердие капитанов, офицеров и нижних чинов, оказанные ими во время кровопролитного сего сражения; они дрались как львы против многочисленного, сильного и упорного неприятеля»⁸.

В своем донесении Гейден отметил некоторых, особенно отличившихся в бою офицеров своей эскадры:

⁷ Броневский В. Наваринская битва 8 октября 1827 г. // Военный журнал. 1829. № 3. С. 31.

⁸ Лазарев М.П. Документы. М., 1952. Т. 1. С. 323.

«Неустрасимый капитан 1-го ранга Лазарев 2-й управлял движением “Азова” с хладнокровием, искусством и мужеством примерным; капитаны Авинов, Хрущев, Богданович и Свинкин равно отличались. Сей последний, хотя при начале дела был ранен картечью, но продолжал командовать во все сражение, держась около четырех часов за канат и на коленях на палубе своего корабля». В донесении говорилось и о мужественном поведении лейтенанта Буренева с корабля «Азов». Ему «раздробило ядром руку; несмотря на чрезмерную боль, он оставался при своем месте, у батареи, бывшей в его распоряжении»⁹.

—
182 В числе отличившихся в бою были и лейтенант Павел Нахимов, мичман Владимир Корнилов и гардемарин Владимир Истомина. Для этих будущих адмиралов, героев Севастопольской обороны 1854–1855 гг., Наваринская битва стала боевым крещением. Все трое фигурировали в списке отличившихся в бою офицеров, представленных к награждению¹⁰. О Нахимове в этом представлении говорилось, что он «находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке, действовал с отличной храбростью и был причиной двукратного потушения пожара, начавшегося было от попавших в корабль брандсугелей». О самой битве и своему участи в ней Нахимов сообщал в письме от 4 (16) ноября 1827 г. своему другу М.Ф. Рейнеке: «Кровопротитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре ничего подобного не видали... Я не понимаю, любезный друг, как я уцелел. Я был наверху, на баке, у меня было 34 человека, из которых шестерых убило и 17 ранило, меня даже и щепкой не тронуло»¹¹. О Корнилове в представлении говорилось, что он «командовал 3 пушками нижнего дека и действовал как весьма деятельный и храбрый офицер». В представлении отмечено было и мужественное поведение в бою Истомина: «Он, Истомина, назначен был командовать некоторыми орудиями в верхнем деке и исполнял долг свой храбро и с отличным усердием».

За Наварин будущие герои Севастополя получили свои первые боевые награды. Нахимов был награжден орденом

⁹ *Богданович Б.В.* Наварин. 1827–1877. М., 1877. С. 47–48.

¹⁰ См.: *Лазарев М.П.* Указ. соч. С. 330, 332.

¹¹ *Нахимов П.С.* Документы и материалы. М., 1954. С. 75–76.

Св. Георгия 4-й степени и произведен в капитан-лейтенанты, Корнилов получил орден Св. Анны 4-й степени, а Истомин был награжден серебряным крестом Св. Георгия и произведен в мичманы.

Моряки союзных эскадр действовали в бою дружно и в критический момент приходили друг другу на выручку. Примеры такой взаимовыручки приводил Л.П. Гейден в своем рапорте Николаю I от 13 (25) ноября 1827 г. Так, командир французского корабля «Бреславль» Ла-Бретоньер, увидев, что «Азов» подвергается интенсивному обстрелу, немедленно отрубил свой канат и занял место между «Азовом» и английским кораблем «Альбион», чем принял на себя часть вражеского огня. В свою очередь «Азов», хотя сам был окружен неприятельскими кораблями, направил огонь своих 14 орудий против 80-пушечного египетского корабля, с которым сражался английский флагман «Азия». В результате вражеский корабль вскоре взлетел на воздух¹². «Никакой в мире флот, — говорилось в приказе Кодрингтона после сражения, — не оказывал в подобной степени такого совершенного единодушия, такого полного согласия, какими одушевлены были эскадры трех союзных держав в сей столь кровопролитной битве»¹³.

Наваринский бой закончился почти полным уничтожением султанского флота. Некоторые свои корабли, утратившие боеспособность, турки сами взорвали на следующий день. В итоге из грозной армады, насчитывавшей более 60 военных судов, уцелел один фрегат и 15 мелких кораблей. Потери в людях турков-египтян составили 6 тыс. человек убитыми и 4 тыс. ранеными.

Союзники потеряли около 750 человек убитыми и ранеными. Потери англичан составили 79 убитыми, 205 ранеными, французов — 43 убитыми и 141 ранеными. На русской эскадре было убито 57 человек и ранено 141¹⁴.

Соединенная эскадра не потеряла ни одного судна, но многие, особенно адмиральские, корабли были сильно повреждены. Из русских кораблей особенно пострадал «Азов». В его корпусе было насчитано 153 пробоины, в том числе семь подводных. Мачты русского флагмана были так избиты, что после

¹² ВПР. Серия II. Т. VII (XV). С. 302–303.

¹³ Андриенко В.Г. До и после Наварина. М., 2002. С. 162.

¹⁴ Нахимов П.С. Указ. соч. С. 75.

боя с трудом удалось поднять паруса. Вследствие полученных тяжелых повреждений «Азов», после окончания средиземноморской кампании, был списан из состава флота. Вместо него в строй российского флота вошел новый корабль, который для увековечения подвига «Азова» в Наваринском бою получил название «Память Азова».

Эхо от пушечного грома в Наваринской бухте быстро раскатилось по Греции и всей Европе. Весть о Наваринской победе вызвала чувство радости и облегчения у греков и всех их друзей. Европейское общественное мнение расценило Наварин как триумф филэллинизма.

—
184 Реакция же правительств союзных держав на это событие была смешанной. В Петербурге целиком одобрили действия Л.П. Гейдена как полностью соответствующие Лондонскому договору и содействующие его выполнению. В Лондоне же сочли, что Э. Кодрингтон нарушил свои инструкции. Английский король Георг IV в тронной речи, произнесенной 29 января 1828 г., назвал Наварин «неудачным происшествием» и выразил сожаление по поводу столкновения британского флота «с морской силой старинного союзника»¹⁵. Через несколько месяцев Э. Кодрингтон был смещен со своего поста.

Для Порты и ее военачальников Наварин стал неожиданным и тяжелым ударом. Утверждают, что Ибрахим-паша, рассчитывавший, что союзный флот будет уничтожен в Наваринской бухте, сказал с досадой после боя: «Кто же мог знать, что у них корабли железные, а люди настоящие черти»¹⁶.

Всю свою ярость за Наварин Порта обратила на Россию. В апреле 1828 г. началась русско-турецкая война. Русское правительство дало тогда указание Гейдену рассматривать греков как «своих естественных союзников» и оказывать им всякую помощь¹⁷. В соответствии с указанием правительства русские моряки снабжали греков пушками, патронами, порохом. Русская эскадра продолжала блокаду кре-

¹⁵ Memoir of the life of Admiral Sir Edward Codrington. L., 1873. Vol. 2. P. 178–179.

¹⁶ Рыкачев А.П. Указ. соч. С. 75.

¹⁷ Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. Приложения. С. 68.

постей и портов Греции, удерживаемых турецкими войсками. Операционной базой русского флота в греческих водах стал остров Порос. Русские корабли посещали и другие греческие острова и порты, и население неизменно оказывало им самый горячий прием. Вот что пишет в своих записках Александр Рыкачев о посещении русским бригом «Охта» острова Корфу:

«Бриг с утра до ночи был полон народа, некоторые даже целовали руки у матрос и считали за особое счастье, если им удавалось хотя дотронуться до одежды офицеров. Когда русские съезжали на берег, то греки нигде и ни за что не хотели брать с них денег, вообще энтузиазм их был так велик, что начальник или комиссар Ионических островов [острова были тогда под господством Англии. — Г. А.] стал наконец просить Никольского (командира судна) не пускать никого к себе на бриг, во избежание беспорядков в народе, и, со своей стороны, запретил жителям Корфу не только без нужды ездить на бриг, но и собираться большими толпами у пристани»¹⁸.

Осенью 1828 г. прибывшая в Средиземное море новая русская эскадра под командованием контр-адмирала П.И. Рикорда приступила к блокаде Дарданелл. Блокада эта, осуществлявшаяся с большой тщательностью, не только лишила Константинополь подвоза продовольствия, но и помешала турецкому флоту выйти в море для операций против греческих повстанцев¹⁹. В сентябре 1829 г. Адрианопольский мир завершил победоносную для России войну. Порта вынуждена была признать автономию, а через некоторое время — и независимость Греции.

Тяжелая и кровавая борьба греческого народа за национальное освобождение пришла к успешному концу. В немалой степени этому результату способствовала Наваринская битва. Свою лепту в достижение этого успеха внесли и русские моряки: герои Наварина, другие участники средиземноморского похода русского флота.

17 (29) июня 1830 г. Иоанн Каподистрия писал Л.П. Гейдену, отдавая должное вкладу русских моряков в освобождение Греции: «Российская эскадра оставила уже наши моря

¹⁸ Рыкачев А.П. Указ. соч. С. 126.

¹⁹ Подробнее см. очерк настоящего издания: «Российская эскадра адмирала П.И. Рикорда в Греции (1828–1833)».

и В. С-во последуете за нею. Греция, привыкшая считать ея присутствие, а равно и Ваше, за великое благодеяние, должна изъявить Вам, посредством своего Правительства, признательность свою за великодушное участие, которое приняли Вы, со всеми офицерами Вашего отряда, в ея возрождении»²⁰.

²⁰ *Базили К.* Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах. СПб., 1834. Ч. 1. С. 177.

РОССИЙСКАЯ ЭСКАДРА АДМИРАЛА П.И. РИКОРДА В ГРЕЦИИ (1828–1833)

Эпоха борьбы Греции за освобождение и независимость неразрывно связана с именами некоторых видных российских адмиралов. Один из них, П.И. Рикорд, внес существенный вклад в успешное завершение греческой национально-освободительной войны. Он принимал активное участие в политической жизни Греции, был связан дружескими узами с ее первым президентом Иоанном Каподистрией. Но в отличие от его предшественников — Г.А. Спиридова, Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина — военная и политическая деятельность П.И. Рикорда в Греции почти не получила освещения в историографии¹. Задачей настоящего очерка является ликвидация (в определенной мере) этого пробела. Это позволяют сделать как недавно опубликованные документы², так и материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ).

Начнем с предыдущих этапов службы П.И. Рикорда в российском флоте, которые также весьма достойны внимания. Будущий российский адмирал происходил из города Ницца. Отец его Жан Батист (Иван Игнатьевич) поступил на российскую военную службу и дослужился до майора. Его старший сын Петр родился 29 января (9 февраля) 1776 г. С самых юных лет вся его жизнь была связана с морской службой³. В 1786 г. по просьбе

¹ Единственным известным нам исключением является книга: Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. Авторы использовали архив П.И. Рикорда, предоставленный в их распоряжение вдовой адмирала Л.И. Рикорд.

² См.: ВПР. М., 1995, 2005. Т. 16–17.

³ См.: Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 4. С. 666–667.

отца он был определен в Морской Кадетский корпус. В 1794 г. он был произведен в мичманы, первый офицерский чин. Рикорд получил большую морскую практику, участвовал в ряде компаний, плавал и в северных, и в южных морях. Любознательный юноша старался расширить свои познания в морском деле. Помимо тех возможностей, которые давала в этом отношении служба, он не упускал никакого случая для совершенствования в своей профессии. Такой случай предоставила ему служба в 1795–1800 гг. на российских эскадрах, посланных на помощь Англии в ее войне с Францией. Участие русского флота в боевых действиях было не очень значительным. Это давало возможность Рикорду вместе с несколькими товарищами проживать некоторое время в Лондоне и, как пишет его биограф, совершенствоваться в науках, относящихся главным образом к морскому делу⁴. После же того, как русские корабли ушли из британских морей, Рикорд в числе других офицеров был командирован в качестве волонтера в английский флот. Под флагом «владычицы морей» он плавал свыше двух лет, с 1803 по 1805 г., благодаря чему существенно обогатил практикой свои познания в морском деле.

Вскоре после возвращения в Россию лейтенант Рикорд отправился в кругосветное путешествие, продолжавшееся пять лет (с 1807 по 1812 г.). Экспедиция эта на шлюпе «Диана» под командованием известного мореплавателя В.М. Головнина имела целью географическое описание северной части Тихого океана, прежде всего Курильских островов. Во время экспедиции в 1811 г. Головнина захватили в плен японцы, и он был освобожден через два года благодаря усилиям Рикорда, совершившего с этой целью три экспедиции к берегам Японии.

Во время этих поездок проявились выдающиеся способности морского офицера по установлению официальных и дружеских контактов с самыми разными людьми. Он сумел приобрести преданных друзей и среди японцев, чему способствовало овладение им в определенной мере японским языком. Рикорд был одним из первых русских, побывавших в Стране восходящего солнца, закрытой тогда для иностранцев. В 1816 г. он издал записки о своем путешествии, и они были переведены на основные европейские языки.

На восточной окраине России Рикорд приобрел и опыт административной деятельности: в 1817 г., уже в чине капитана

⁴ Греч Н. Биография адмирала Петра Ивановича Рикорда // Морской сборник. СПб., 1855. Т. XIX. № 11. С. 3.

первого ранга, он был назначен начальником Камчатки и занимал эту должность пять лет. Но отважного моряка ждала еще самая сложная и ответственная часть его карьеры — участие в освобождении Греции и в очень непростой политической жизни послереволюционной страны.

В 1821 г. греческий народ поднялся на борьбу за свержение тяжелого османского ига. Ведущие европейские державы того времени — Англия, Россия и Франция, — отнесшиеся первоначально к Греческой революции отрицательно, в 1827 г. заключили в Лондоне договор, по которому признавалась автономия Греции и предусматривались принудительные меры для ее достижения. Результатом договора стала Наваринская битва 8 (20) октября 1827 г., в которой соединенная эскадра трех держав пустила ко дну турецко-египетский флот. Достойный вклад в эту победу внесла русская эскадра под командованием вице-адмирала Л.П. Гейдена.

После Наварина Россия, единственная из участников тройственного союза, объявила в апреле 1828 г. войну Османской империи. Основные военные операции развернулись на сухопутном театре, в Дунайских княжествах и Болгарии. В Петербурге считали, что и российская эскадра в Средиземном море тоже должна быть задействована в боевых действиях против турок. Она, совместно с Черноморским флотом, могла бы обеспечить полную блокаду Константинополя и тем самым принудить Порту к миру. Исходя из этих соображений, из Кронштадта на подкрепление Гейдена в июня 1828 г. вышла эскадра П.И. Рикорда, произведенного к этому времени в чин контр-адмирала. Еще до прибытия в октябре 1828 г. Рикорда со своими кораблями на Мальту, где стояла эскадра Гейдена, ее командующий получил директиву относительно использования вновь прибывших из России кораблей. В депеше вице-канцлера К.В. Нессельроде Л.П. Гейдену от 14 (26) августа 1828 г. указывалось, что по прибытии отряда Рикорда на Мальту ему надлежит выделить группу кораблей для блокады Дарданелл, достаточно сильную для борьбы с османским флотом⁵.

Решение правительства Николая I о блокаде Дарданелл было объявлено российским представителем 18 (30) сентября 1828 г. на конференции трех держав в Лондоне, занимавшейся урегулированием греческого вопроса. Сообщение это вызвало раздражение сент-джеймского кабинета, расценившего

⁵ ВПР. Т. XV. С. 721.

действия России как нарушение свободы торговли и удар по британской торговле в Средиземном море. Реакция Лондона в отношении предполагаемой российской блокады Дарданелл была столь враждебной, что в российском МИДе рассматривалась возможность возникновения войны между Россией и Великобританией⁶. Для уменьшения напряженности в англо-русских отношениях Николай I должен был смягчить условия блокады. Гейден, получив указания Нессельроде, выделил для блокады Дарданелл отряд из четырех кораблей: 84-пушечного линейного корабля «Фершампенуаз», 64-пушечного линейного корабля «Эммануил» и 44-пушечных фрегатов «Мария» и «Ольга». В инструкции, которую Гейден дал командующему отрядом Рикорду, говорилось, что он должен был «блокировать Дарданеллы и Константинополь, дабы воспрепятствовать провозу провианта в сию столицу». В дальнейшем было разъяснено, что понятие «провиант» включает лишь предметы первой необходимости, такие как пшеница, мука, сухари, рис. В инструкции был и специальный пункт о необходимости препятствовать отправке Портой подкреплений и материалов для ее войск, которые вели войну в Греции: «Пропускать свободно из Дарданелл все суда, не имеющие войск и военных снарядов против греков, в противном случае велеть идти обратно и силу отражать силою»⁷.

11 (23) октября 1828 г. небольшая эскадра Рикорда покинула Мальту и направилась в Архипелаг. 2 (14) ноября она подошла к острову Тенедос (Бозджаада) и расположилась на якоре между этим островом и берегом Анатолии. Этим путем, как правило, следовали все суда, направлявшиеся в Константинополь. В истории русского флота это была не первая попытка блокировать Константинополь со стороны Средиземного моря. Так, во времена Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. эскадра контр-адмирала А.В. Елманова пять месяцев (март-июль 1772 г.) крейсировала у Дарданелл, заперев проход к столице Османской империи. В 1807 г., через 35 лет, другой российский адмирал Д.Н. Сенявин в течение нескольких месяцев блокировал Дарданеллы. Тогда Тенедос был взят штурмом русскими моряками.

В 1828 г. ситуация для операций российского флота у входа в Дарданеллы была иной, но достаточно сложной. Для их проведе-

⁶ Там же. С. 18–19.

⁷ Блокирование Константинополя эскадрой под начальством г-на контр-адмирала Рикорда // Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского величества. СПб., 1830. Ч. VI. С. 185.

ния Рикорд располагал ограниченными силами: 15 (27) декабря 1828 г. он отправил линейный корабль «Фершампенуаз» обратно к Гейдену и остался для зимней блокады Дарданелл только с тремя кораблями. Эта небольшая эскадра должна была полностью контролировать и в определенной степени перекрыть то огромное движение судов к османской столице и из нее, которое не прекращалось во время русско-турецкой войны.

В статье, опубликованной в 1855 г. в «Морском сборнике»⁸, так говорится об условиях, в которых вели русские моряки эту блокаду, составляющую славную и малоизвестную страницу в истории русского флота: «Погода была ненастная, бурная и холодная. Большую часть дул крепкий северо-восточный ветер; суда наши часто бросали два якоря, но при бурных порывах ветра и сильном волнении нередко рвались у них канаты; часто случались также снежные метели, дожди, морозы до двух градусов (Реомюра) днем и до пяти ночью. Но и в такое время не прекращались опросы судов и ночные объезды на шлюпках, при постоянной быстроте течения моря в этом месте, от трех до пяти верст в час, с северо-востока. Суда наши всегда были в состоянии встретить неприятеля и отразить брандеры, которые, как носился слух, готовились в Дарданеллах. Все это показывает, какие труды понесены русскими моряками в продолжение этой достопамятной экспедиции. Славный английский адмирал Коллингвуд* признавал за невозможное блокаду Дарданелл в зимнее время, но неустрашимый и предприимчивый Рикорд доказал на деле противное...». Как говорится в этой статье далее: «Русские крейсера не давали туркам отдыха; постоянно осматривали все места, прилегающие к ущельям Дарданелл, и прекращены все подвозы в Константинополь морем. В Смирне собралось тогда до полутораста купеческих судов из Египта с хлебом, но они не смели идти далее».

В течение блокады Дарданелл, продолжавшейся десять месяцев, российская эскадра не испытывала каких-либо проблем со снабжением: она получала все необходимое на близлежащих к проливу островах. Жили на этих островах в основном греки, а управляли ими турки — наместники Порты. Рикорд сумел

* К. Коллингвуд (1760–1810) — адмирал, соратник Нельсона, командовавший британским флотом в Средиземном море.

⁸ Мосолов К. Обозрение действий эскадры под начальством контр-адмирала Рикорда в Средиземном море // Морской сборник. СПб., 1855. Т. XIX. № 11. С. 21–22.

установить с ними деловые и даже дружественные отношения, проявив при этом свои недюжинные дипломатические способности. При появлении русских кораблей у Тенедоса правитель его, турецкий паша, послал своих представителей к Рикорду, чтобы выяснить, с какой целью корабли прибыли к острову. Командующий эскадрой ответил им, что «мы должны нанести туркам всевозможный вред как нашим неприятелям, но если паша позволит грекам свободно приезжать на суда нашей эскадры и доставлять воду и свежую провизию, в таком случае никаких военных действий против острова предпринято не будет». Паша, которого, судя по всему, перспектива сражения с русскими кораблями не вдохновляла, поспешил принять это предложение. Уже на следующий день русские суда были окружены лодками греков, «выехавшими с разными для продажи припасами, как будто в дружественном порту»⁹. Однако остров Тенедос в силу недостаточности своих ресурсов не мог обеспечить эскадру всем необходимым. Недостающие припасы адмирал смог найти на острове Тасос, близ побережья Македонии. Рикорд отправился туда на фрегате «Мария» и встретился с правителем острова Хаджи Лемак-агой, который согласился исполнять все его требования. В «Историческом журнале 1829 и 1830 годов», в котором описаны действия Рикорда в период блокады Дарданелл, в том числе и этот эпизод, дается высокая и справедливая оценка проявленной адмиралом еще в Японии способности устанавливать человеческие контакты: «Вот та, свыше немногим данная, тайна привлекать к себе простыми и дл других непонятными и невозможными средствами сердца самих врагов своих»¹⁰.

В феврале 1829 г. эскадра Рикорда, получив подкрепление, усилила блокаду Дарданелл. Русские крейсера осматривали все места, принадлежавшие к проливу, препятствуя какому-либо подвозу продовольствия в Константинополь. С апреля 1829 г. началось безостановочное и непрерывное движение судов различных наций и с разными целями в сторону Дарданелл. Однако это не приостановило блокаду, но еще более придвинуло ее к проливу.

Разумеется, многие купцы пытались обойти блокаду и провезти в Константинополь обходным путем провиант и оружие, цены на которые в городе ежедневно росли. В качестве такого

⁹ Блокирование Константинополя... С. 190–191.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 66. Л. 79.

обходного пути они рассматривали порт Энос (Энез) на побережье Румелии*, откуда можно было вдоль берегов и по рекам провозить товары в Константинополь. При этом возможность использования этого порта мотивировалась тем, что официально блокада на него не распространялась. В связи с этим в марте 1829 г. Рикорд просил голландского консула в Смирне (Измир) Ван Лекена сообщить всем купцам и консулам, «что начальствующий при блокаде Дарданелл и Константинополя российской эскадрой принял необходимо нужным объявить порт Энос и все прочие гавани до самого залива Контесо в блокаде»¹¹. Таким образом, зона блокады распространялась почти на все побережье Македонии. В Лондоне, где внимательно следили за всеми операциями российского адмирала у Дарданелл, предпринятое им расширение блокады вызвало сильное недовольство. В связи с этой реакцией английских правящих кругов на действия Рикорда К.В. Нессельроде по поручению Николая I сообщил 20 мая (1 июня) 1829 г. Л.П. Гейдену, что в зону блокады Дарданелл, помимо самого пролива, входят только «неотделимые от него Саросский и Энейский заливы, включая устье Марицы»¹². Тем самым император, не желая обострения отношений с Великобританией, отменил произведенное Рикордом по собственной инициативе расширение зоны блокады Дарданелл.

Блокада Дарданелл, сочетавшаяся с подобными же действиями Черноморского флота со стороны Босфора, дала свои плоды. Недостаток продовольствия вынудил Порту ввести нормирование его в столице, но мера эта оказалась малоэффективной. Среди бедных слоев населения, наиболее страдавших от нехватки продуктов и их дороговизны, произошли волнения. Ухудшение положения в столице привело также к активизации группировки в Диване**, выступавшей за прекращение военного конфликта с Россией¹³. В общем, давление на Константинополь, важной составной частью которого была блокада Дарданелл, облегчило победу России в войне с Турцией. Существенным результатом блокады было и то, что ни

* Румелия — в начале XIX в. значительная часть Европейской Турции, включавшая в себя континентальную Грецию.

** Диван — совещательный орган при султанах.

¹¹ Там же. Л. 88. Исторический журнал 1829 и 1830 годов.

¹² ВПР. Т. XVI. С. 208.

¹³ *Щерemet В.И.* Турция и Адрианонопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 52–53.

один турецкий корабль с войсками и снаряжением не вошел в Эгейское море, что способствовало успешному завершению борьбы Греции за независимость.

В ходе блокады проявились высокие профессиональные качества руководившего ею П.И. Рикорда. По словам историка блокады, опубликовавшего свою статью уже после смерти Рикорда, «сам покойный адмирал до конца дней своих с гордостью вспоминал об этой экспедиции как о труднейшем и удачнейшем из всех его подвигов»¹⁴. Между тем, адмирала еще ждали годы пребывания в Греции, наполненные трудностями и тяжелыми испытаниями.

—
194 По Адрианопольскому договору от 2 (14) сентября 1829 г., завершившему русско-турецкую войну, Порта вынуждена была признать автономию Греции. По Лондонскому протоколу от 3 февраля 1830 г. державы-покровительницы признали независимость Греции, но в сильно урезанных территориальных рамках. Тем же протоколом державы определили форму правления Греции как наследственную монархию. Несмотря на видимое дипломатическое урегулирование греческого вопроса, державы не спешили выводить свои эскадры из греческих вод. Оставался на месте и сухопутный корпус, введенный Францией в августе 1828 г. в Морею.

К долговременному пребыванию в Греции готовились и русские моряки. В мае 1828 г. на небольшом островке Порос, у берегов Пелопоннеса, была учреждена стоянка русской эскадры. На острове было проведено большое строительство, завершенное в 1829 г. Были сооружены долговременные постройки: главный магазин, хлебный двор, кузница, пристань и даже горячая баня, возведенная в соответствии с русскими привычками¹⁵.

Между тем в составе русской эскадры в Греции произошли серьезные изменения. Все большие корабли постепенно выводились из греческих вод. В связи с этим построенная русскими моряками база на острове Порос была передана греческому правительству. Командующим же оставшимися русскими силами на Средиземном море в январе 1830 г. был назначен контр-адмирал П.И. Рикорд.

Рикорд непосредственно подчинялся начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову, но ввиду важного политического характера его миссии он слал свои донесения также

¹⁴ Мосолов К. Обзорение... С. 23.

¹⁵ Полевой В.М. Искусство Греции. Новое время. М., 1975. С. 192–193.

вице-канцлеру К.В. Нессельроде и получал от него инструкции. Эти инструкции от 4 (16) января 1830 г. включали в себя два основных пункта: 1) об отношениях с Каподистрией, 2) об отношениях с адмиралами союзных держав. Относительно отношений с президентом Греции здесь говорилось, что они должны быть постоянными и конфиденциальными. Адмирал должен был оказывать главе греческого государства самое усердное содействие в случае угрозы для безопасности страны и для ее внутреннего спокойствия. Что же касается отношений с иностранными адмиралами, то они должны были носить «характер примирения и откровенности»¹⁶. Рикорд в своей деятельности старался придерживаться этих указаний, хотя их выполнение, особенно второго пункта, зависело не только от него.

Сразу же после прибытия в свободную Грецию из-под Дарданелл Рикорд постарался встретиться с Каподистрией и лично ознакомиться с положением в стране. В результате поездки в Пелопоннес он вынес весьма благоприятное впечатление о первых результатах правления Каподистрии: «Я имел случай объехать часть плодоносной Арголии до Коринфского перешейка и везде слышал благословения, возсылаемые Президенту, которого кроткие поселяне, ныне спокойно земледельческими работами занимающиеся, называют Барбо Иани, т.е. дядюшка или дедушка Иван. Сделав токмо шаг в Морею, можно удостовериться, что такое граф Каподистрия для Греции!.. Да поможет ему Всемогущий Бог, под покровительством трех высоких держав, совершить великое для человечества дело возведением Греции в достоинство европейских наций»¹⁷.

Между тем перед Грецией и ее правителем после завершения войны за независимость встали новые серьезные проблемы. Прежде всего, речь идет о судьбе населения некоторых греческих территорий, оставшихся после освободительной войны за бортом греческого государства. В их числе был самый большой греческий остров Крит и другой большой остров — Самос. Жители этих островов боролись и проливали кровь за общее дело, но державы оставили их в пределах Османской империи. Рикорд, руководствуясь полученными инструкциями, старался содействовать Каподистрии в облег-

¹⁶ АВПРИ. Оп. 469. 1830. Д. 221. Л. 42.

¹⁷ См.: Буря и ея действие на фрегат Елисавету под начальством К.Л. Чистякова // Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского величества. СПб., 1830. Ч. VI. С. 214–215.

чении положения греков, оставшихся под властью Порты. Так, в его письме президенту от 8 (20) февраля 1831 г., говорилось, что египтяне, под господство которых султан передал Крит, препятствуют, вопреки положениям Лондонского протокола 1830 г., эмиграции критян в Грецию. Рикорд предлагал Каподистрии для осуществления эмиграции направить к острову несколько судов в сопровождении одного из русских бригов, «дабы они приняли на борт тех жителей, коим происки египтян мешали до сих пор обрести безопасность»¹⁸.

Со своей стороны Каподистрия делал все возможное, чтобы облегчить эмиграцию критян в освобожденную Грецию. Однако переселенцы были лишены каких-либо ресурсов и находились в крайней нищете. Обращение Каподистрии к народу с призывом оказать помощь эмигрантам почти ничего не дало. Тогда на помощь нищенствующим переселенцам пришел Рикорд. Адмирал провел подписку в пользу беженцев из Крита среди офицеров русской эскадры.

Было собрано 500 испанских талеров*, которые Рикорд отослал Каподистрии вместе со своим письмом. В ответном письме президент просил передать благодарность русским офицерам за этот «благотворительный поступок»: «Он увеличивает число добрых дел, совершенных под великодушным покровительством Вашего превосходительства теми, которые дали уже столько доказательств благодетельного участия своего в пользу Греции»¹⁹.

Не все обстояло благополучно и с передачей греческому государству территорий, которые по решению держав должны были войти в его состав, но продолжали удерживаться турками. Имеются в виду Аттика и большой остров у побережья Румелии Негропонт (Эвбея). Турки не только препятствовали воссоединению этих земель с Грецией, но и продолжали притеснять их жителей. Получив сообщение от Каподистрии о притеснениях, которым турки подвергали население Негропонта, Рикорд послал к острову бриг «Улис». Адмирал сообщил начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову 1 (13) ноября 1830 г. о результатах этой экспедиции: «Г-н капитан-лейтенант Кротов донес мне, что присутствие рус-

* Испанский талер, широко циркулировавший в те годы в Греции, был равен приблизительно пяти рублям ассигнациями.

¹⁸ ВПР. Т. XVII. С. 261–262.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. 1830–1831. Д. 67. Л. 220–221.

ского военного брига произвело там желаемое действие, и что, кажется, турки впредь удержатся от притеснений»²⁰.

Греков (да и не только греков) волновала судьба Афин — древней столицы их государства, вывод из которой турецких войск сильно задерживался. Союзные адмиралы смогли сами ознакомиться с лежавшими тогда в развалинах Афинами, посетив их инкогнито вместе с президентом в январе 1831 г. Греки с нетерпением ожидали возвращения им Афин и начала возрождения вечного города. И это относилось не только к жителям новорожденного греческого государства. Имеются сведения, что в ожидании этого события многие греческие семейства из Одессы и Таганрога стали переселяться в Грецию²¹.

Между тем, внутривосточная ситуация в Греции к середине 1830-х гг. серьезно осложнилась. Против Каподистрии в стране сформировалась оппозиция, которую возглавила региональная элита, недовольная централизаторской политикой президента. Очагом ее стал мореходный остров Идра. Судовладельческая олигархия Идры добивалась возмещения военных убытков и приобщения к государственной власти. Опору на континенте она нашла в лице семьи Мавромихалисов, боровшейся за сохранения своей полуфеодальной власти на юге Пелопоннеса. О мотивах действий бея Майны (Мани), горной области Пелопоннеса, П.И. Рикорд писал 25 июня (7 июля) 1830 г. К.В. Нессельроде: «Бей Майны Мавромихалис, поддержанный своей многочисленной семьей, пользующейся большим авторитетом в стране, пытался разжечь мятеж в Маратониси под предлогом всеобщего недовольства против губернатора, которого президент туда назначил, но на самом деле только для того, чтобы попытаться присвоить доходы этой провинции»²².

Своекорыстные интересы верхов оппозиции прикрывались конституционалистскими лозунгами, призывами к созыву Национального собрания. Распространению оппозиционности на более широкий слой способствовала и Июльская революция во Франции, поднявшая новую революционную войну в Европе. В интересах главарей оппозиции было и охватившее широкие круги общества недовольство, одной из главных причин

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 557. Л. 18.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. 1830–1831. Д. 67. Л. 180–181. Афины были переданы Греции только в апреле 1833 г.

²² АВПРИ. Оп. 469. 1830. Д. 221. Л. 3. Маратониси — населенный пункт на побережье Лаконии (Южный Пелопоннес).

которого стал подбор Каподистрией людей для своей администрации. Как заметил Рикорд в своем донесении Нессельроде от 15 (27) июля 1831 г., «народ изливает свое недовольство, негодуя не против президента, а против его братьев и окружения»²³. Речь идет здесь о братьях президента Виаросе и Августиносе, получивших важные назначения. В том же донесении Рикорд подробно рассматривает причины создавшейся в стране ситуации и ее последствия для русско-греческих отношений.

Оппозицию поддерживали и поощряли Англия и Франция, недовольные независимым внешнеполитическим курсом Каподистрии. О действиях представителей Англии и Франции, усугублявших ситуацию в стране, Рикорд писал: «Английский и французский резиденты, несмотря на инструкции своих министерств, открыто осуждая членов оппозиции, постоянно адресуя им публичные предупреждения, не прекращают тайно их поддерживать и используют любые средства, чтобы раздуть это пламя раздора...». Обострение внутренней обстановки в стране Рикорд связывал и с недостаточностью мер, которые предпринимал Каподистрия для ее стабилизации. По мнению Рикорда, Каподистрия должен был ответить на брошенный ему вызов решительными контрмерами; вместо этого он использует корабли русской эскадры для устрашения мятежников. В результате, продолжал Рикорд, «наши действия выглядят самочинными и способны лишь вызвать ненависть к российскому имени».

Такие настроения в Греции действительно появились. В качестве примера адмирал приводил отношение к русским жителям острова Порос, являвшийся прежде базой русского флота, а потом превратившийся в один из очагов мятежа: «Жители Пороса, осыпанные благодеяниями со стороны офицеров нашей эскадры, имеющие теперь школу, построенную за счет этих офицеров, — эти островитяне и выжили-то лишь благодаря нам, чьи дома были построены на наши деньги, чьи больные бесплатно лечились у наших врачей... именно эти люди выказывают себя самыми яркими нашими врагами, как только наша эскадра покинула их остров». И Рикорд столкнулся в Греции с тем, с чем его предшественники — русские адмиралы — не сталкивались, хотя и прежде политика России далеко не всегда отвечала политическим стремлениям греков. Тем не менее влияние России в этой единоверной стране оставалось

²³ ВПР. Т. XVII. С. 424.

преобладающим, и антирусских настроений не наблюдалось. Более того, в России греки видели единственную надежду на свое освобождение. В этом отношении характерно высказывание российского дипломата Д.В. Дашкова, посетившего Пелопоннес накануне революции 1821 г. Он писал в донесении посланнику России в Константинополе Г.А. Строганову: «Хотя в пр. известна чрезвычайная приверженность всей Греции к России, Вам трудно представить себе, насколько она сильна у несчастных жителей Мореи. Чем большему гнету они подвергаются, тем сильнее они уповают на нашу помощь»²⁴.

Разумеется, причины происшедших изменений в общественных настроениях в Греции были гораздо более глубокими, чем участие российских кораблей в «устрашении» оппозиции. Дело в том, что в Греции за годы революции влияние России значительно упало, а позиции стран Запада весьма усилились. Вначале реакция и России, и западных держав, в частности Великобритании, на Греческую революцию была одинаково враждебной. Однако вскоре Великобритания, руководствуясь практическим соображениями, сделала благоприятные для революционной Греции шаги: в 1823 г. она признала ее воюющей стороной, а в следующем году ей был предоставлен английский заем. Большой поддержкой для дела греческой свободы стало и филэллинское движение. Сразу после начала революции в Грецию из западных стран, особенно из Англии и Франции, хлынул поток филэллинов — добровольцев, принявших непосредственное участие в освободительной войне. Но при всех происшедших изменениях тяга к России сохранялась у значительной части греческого народа.

Вернемся, однако, к донесению Рикорда от 15 (27) июля 1831 г., содержащему достаточно реалистическую оценку тогдашней ситуации в Греции. «Не станем ли мы, в конце концов, — писал в заключение адмирал, — после всевозможных жертв, которых нам стоила Греция, свидетелями нового провала, увенчанного анархией, порождаемой недоброжелательством, слабостью и невежеством?». Этот пессимистический прогноз оправдался буквально в те же дни.

В ночь на 14 (26) июля 1831 г. группа идриотов в количестве 150 человек под командованием А. Миаулиса, морского военачальника, захватила на острове Порос суда греческого флота: фрегат «Эллас» и корветы «Идра» и «Спец». Целью этой

²⁴ Международные отношения 1815–1830 гг. М., 1983. С. 118.

диверсии было присоединить флот к силам мятежников, распространить мятеж на всю Грецию и свергнуть правительство. Однако благодаря решительным действиям Рикорда мятежникам не удалось вывести корабли национального флота из гавани Порса и начать с их помощью войну на море против правительства. Тогда мятежники взорвали эти корабли. Уничтожение греческого флота в Поросе привлекает внимание современной историографии. Некоторые историки считают виновником этого трагического события Рикорда, который, якобы готовя нападение на захваченные Миаулисом корабли, вынудил того взорвать их²⁵. Однако это утверждение необоснованно. Как опубликованные, так и неопубликованные российские архивные документы позволяют дать более достоверную картину событий на Поросе, приведших к гибели греческого флота²⁶. На основании этих документов можно дать следующую канву происшедших на Поросе в конце июля 1831 г. событий.

После захвата кораблей греческого флота Каподистрия немедленно обратился к командирам союзных эскадр с просьбой содействовать возвращению этих кораблей правительству. На этот призыв сразу откликнулся только Рикорд. К этому времени численность российской эскадры в Средиземном море значительно сократилась. В ее состав входили 44-пушечный фрегат «Княгиня Лович» (флагманский корабль), 20-пушечные бриги «Улиси» и «Телемак» и люгер «Широкий»*. С этой эскадрой из четырех кораблей адмирал 18 (30) июля 1831 г. подошел к Поросу и заблокировал все выходы из порта, чтобы помешать мятежникам вывести захваченные корабли в море. Через пять дней к нему присоединились английская и французская эскадры. Их командиры Лайонс и Лаланд предложили Рикорду вступить в совместные переговоры с Миаулисом, однако тот отказался, считая, что такие переговоры придали бы видимость легитимности действиям мятежников Идры. Тогда английский и французский командиры сами вступили в переговоры с Миаулисом. Как позднее сообщил сам главарь

* Люгер — одномачтовое парусное судно, вооруженное 10–16 пушками небольшого калибра.

²⁵ Woodhouse C.M. Capodistrias: the Founder of Greek Independence. L., 1973. P. 490; Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. Αθήνα, 1988. Σ. 338.

²⁶ ВПР. Т. XVII. С. 464–471; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 222. Л. 23–49.

мятежников, позиция английского и французского командиров во время этих переговоров была двуличной. Формально они осудили действия идриотов и призвали их покинуть Порос, однако Миаулису они доверительно сообщили, что не применят силу против оппозиции, и посоветовали мятежникам создать какой-либо временный орган власти, для того чтобы придать их действиям вид законности²⁷. В тот же день, 25 июля (6 августа) 1831 г., Лайонс и Лаланд покинули Порос, утверждая, что вопрос мог быть решен мирно только в случае уступок со стороны Каподистрии.

Между тем, 27 июля (8 августа) на подступах к Поросу произошло сражение между русскими кораблями и кораблями мятежников. Вызвано оно было агрессивными действиями идриотов. В этот день с Идры к Поросу прибыл корвет на подкрепление мятежников. Он подошел к проходу Монастырской бухты. На острове этот проход блокировали два русских корабля: бриг «Телемак» и люгер «Широкий». Командир «Телемака» послал к корвету шлюпку с целью предупредить его, что доступ в бухту закрыт. По шлюпке с корвета было сделано несколько ружейных выстрелов. К обстрелу русских кораблей присоединились и захваченный мятежниками на острове форт, и стоявший у форта корвет. Нападение мятежников не осталось безнаказанным. Как говорится в российском описании завязавшегося сражения: «30 июля (11 августа) контр-адмирал Рикорд подал сигнал атаковать мятежников. В самом начале один греческий корвет был взорван и еще один выведен из строя. Эта атака вызвала такой ужас среди идриотов, что большинство членов экипажа фрегата «Эллас», корвета «Идра», а также паровых судов, находившихся в поросском порту, разбежались в разные стороны»²⁸. Обе стороны понесли в сражении потери; потери русских составили 6 человек убитыми и 13 — тяжелоранеными.

После этого сражения Рикорд получил сообщение от французского офицера Вайяна, прибывшего к Поросу на бриге «Актеон», чтобы наблюдать за происходящим, что Миаулис собирается уничтожить фрегат «Эллас», если он подвергнется нападению со стороны русских судов. Но Рикорд не собиравался нападать на Миаулиса и давать ему тем самым повод для осуществления столь преступного замысла. Однако помешать его осуществлению он не смог. По этому поводу в его донесении

²⁷ Λοΐκος Χ. Ο. π., σ. 333.

²⁸ ВПР. Т. XVII. С. 464.

начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову от 2 (14) августа 1831 г. говорилось: «Не желая быть причиною совершения мятежниками столь отчаянного намерения лишить греческое правительство всей почти, можно сказать, морской силы, а довольствуясь тем, что привел его [Миаулиса] в ничтожное положение, хотел спокойно дожидаться возвращения гг. Лаланда и Лайонса, чтобы при них все кончить. Утром 1-го августа, находясь на молитве, я услышал сильный треск и, выбежав из шханцы, взоры мои поражены были ужасною картиною взрыва на воздух корвета Идра и фрегата Эллас»²⁹. В результате греческий флот лишился двух наиболее боеспособных и лучше всего оснащенных судов. Это было тяжелое преступление. Кроме того, произошло беспрецедентное в истории русско-греческих отношений сражение греков с русскими.

Свое глубокое возмущение действиями мятежников выразил командующий греческим флотом К. Канарис. Он писал Каподистрии 1 (13) августа 1831 г., в половине двенадцатого утра, с Пороса: «Миаулис только что предал огню фрегат “Эллас” и корвет “Идра”. Пусть виновник этого чудовищного варварства будет проклят навек»³⁰.

Акцию Миаулиса резко осудили и некоторые другие греческие моряки. 24 августа (5 сентября) группа моряков обратилась к Каподистрии с просьбой довести до сведения Николая I их возмущение действиями идриотов, «осмелившихся открыть огонь против благодетелей Греции, русских»³¹. Сам Каподистрия резко осудил действия идриотов и одобрил ответные меры Рикорда. В письме адмиралу от 19 (31) августа 1831 г. он выразил ему «признательность Греции за содействие, которое оказано ей императорской эскадрой»³².

У самого же Рикорда события на Поросе оставили тяжелый осадок не только из-за действий Миаулиса, но и из-за позиции его коллег, фактически поощрявших мятежников. Это поведение командующих английской и французской эскадрами вызвало резкую реакцию Рикорда. В письме, которое он направил им 25 июля (6 августа) 1831 г., содержалось весьма недвусмысленное предупреждение, «что если вы найдете неудобным содей-

²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 222. Л. 36.

³⁰ Correspondance du Comte J. Capodistrias, Président de la Grèce. Genève; Paris, 1839. Т. IV. P. 343.

³¹ Мосолов К. Обозрение... С. 36.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 222. Л. 23.

ствовать мне в усмирении беспорядков, возбужденных в Архипелаге и которые стремятся к ниспровержению правительства, устроенного августейшим вмешательством государей, покровителей Греции, я сочту себя исключенным из союза»³³.

Это высказывание Рикорда вызвало недовольство К.В. Несельроде, считавшего, что оно может осложнить отношения России с другими державами — покровительницами Греции. В этой связи Х.А. Ливену, уполномоченному России на Лондонской конференции по греческому вопросу, поручалось «разъяснить» своим коллегам, что высказывание адмирала есть не что иное, как «язык моряка, чьи поступки стоят больше, чем слова»³⁴. В письме же самому Рикорду от 6 (18) сентября 1831 г. вице-канцлер настоятельно рекомендовал ему соблюдать сдержанность во взаимоотношениях с командующими английской и французской эскадрами³⁵. В то же время император одобрил действия русских моряков у Пороса. На докладе Меншикова об этих событиях Николай I написал: «Кажется, А. Рикорд исполнил свой долг, а что наши моряки храбро дерутся, это нам не новое»³⁶. В декабре 1831 г. Рикорд был произведен в чин вице-адмирала, а российская эскадра в Греции была подкреплена еще тремя кораблями.

После событий на Поросе Рикорд продолжал поддерживать национальное правительство Каподистрии и бороться против идриотов и их союзников. При этом силовым методам он предпочитал переговоры с целью смятения противоречий между властью и оппозицией. Так, он установил (с согласия Каподистрии) контакты с двумя главными очагами оппозиции: островом Идра и горной областью Майна. Вступить в переговоры с мятежниками Идры Рикорд пытался еще до поросских событий. 12 (24) мая 1831 г. он с этой целью отправил на остров генерального консула в Морее И.И. Власопуло на фрегате «Елисавета». Но экспедиция эта не дала каких-либо результатов. Как доносил 1 (13) июня Рикорд Меншикову, его представитель, «употребя все средства убеждения, не мог склонить старшин сего острова к покорности греческому правительству и они остаются в том неповиновении»³⁷.

³³ Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк... Т. II. С. 75–76.

³⁴ ВПР. Т. XVII. С. 469.

³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 222. Л. 15–17.

³⁶ Мосолов К. Обозрение... С. 34.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 557. Л. 45. Несмотря на секретный характер миссии Власопуло, о ней стало известно французскому

Более успешными были контакты, которые осуществил сам Рикорд с Петробеем Мавромихалисом, вождем майнотов. 22 сентября (4 октября) 1831 г. он пригласил Петробея, находившегося под арестом в Навплии, на обед на борт своего корабля. По мнению адмирала, глава мятежников Майны был настроен весьма примирительно: «На убеждения мои Петро Бей уверял меня, что все сии беспорядки вскоре кончатся, и изъявлял большое желание покориться законному правительству». Со своей стороны, писал Рикорд, «президент намерен был непременно оказать ему милость и отпустить в свое отечество. Сие средство ему казалось надежнейшим к восстановлению спокойствия в Майне». Была достигнута договоренность о встрече предводителя мятежных горцев с президентом Греции: она была намечена на 26 сентября (8 октября) 1831 г. Встреча эта, к организации которой Рикорд приложил большие усилия, если бы она состоялась, могла бы спасти жизнь президенту. Но в последний момент Каподистрия отменил ее, как утверждают, из-за раздражения, которое вызвала у него полученная в тот день с утренней почтой английская газета с грубыми нападками на него и на Грецию. А на следующий день, 27 сентября (9 октября) 1831 г., президент был злодейски убит сыном и братом Петробея.

Рикорд тяжело переживал гибель этого выдающегося государственного деятеля, с которым его связывали дружеские отношения. В своем донесении К.В. Нессельроде от 8 (20) октября он писал о том неподдельном горе, которое вызвала эта весть в сердцах греков: «Убийство президента погрузило Грецию в глубокий траур. Нация чувствует большую потерю, которую она понесла, и слезы, проливаемые греками, являются настолько же доказательствами, опровергающими утверждения о непопулярности графа Каподистрии и о ненависти, которую к нему испытывали»³⁸.

Гибель Каподистрии была не только большой человеческой трагедией. Она во многом определила те бедствия и тяготы, которые Греция испытала после убийства президента. Если бы не это трагическое событие, то в Греции, весьма

резиденту в Греции А. Руэну. Согласно его сведениям, в ходе этой миссии идириотам были сделаны от имени Каподистрии более выгодные, чем прежде, предложения для урегулирования их претензий к правительству (*Δοῦκος* X. Ο. π. Σ. 317).

³⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 222. Л. 97.

вероятно, произошла бы мирная передача власти новому правителю, уже намеченному державами-покровительницами: баварскому принцу Оттону. В действительности же период от убийства Каподистрии до прибытия в страну баварского короля (октябрь 1831 г. — январь 1833 г.) стал для греческого народа периодом тяжелейших испытаний.

Н. Драгумис, видный политик того времени, ярко описал в своих воспоминаниях ту пору смуты: «Та мешанина страстей, раздоров, бунтов, отмщений, междоусобиц, незаконных властей, еще более незаконных собраний, иностранного вмешательства, покушений на национальное достоинство, упадка общественных и частных нравов, лишения народа его прав, расхищения государственного имущества — в общем, весь этот беспорядок после смерти Президента, скажу вам, был таким, какой Греция никогда, даже при самых тяжелых обстоятельствах, не видела до этого»³⁹.

Правда, попытки сохранить политическую стабильность в стране предпринимались и в этот период. Такой попыткой был созыв 5го Национального собрания 5 (17) декабря 1831 г. в Аргосе. Собрание избрало брата Иоанна Каподистрии Августиноса сначала председателем греческого правительства, а затем временным президентом Греции. Российское правительство признало передачу власти А. Каподистрии и обещало новому главе Греции всяческую поддержку.

Хотя формально Англия и Франция также установили отношения с А. Каподистрией, но фактически они все более неприкрыто поддерживали прежде всего мятежников Идры. К.В. Нессельроде писал 22 декабря 1831 г. (3 января 1832 г.) послу в Лондоне Х.А. Ливену о позиции дипломатических представителей этих держав в Греции: «Резиденты Франции и Англии упорно продолжают оказывать покровительство зачинщикам мятежа на Идре и в то же время используют любую возможность, чтобы очернить и дискредитировать деятелей и действия администрации, пришедшей на смену той, которую возглавлял покойный президент»⁴⁰. Здесь следует добавить, что командующие эскадрами Англии и Франции были еще более яркими защитниками мятежников Идры, чем резиденты. Под их давлением Рикорд должен был отказаться от блокады бунтующего острова. Но

³⁹ *Vacalopoulos A. Histoire de la Grèce moderne. Saint-Just-la-Pendue, 1975. P. 130–131.*

⁴⁰ ВПР. Т. XVII. С. 645.

он не подписал предложенную ему декларацию, разрешавшую идриотским судам выходить в море без документов, выданных им греческим правительством, и сохранил тем самым за собой право такие суда задерживать⁴¹.

Взвешенная позиция Рикорда в политической борьбе, его уважение к памяти Каподистрии снискали ему большой авторитет в греческом политическом мире. Это нашло отражение в решении 5го Национального собрания от 4 (16) марта 1832 г. предоставить адмиралу греческое гражданство. В решении говорилось: «Г. адмирал, чувства благосклонности, которые В.П. постоянно питали к Греции, и отличные и полезные услуги, оказанные Вами ей. . ., снискали Вам, г. адмирал, признательность означенного собрания, которое для того, чтобы показать Вам, как оно умеет ценить Вашу благородную деятельность, желает считать Вас в числе граждан Греции»⁴².

15 (27) марта 1832 г. собрание в Аргосе прекратило свою деятельность, а вскоре на политической сцене Греции снова произошла большая перемена. Правление временного правителя Греции А. Каподистрии оказалось действительно временным по определению и продолжалось лишь две недели: не будучи в состоянии утвердить свою власть, в ночь на 31 марта (12 апреля) 1832 г. он покинул Навплию и отправился на свою родину Керкиру (Корфу). Среди немногих лиц, которые знали о его отъезде, был Рикорд. Он предоставил в распоряжение А. Каподистрии бриг «Парис», на котором тот вывез прах своего брата и перезахоронил его на Керкире. Так российский адмирал отдал долг памяти первому президенту Греции.

В начале марта 1832 г. в Греции стало известно об избрании державами баварского принца Оттона греческим королем. Однако политическая нестабильность в стране не только сохранилась, но и усилилась. В этой нестабильной ситуации возросло влияние находившихся в стране представителей держав-покровительниц и особенно влияние командующих их эскадрами. Греческий политический мир разделился в соответствии с его внешнеполитической ориентацией на «английскую», «русскую» и «французскую» «партии». Сенат — единственный легальный орган, признанный державами, — предпринимал попытки создать в стране какое-то подобие центрального управления. Он создавал одну за другой адми-

⁴¹ Там же. С. 646.

⁴² Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк... Приложения. С. 212.

нистративные комиссии — то из пяти, то из семи, то из трех членов, — но все они были одинаково неработоспособны из-за разногласий их участников, принадлежавших к разным партиям. Причиной паралича в деятельности этих комиссий было также и полное отсутствие средств в государственной казне. Поэтому 5^е Национальное собрание обратилось к резидентам и адмиралам держав-покровительниц с просьбой предоставить Греции заем в счет будущих субсидий, которые они ждали от держав. Рикорд был единственным из представителей держав, кто откликнулся на эту просьбу. Он решил выделить в качестве займа из средств, выделенных на содержание эскадры, 10 тыс. испанских талеров⁴³.

В условиях острой политической борьбы между различными группировками их руководители обращались за помощью к представителям держав, чьи военные силы находились в Греции. Помощь эта оказывалась, что, разумеется, было вмешательством во внутренние дела Греции. Обвинения такого рода в некоторых исторических трудах содержатся и в отношении Рикорда. Так, очевидец событий Н. Драгумис характеризовал российского адмирала как «одаренного человека», «честолюбивого, смелого, в высшей степени деятельного, сверх необходимости вмешивавшегося в дела Греции»⁴⁴. Вмешательство Рикорда в дела Греции, в пределах необходимого или сверх того, действительно имело место. Это происходило в условиях, когда другие державы тройственного союза весьма активно поддерживали свои «партии» в Греции. Особенно это относится к Франции. У этой державы в Греции находились не только военные корабли, но и сухопутные войска. Французский контингент был введен в августе 1828 г. в Пелопоннес для ускорения вывода оттуда армии Ибрахим-паши. Хотя египетский полководец и его армия в сентябре того же года покинули Пелопоннес, французы не спешили выводить собственные силы с греческой территории. Более того, французское военное присутствие в Греции было значительно расширено. К концу 1832 г. французы взяли под свой контроль ряд пунктов в стране, в т.ч. Навплию. Французские военные активно поддерживали «французскую партию» в Греции и преследовали сторонников «русской партии», состоявшей главным образом из приверженцев Каподистрии.

⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1832. Д. 238. Л. 63.

⁴⁴ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1975. Τ. 12. Σ. 575.

Рикорд в своем донесении К.В. Нессельроде писал 21 июня (3 июля) 1832 г. о начавшейся в апреле деятельности семичленной административной комиссии, где преобладали приверженцы Запада: «Административная комиссия, которая возвела в принцип увольнение всех служащих прежнего правительства, не перестает проводить против них все виды репрессий. Никто не защищен от преследований правительства, и вожди румелиотов служат для него орудием, для того чтобы подвергать оскорблениям и притеснениям всех тех, кто остался до последнего дня верен своей присяге». Одной из многочисленных жертв этих репрессий стал полковник Д. Каллергис, который при правлении И. Каподистрии командовал корпусом регулярной кавалерии и пользовался особой благосклонностью президента. Чтобы избавить его от преследований, Рикорд дал ему возможность покинуть Навплию и ожидать прибытия баварского короля в более безопасном месте⁴⁵.

Рикорд поддерживал и защищал и других сподвижников И. Каподистрии; среди них был и один русский. Как уже говорилось, много филэллинов-добровольцев из разных стран Европы и США приняли непосредственное участие в вооруженной борьбе греков за освобождение. Из русских филэллинов долгое время в литературе фигурировало только одно имя — Н.А. Райко. Новейшие изыскания в российских и греческих архивах позволили значительно пополнить список русских филэллинов⁴⁶. Но, действительно, только Райко смог занять выдающееся место на греческой военной службе при правлении И. Каподистрии. После убийства президента Райко решил добиваться разрешения на возвращение в Россию, и Рикорд оказал ему поддержку в этом деле. «Г-н Райко, — писал он 8 (20) октября 1831 г. К.В. Нессельроде, — русский дворянин, бывший поручик гвардейского Драгунского полка, а в настоящее время подполковник греческой службы, главный начальник артиллерии и директор Центральной военной школы в Навплии, просит разрешения вернуться в Россию. Г-н Райко пользовался безграничным доверием и большим уважением Президента и больше того, осмелюсь это сказать, его особой дружбой». Адмирал просил вице-канцлера вмешаться в дело на стороне Райко, что, по его словам, «было бы актом справед-

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1832. Д. 238. Л. 85–86.

⁴⁶ См.: *Арш Г.Л.* Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и события // *Россия и Греция: история и современность.* М., 2008. С. 33–34.

ливости в отношении человека, который столь справедливо пользуется в Греции наилучшей репутацией»⁴⁷.

В условиях, когда после смерти Каподистрии в Греции царили беззаконие и произвол, Рикорд пытался защитить ее граждан от насилий и грабежей. Ввиду того, что население Навплии страдало от бесчинств необузданной солдатчины, Рикорд обратился к своим английскому и французскому коллегам с предложением ввести в город объединенный контингент для поддержания порядка, но получил отказ. Тогда командующий российской эскадрой решил действовать самостоятельно и высадил 100 человек для охраны наиболее важных пунктов в городе. Как он писал 7 (19) апреля 1832 г. К.В. Нессельроде, «несмотря на небольшое число матросов, находившихся к настоящему моменту в моем распоряжении, эта мера, осуществленная с тем неустанным рвением, которое отличает русского солдата, имела полный успех. Гражданская гвардия была сформирована горожанами, и попытки нарушения порядка, провоцируемые мятежниками и их агентами, были пресечены в результате присутствия и проявления вооруженной силы»⁴⁸. Но появление русских солдат на улицах Навплии вызвало неприязненную реакцию союзных адмиралов, по требованию которых Рикорд должен был вскоре солдат оттуда вывести. Как он сообщал Нессельроде 15 (27) апреля 1832 г., численность российского контингента была уменьшена до 20 человек, и функция его была ограничена охраной дипломатического представительства России⁴⁹.

Более успешной была попытка Рикорда спасти остров Спеце от преследований французского адмирала Гюгона. Жители этого острова вызвали гнев адмирала тем, что отказались принять в качестве губернатора Н. Скуфоса, принадлежавшего к «французской партии». Гюгон обвинил специотов в пиратстве и составил соответствующую декларацию от имени командиров союзных держав. Рикорд подписал эту декларацию, но на условии, что она будет опубликована лишь после того, как офицеры, представители трех держав, посетят Спеце и проверят справедливость выдвинутых против островитян обвинений. Офицеры,

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 222. Л. 104. Николай I разрешил Н.А.Райко вернуться в Россию, и тот прибыл в Одессу в середине 1832 г. См.: *Достян И.С.* Русский участник греческой революции // Вопросы истории. М., 1978. № 4. С. 214.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1832. Д. 238. Л. 60.

⁴⁹ Там же. Л. 65.

посетившие остров, не нашли там каких-либо следов пиратства. В результате, согласно донесению Рикорда от 21 июня (3 июля) 1832 г., «декларация была аннулирована и враждебные планы г-на Гюгона не имели каких-либо последствий»⁵⁰.

Усилия Рикорда по оказанию поддержки «русской партии» осуществлялись в очень непростой обстановке. Она осложнилась в результате прихода к власти в апреле 1832 г. семичленной административной комиссии. При ней в стране усилилась антирусская пропаганда. Жертвой необоснованных обвинений стал и сам Рикорд. В его донесении К.В. Нессельроде от 31 июля (12 августа) 1832 г. говорилось: «Новое правительство со времени вступления в свои обязанности не перестает показывать глубокую ненависть ко всему, что является русским. Газета “Минерва” служит ему орудием для того, чтобы распространять ложь, пригодную для удовлетворения его враждебности. Статьи против меня вставлены в этот листок, но я счел невозможным унижить себя до того, чтобы опровергать измышления, абсурдность которых, впрочем, всем здесь известна»⁵¹.

Рикорд постоянно подвергался нападкам и со стороны командующих английской и французской эскадрами за его сотрудничество с определенными политическими силами Греции. По поручению своего правительства обвинения против Рикорда предъявлял и британский посол в Петербурге У. Хейтсбери. Хотя руководство России и отвергало эти обвинения, но, стремясь не обострять отношения с англо-французским блоком, оно постоянно призывало адмирала сохранять гармонию в общении с его коллегами. Сам же Рикорд считал нужным поддерживать, нравилось ли это кому-нибудь либо нет, «русскую партию» в ее усилиях по прекращению междоусобицы и достижению национального согласия. Это показывает эпизод с приездом в Навплию Т. Колокотрониса.

Колокотронис, выдающийся полководец войны за независимость и военный правитель Пелопоннеса, выступил с инициативой объединить военных представителей Пелопоннеса и Румелии, для того чтобы положить конец гражданской войне и анархии в стране. Кроме того, в канун прибытия в Грецию иностранного правителя с иностранными солдатами греческие предводители стремились зафиксировать наличие в стране национальной военной силы.

⁵⁰ Там же. Л. 88.

⁵¹ Там же. Л. 92.

Рикорд поддерживал эти стремления. Он принял на своем корабле Колокотрониса, прибывшего в Навплию 26 августа (7 сентября) 1832 г. Узнав о его пребывании на флагманском корабле российской эскадры, английский и французский адмиралы потребовали выдворить из столицы главу «русской партии», так как он якобы прибыл туда для того, чтобы свергнуть правительство. Но Рикорд отверг это требование. Как он утверждал в своем донесении К.В. Нессельроде от 1 (13) сентября 1832 г., целью прибытия Колокотрониса в Навплию было положить конец кровопролитию и примирить враждующие партии.

Знаменитый полководец и политик пробыл на борту русского военного корабля четыре дня. За это время у него было много встреч с сенаторами, также он договорился о примирении с большей частью румелиотских вождей. Рикорд, предвидя, что его отношения с Колокотронисом могут вызвать новые нападки на него со стороны представителей Англии и Франции, считал свои действия вполне обоснованными и необходимыми.

Тем не менее упреки и жалобы по этому поводу последовали со стороны командующих эскадрами Англии и Франции. Об этом свидетельствуют многочисленные опубликованные документы Форин офис. Так, в письме от 27 августа (8 сентября) 1832 г. английский и французский адмиралы обвинили Рикорда в том, что, приняв Колокотрониса, который намеревался свергнуть существующее правительство, он якобы нарушил инструкции правительства о поддержке нынешних властей Греции вплоть до времени прибытия в страну баварского регентства. Но в своем письме от 29 августа (11 сентября) 1832 г. российский адмирал твердо поддержал Колокотрониса, миссия которого, по его словам, состояла в том, чтобы довести до сведения представителей держав информацию о тех бедствиях, которые переживает отчизна по вине существующих властей, и в том, чтобы добиться установления мира в стране посредством примирения враждующих партий. На упреки же союзных адмиралов по поводу того, что он оказал гостеприимство Колокотронису на своем корабле, Рикорд отвечал, что в данном случае он последовал примеру французского представителя в Греции Руэна, который предоставил в своем доме приют главе «французской партии» Колеттису⁵².

Предполагая в то же время возможность упреков в свой адрес из Петербурга, Рикорд писал К.В. Нессельроде в донесении от

⁵² Μνημεία της Ελληνικής ιστορίας. 9. Αθήναι, 1975. Τ. Α. Σ. 780–781.

1 (13) сентября 1832 г., что, «доставляя средства к восстановлению мира, спокойствия и нормального положения, я не думаю, что я вышел за рамки моих обязанностей и без страха представляю мое поведение на суждение Вашего превосходительства»⁵³. В ответ Нессельроде, не давая какой-либо прямой оценки действий адмирала в данном конкретном случае, в очередной раз напоминал ему, насколько важно, «чтобы Вы старались оставаться в соединении с Вашими коллегами и тщательно избегать всякого предмета дискуссий или несогласия с ними»⁵⁴.

Попытки Рикорда содействовать национальному согласию и прекращению междоусобиц эффекта не дали. Более того, французы, действуя в интересах главы «французской партии» И. Колеттиса, установили свое господство в Навплии и стали притеснять членов Сената, состоявшего в основном из сторонников «русской партии». В связи с этим сенаторы решили покинуть Навплию и перебраться в более безопасное место. Но осуществить это намерение решились лишь семь сенаторов — меньшинство членов этого органа. В ночь на 28 ноября (10 декабря) 1832 г. они тайно отплыли из Навплии и переехали на остров Спеце.

Здесь они образовали временное греческое правительство, которому собирались вручить до прибытия Оттона кормило правления. Пост председателя временного правительства был предложен Рикорду. По словам автора исторического очерка о греческой войне за независимость, выбор этот объяснялся тем, «что за все время пребывания своего в водах Греции Петр Иванович Рикорд снискал всеобщее расположение греческого народа, любившего его за дознанные всеми чувства живейшей симпатии к греческому народу, его прямоту и твердость характера и за то, что русский адмирал пользовался более всех других искреннейшею дружбою покойного президента графа И. Каподистрии». Законность этого выбора сенаторы мотивировали тем, что, как уже говорилось, 5^e Национальное собрание предоставило Рикорду право греческого гражданства⁵⁵. Разумеется, избрание адмирала российского императорского флота главой греческого правительства могло иметь лишь символическое значение, и Рикорд отклонил эту честь.

Следует сказать, что в Петербурге не получили скольконибудь достоверной информации о столь значительном собы-

⁵³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1832. Д. 238. Л. 113.

⁵⁴ Там же. Л. 127.

⁵⁵ Палеолог Г., Сивинис И. Исторический очерк... Т. II. С. 244–245.

тии, как бегство части греческого Сената из Навплии. Рикорд сообщал, что он противился этому отъезду и направил Сенату соответствующее письмо⁵⁶. При этом адмирал не упомянул, что сам переезд сенаторов произошел при помощи российской эскадры. К.В. Нессельроде в письме от 31 января (12 февраля) 1833 г. выразил удовлетворение в связи с тем, что Рикорд не был согласен с выездом Сената из столицы, но выражал сожаление, что адмирал обратился к Сенату сам, а не сделал это через барона П.И. Рикмана, поверенного в делах России в Греции. В подобном случае, продолжал вице-канцлер, это показало бы, что «люди, которые представляют Россию в Греции, действуют всегда на основании тех же самых инструкций и в самом совершенном согласии»⁵⁷. Здесь вице-канцлер весьма прозрачно намекает, что между адмиралом и поверенным в делах отношения были не самыми лучшими. Рикорд никак не мог согласиться с мнением Рикмана о необходимости смягчить свою позицию в сношениях с английскими и французскими резидентами и адмиралами и идти им на уступки.

25 января (6 февраля) 1833 г. в Навплию прибыл на английском фрегате «Мадагаскар» баварский король Греции Оттон. Вскоре после начала баварского правления Николай I решил вернуть русские корабли на родину. В июне 1833 г. российские суда, одно за другим, покидали воды Греции. Через Константинополь вернулся в Россию и вице-адмирал. Рикорд мог покинуть Грецию с высоко поднятой головой: русские моряки под его командованием в 1828–1829 гг. внесли достойный вклад в освобождение Греции. В последующие годы адмирал в трудной борьбе со своими «коллегами» твердо поддерживал национальные силы Греции, стремившиеся сохранить дружественные русско-греческие отношения.

По возвращении в Россию Рикорд занимал ряд высших должностей в военно-морском флоте. Одновременно он активно занимался научной и общественной деятельностью, был членом С.-Петербургской Академии наук, Московского университета, ряда научных и технических обществ. В эти мирные годы Рикорд часто делился с друзьями воспоминаниями о своих походах по разным морям и океанам. Воспоминания его о походе на Средиземное море были смешанными. Как уже

⁵⁶ Текст этого письма от 11 (23) ноября 1832 г. см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833. Д. 128. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Л. 53.

говорилось, адмирал до конца своих дней с гордостью вспоминал об осуществленной им зимней блокаде Дарданелл. В то же время, по сообщению его биографа, общавшегося с адмиралом в последние годы его жизни, из Греции «вынес он, вместе со славой, тяжелые воспоминания о смерти Каподистрии и о кознях начальников английской и французской эскадр, которые втайне действовали против Рикорда и несчастного президента Греции»⁵⁸.

П.И. Рикорд скончался 16 (28) февраля 1855 г. в возрасте 78 лет. Смерть настигла его на боевом посту: после начала Крымской войны он был назначен командующим эскадрой, которая должна была защищать Кронштадт от вошедшего в Балтийское море английского флота.

О человеческих качествах и достоинствах выдающегося российского адмирала известный журналист Н.И. Греч писал: «Природа одарила его умом ясным, пронизательным и твердым. Он умел найтись в самых затруднительных обстоятельствах жизни и службы; ясно понимал свое положение и средства, и действовал по избранному пути неуклонно, безостановочно, внимая только голосу долга и чести»⁵⁹.

Пять лет, проведенных этим выдающимся мореплавателем и доблестным военным моряком в Греции, представляют важную страницу в истории традиционных русско-греческих связей. Эта «греческая» страница в биографии Рикорда заслуживает дальнейшего изучения, основанного на привлечении новых источников, в особенности архивных.

⁵⁸ Мельницкий В. Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники. СПб., 1856. С. 220.

⁵⁹ Греч Н. Биография... С. 16.

УСТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1828–1833)

Вечером 5 (17) сентября 1828 г. на остров Порос, у побережья Пелопоннеса, где находился тогда Иоанн Каподистрия, прибыл русский дипломатический представитель М.Н. Булгари, вручивший правителю Греции свои верительные грамоты. К установлению самодержавной Россией дипломатических отношений с республиканской Грецией вел долгий и извилистый путь. Как известно, Александр I резко осудил освободительную акцию Александра Ипсиланти, ставшую началом Греческой революции. Россия в согласии с другими членами Священного союза отказалась допустить на последний конгресс союза, проходивший в Вероне в ноябре 1822 г., представителей греческого правительства. Эта негативная позиция способствовала падению традиционного влияния России в Греции, чем не преминула воспользоваться Великобритания, ее главная соперница на Балканах и Ближнем Востоке. В марте 1823 г. она признала восставших греков воюющей стороной. В следующем году банкиры Сити предоставили революционной Греции заем. Укреплению греко-английских связей способствовало развернувшееся в Англии мощное филэлинское движение, самым выдающимся представителем которого стал великий английский поэт Джордж Байрон. В Петербурге, где Грецию всегда рассматривали как сферу своего если не исключительного, то преобладающего влияния, эти действия Англии вызвали большое беспокойство. Руководству России стало также известно, что Ч. Стрэтфорд-Каннинг, назначенный послом Великобритании в Константинополе, в конце 1825 г. на своем пути в турецкую столицу имел на острове Идра неофициальную встречу с представителями греческого правительства¹.

¹ См.: *Виноградов В.Н.* Герцог Веллингтон в Петербурге // *Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. Балканские исследования.* Вып. 8. М., 1982. С. 125.

—
216

Все это повлияло на решение Николая I искать соглашения с Англией для совместных действий для принуждения Порты к признанию государственного существования Греции. Соглашение это было достигнуто в результате подписания в Лондоне 6 июля 1827 г. договора, участниками которого, помимо двух указанных держав, стала и Франция. В случае отказа Порты принять посредничество этих держав с целью прекращения военных действий договор предусматривал принятие указанными державами мер «для сближения с греками», в частности, посылку в Грецию консулов². Таким образом, ведущие державы Европы впервые заявляли о своем намерении установить, хотя и на низком уровне, дипломатические отношения с восставшей Грецией.

После Наваринского сражения державы — его участники, решили поднять ранг своих дипломатических представителей в Греции: в документах они назывались «поверенными в делах» или «резидентами». Таким резидентом от России в Грецию был назначен М.Н. Булгари.

Первый русский дипломатический представитель в Греции был не только греком, соотечественником Каподистрии, но и принадлежал к тому же социальному кругу, из которого вышел правитель Греции. Семья Булгари, как и семья Каподистрии, носила графский титул и входила в круг старинных аристократических родов Корфу. Среди них она отличалась своей приверженностью к России. Это проявилось в действиях главы семьи графа Николая Булгари.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он участвовал в военных действиях на стороне русских. В отличие от других греческих добровольцев, переселившихся после окончания войны в Россию, ионический граф вернулся в лоно своей семьи для того, чтобы, по его словам, спасти ее от репрессий, которыми венецианские власти угрожали всем жителям Ионических островов, сражавшихся в этой войне на стороне России³.

Большие услуги Н. Булгари оказал России и во время осады Корфу русско-турецким флотом в 1799 г. По отзыву командующего русской эскадрой адмирала Ф.Ф. Ушакова, это был человек, «бесподобно преданный к российской службе и нации». В рекомендательном письме, которое адмирал дал Н. Булгари

² *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI. С. 355–362.

³ АВПРИ. Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. 1795. Д. «В» 286. Л. 1.

3 (14) июля 1800 г. для российского коменданта Корфу подполковника К.Г. Гастфера, говорилось: «Господин бригадир граф Булгари принес немалую пользу службе Его Величества императора, как во время овладения Корфу, так и во время нашей стоянки в этом городе, а также для общего согласия всего этого острова»⁴.

После того, как в 1807 г. Ионические острова перешли под власть Франции, Н. Булгари переселился в Россию, где ему была назначена годовая пенсия в 2 тыс. рублей. В 1812 г. этот видный представитель ионического общества скончался.

Его сыновья еще до этого были приняты на российскую службу. Яков Булгари в 1807 г. был принят корнетом в Кавалергардский полк — отборный полк императорской гвардии. Впоследствии он служил по таможенному ведомству и вышел в 1817 г. в отставку в чине действительного статского советника. Карьера же в России его брата Марка Булгари была не менее успешной. Как говорилось в его формулярном списке, в 1809 г. он был определен актуарисом, т.е. регистратором, в Коллегию иностранных дел с причислением сверх штата к Парижской миссии. Затем его дипломатическая карьера была связана с Испанией: в 1818 г. он был определен канцелярским служащим к мадридской миссии, в 1820 г. — назначен советником посольства в Мадриде и исполнял эту должность до 1824 г., когда был «отозван к делам Коллегии».

Затем, согласно его формулярному списку, Булгари «по высочайшему повелению отправлен в Грецию по особым поручениям»⁵. Он был назначен первым официальным агентом России в Греции. Так как Лондонский договор от 6 июля 1827 г. предусматривал посылку в Грецию только консулов, то в Петербурге решили не придавать Булгари какого-либо официального статуса. В его верительной грамоте говорилось только, что ему поручено установить между Россией и Грецией официальные отношения, вытекающие из Лондонской конвенции. Миссия Булгари носила временный характер, вместе с ним прибыл чиновник МИДа В.Н. Панин, который должен был занять место представителя России в Греции. О характере этой миссии вице-канцлер К.В. Нессельроде 3 (15) июля 1828 г. сообщал Каподистрии: «Если Вы, г-н граф, сочтете полезным, чтобы, непосредственно познакомившись с людьми и с положением

⁴ Там же. 1799. Д. «В» 287. Л. 11. См. также: *Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции.* М., 1983. С. 113–114, 137.

⁵ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 497. Л. 1–7.

дел и обсудив с Вами насущные вопросы, он [Булгари] лично доставил нам Ваши сообщения, дополнив их устными разъяснениями, ему будет разрешено вернуться в штаб-квартиру, аккредитовав при в. с-ве графа Панина»⁶.

Греки, служившие в России и с большим рвением исполнявшие свой долг, считали, что эта служба дает им благоприятные возможности для того, чтобы действовать и в интересах своей родины — Греции. Братья Булгари в этом отношении не являлись исключением. Я.Н. Булгари в 1820 г., уже после выхода в отставку, вступил в Филики Этерию — тайную организацию, готовившую восстание в Греции, — и оказал ей большую материальную поддержку⁷. Каких-либо данных о принадлежности к тайному обществу М.Н. Булгари не имеется, но в своих официальных документах он предстает как ходатай за греческое дело. В июле 1827 г., еще до приезда в Грецию, он представил в Министерство иностранных дел России записку о взаимоотношениях России с новым греческим государством. В ней говорилось, что судьба Греции тесно связана с Россией и что для того, чтобы Греция могла поддерживать российскую политику на Востоке, ей нужно дать сильное правительство, экономическую поддержку и надежные в оборонном плане границы на севере. Российский дипломат предлагал включить в состав Греции Эпир, Фессалию и остров Крит⁸.

На своем пути в резиденцию Каподистрии Булгари побывал в Наварине, в лагере Ибрахим-паши, в момент эвакуации египетских сил из Мореи. Там он стал свидетелем тяжких сцен, когда греческие рабыни представляли перед представителями трех держав, которым поручалось выяснить, следуют ли они за своими хозяевами в Египет добровольно или по принуждению, и почти все они, запуганные или под угрозами, отвечали на этот вопрос, что покидают свою страну добровольно. Булгари был возмущен тем, что присутствовавшие при этой процедуре переводчики трех союзных держав не побуждали этих пленниц высказаться добровольно о своих намерениях. Благодаря его вмешательству нескольких гречанок все же удалось спасти от насильственной отправки в Египет⁹.

⁶ ВПР. М., 1992. Т. VII (XV). С. 587.

⁷ См.: Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 263, 303.

⁸ Λουξε Δ. Ο ρόλος της Ρωσίας στη διαμόρφωση του ελληνικού κράτους. Αθήνα, 1981. Σ. 35.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1828. Д. 895. Л. 85–90, 92–93.

Как уже говорилось, М.Н. Булгари прибыл на остров Порос, где находился тогда президент Греции. Вечером 5 (17) сентября 1828 г. он сразу же известил Каподистрию о своем прибытии и попросил сообщить, когда тот сможет его принять. Президент изъявил желание принять его немедленно. На этой встрече российский представитель вручил главе греческого государства свои верительные грамоты. В своих донесениях от 6 (18) и 7 (19) сентября 1828 г. Булгари изложил свои первые впечатления о положении в Греции и первостепенных шагах, которые нужно было предпринять президенту для обеспечения ее интересов. Он положительно оценил результаты усилий Каподистрии по восстановлению общественного порядка и налаживанию системы государственного управления. По мнению Булгари, в результате этих усилий внутренняя ситуация в стране улучшилась: «Законы на деле начинают уважаться, налоги, которые в некоторых отношениях увеличились втрое, платятся, и правительству повинуются. Эти первые результаты делают честь просвещенной администрации графа Каподистрии».

В первых же беседах между главой Греции и российским представителем обсуждался также ход военных действий на греческом фронте в связи с русско-турецкой войной. Булгари посоветовал Каподистрии возобновить активные операции против турецких войск, независимо от поступления ежемесячной субсидии в 500 тыс. рублей, которые Греция получала от России. Булгари высказывал в своем донесении мнение, что необходимо срочно предоставить Греции новую денежную помощь для активизации находящихся в Эпире, Фессалии и Македонии греческих войск, что отвлекло бы турецкие силы с русско-турецкого фронта¹⁰.

В последующих своих донесениях российский представитель подробно касался внутривосточного положения Греции. Булгари подчеркивал, что правителю Греции пришлось действовать в исключительно сложных условиях при активном противодействии его власти англо-французской агентуры и проанглийской партии. Декреты Национального собрания о назначении англичан (генерала Чёрча — главнокомандующим сухопутными греческими войсками, а лорда Кохрейна — военно-морскими силами) наделили их властью, сводящей на нет полномочия правительства. В таких условиях, как полагал Булгари, президенту ничего не оставалось, как «приостановить

¹⁰ ВПР. М., 1995. Т. VIII (XVI). С. 559.

действие Тризинской конституции, распустить Законодательный совет, который, согласно этой конституции, должен был сосуществовать с исполнительной властью, — одним словом, создать и организовать новое правительство и навязать Греции диктатуру, которая одна могла ее спасти». После этого противники Каподистрии стали активно добиваться срочного созыва Национального собрания. По сведениям Булгари, находившегося тогда в Греции, английский и французский посланники в Константинополе Ч.С. Каннинг и А.Ш. Гийемино добивались того же от Каподистрии по официальным каналам. Сам же Булгари настоятельно рекомендовал президенту воспрепятствовать созыву Национального собрания, чтобы «не подвергать родину неизбежной катастрофе», «воспользоваться всей полнотой власти, прибегая в случае необходимости к самым решительным мерам, чтобы предотвратить событие, которое станет причиной и началом полного развала в Греции». Петербургскому кабинету Булгари советовал «изыскать средства», чтобы «оказать по возможности преобладающее влияние на выборы и на депутатов в случае, если созыв Национального собрания станет абсолютно необходим». В частности, он предлагал выделить деньги для подкупа большинства депутатов, чтобы они санкционировали действия администрации и облекли Каподистирию неограниченной властью на будущее¹¹.

Действия Булгари с целью помешать созыву Национального собрания получили полную поддержку российского правительства. В депеше вице-канцлера К.В. Нессельроде от 5 (17) декабря 1828 г. российскому представителю в Греции указывалось, что, добиваясь «умиротворения Греции», Россия и остальные дворы «должны ставить себе главной целью подавление революции». Можно сказать определенно, что существование представительной системы в Греции явно вызывало раздражение российского самодержца. Тем не менее, как говорилось в депеше К.В. Нессельроде, «император не может слишком настойчиво рекомендовать проявлять в этом деле непреклонность». В Петербурге, в частности, не приняли предложения Булгари подкупить депутатов Национального собрания, если оно будет создано, так как сочли, что такой шаг «претит морали»¹².

В то же время настояния Булгари об оказании Греции финансовой помощи получили положительный отклик. 31 марта

¹¹ Там же. С. 564.

¹² Там же. С. 59, 567.

(12 апреля) 1829 г. вице-канцлер переслал ему документы на предоставленную Николаем I Греции субсидию в 1 млн рублей. Российский представитель должен был незамедлительно вручить их Каподистрии¹³. Россия оказывала поддержку правителю Греции и в решении вопроса о границах греческого государства. При этом из Петербурга Каподистрии постоянно рекомендовали активизировать военные операции для расширения территории свободной Греции. Как говорилось в депеше Нессельроде Булгари от 26 декабря 1828 г. (7 января 1829 г.), «греческие границы неизбежно должны будут определяться по принципу *uti possidetis**. Поэтому сейчас или никогда граф Каподистрия должен предпринять последние усилия, дабы ускорить процесс освобождения Крита и прочно занять определенную линию в восточной и западной Греции»¹⁴.

Советы эти вполне отвечали национальным интересам Греции, и греческим войскам, начав наступательные операции в Западной Греции, одержали ряд серьезных успехов.

Опираясь на поддержку России, Каподистрия стремился в то же время избежать какой-либо исключительной зависимости от нее. В решении финансовых и территориальных вопросов он обращался, и с определенным успехом, и к двум другим державам-покровительницам — Англии и Франции. Неприемлемы для Каподистрии, являвшегося сторонником конституционного строя, были и советы Николая I, вытекавшие из его ультрамонархических взглядов, об ограничении деятельности парламентских учреждений. Вопреки этим советам Национальное собрание открылось в августе 1829 г. в Аргосе. Произошло это уже после отъезда Булгари из Греции.

Первый русский дипломатический представитель покинул Грецию в начале июня 1829 г., предварительно аккредитовав при президенте вместо себя В.Н. Панина. Его срочный отъезд был вызван начавшейся у него тяжелой болезнью. Сам Булгари переживал, что был вынужден прервать свою миссию. Находясь уже на борту судна на рейде Мальты, он писал К.В. Нессельроде: «Для меня было бы невозможным, господин граф, выразить все то сожаление, которое я испытал, покидая Грецию в момент столь решающий как для этой страны, так и для президента...»¹⁵.

* *Uti possidetis* (лат.) — фактическое владение.

¹³ Там же. С. 578.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1829. Д. 897. Л. 222.

Весной 1829 г., перед отъездом, Булгари стал объектом нападок со стороны британских дипломатов. Его обвиняли в поощрении революционного движения на находившихся под властью Великобритании Ионических островах с целью присоединения их к Греции. Подобные же обвинения были выдвинуты и против Каподистрии: оба были корфиотами. В связи с этим глава британского кабинета Веллингтон дал указание британскому послу в Петербурге У. Хейтсбери направить по этому поводу жалобу Николаю I. Все эти обвинения, как признавали сами британские официальные лица, были бездоказательны¹⁶. Но в чем Булгари действительно был, если можно так сказать, «грешен», так это в том, что он близко принимал к сердцу интересы своей большой родины — Греции.

4 (16) сентября 1829 г, сразу же после своего прибытия в Петербург, он представил свою записку Особому комитету по восточным делам, обсуждавшему возможные условия мирного урегулирования после завершения русско-турецкой войны¹⁷. Как российский дипломат высокого ранга Булгари, несомненно, знал о тех оживленных дискуссиях о судьбе Османской империи, которые шли тогда в правящих кругах России. Влиятельная группировка во главе с К.В. Нессельроде придерживалась мнения, что в интересах России выгодно сохранить империю султанов как «слабого соседа», которого легко будет подчинить своему влиянию. Позиция этой группировки, которую поддержал сам царь, была изложена в записке статс-секретаря Д.В. Дашкова «Обозрение главнейших сношений России с Турцией и начал, на коих должны быть установлены на будущее время»¹⁸. Неизвестно, разделял ли Булгари в душе эти взгляды, но как исправному службисту ему отнюдь небезполезно было считаться с мнением начальства.

С другой стороны, Булгари было известно, что Каподистрия по предложению российского МИДа и его наметкам представил альтернативный план политического устройства Европейской Турции в случае распада Османской империи. План этот предусматривал создание из бывших османских владений в Европе конфедерации из пяти независимых государств¹⁹.

¹⁶ *Fleming D. John Capodistrias and the conference of London (1828–1831). Thessaloniki, 1970. P. 103, 118–119, 235.*

¹⁷ ВПР. Т. VIII (XVI). С. 294–301.

¹⁸ Там же. С. 287–294.

¹⁹ См.: *Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 297.*

Поэтому записка Булгари являлась своего рода симбиозом этих двух взглядов на решение Восточного вопроса. Прежде всего, он поддержал мнение видных сановников в том, что раздел этой империи «нельзя считать ни своевременным, ни обязательным, ни полезным для России». В то же время он не только воспроизвел план Каподистрии о создании федерации из пяти балканских государств в случае распада Османской империи, но значительно усилил территориальные пределы независимой Греции, которая должна была стать членом этой федерации. По плану Булгари, дополнительно к тем территориям, которые были намечены в «федеративном плане» Каподистрии, в состав греческого государства должны были войти большие острова Крит и Самос, а также Фессалия и Эпир (включая Южную Албанию, которая в греческой терминологии фигурировала как «Северный Эпир»). Следует заметить, что предложения Булгари о политическом статусе и территориальных рамках Греции были для нее более благоприятны, чем те, что удалось достичь в этом отношении России в Адрианополе. Сам М.Н. Булгари умер вскоре после возвращения в Россию, 22 октября (4 ноября) 1829 г., в возрасте 41 года.

Сменил Булгари на посту представителя России в Греции, как уже говорилось, В.Н. Панин, позднее видный сановник, министр юстиции. Время его службы в Греции совпало с важными международными событиями, в огромной мере повлиявшими на успешное окончание борьбы Греции за независимость. Речь идет прежде всего об Адрианопольском мирном договоре от 2 (14) сентября 1829 г. и Лондонском протоколе от 3 февраля 1830 г. Российский резидент в канун подготовки этих судьбоносных для Греции международных договоров общал в своих донесениях от 29 августа (10 сентября) 1829 г., что в Греции по окончании русско-турецкой войны усилились нападки на Каподистирию и положение его правительства является шатким. Поэтому, как считал Панин, поддержка России жизненно необходима для Каподистрии. Мерами такой поддержки, по мнению российского дипломата, могла бы стать гарантия Россией займа для Греции в 20 млн руб. и включение греческого вопроса в мирный договор с Турцией²⁰.

Это было сделано еще до того, как донесение Панина дошло до Петербурга. Как известно, в Адрианопольский мирный договор, вопреки возражениям Англии и Франции, была

²⁰ ВПР. Т. VIII (XVI). С. 607.

включена статья X, по которой Порта впервые признала автономию Греции. Затем в Лондоне 3 февраля 1830 г. три державы подписали протокол, содержащий признание независимости Греции, но в значительно урезанных границах. Россия пошла на подписания этого протокола, чтобы не разрушать трехсторонний альянс, представлявший большую важность с точки зрения ее балканской и ближневосточной политики. Отношения между В.Н. Паниным и президентом Каподистрией носили весьма дружественный характер, хотя и возникали определенные разногласия. Если во время миссии Булгари предметом этих разногласий был созыв Каподистрией Национального собрания вопреки мнению Николая I, то во время греческой службы Панина таким раздражающим моментом стала реакция в Греции на Лондонский протокол от 3 февраля 1830 г.

Эта реакция была отрицательной. Как отмечали в обращении к державам-покровительницам и Каподистрия, и греческий Сенат, решения о политическом устройстве Греции и ее границах были приняты без какого-либо учета мнений самих греков. Эта попытка греков заявить о своем праве принимать участие в решении вопросов, касающихся судеб их страны, была воспринята Николаем I как их «черная неблагодарность» и «оскорбление» союзных держав, особенно России. В личном письме К.В. Нессельроде И. Каподистрии от 20 июня (2 июля) 1830 г. говорилось, что «император не разделяет Вашего мнения о документах Лондонской конференции и тем более не одобряет странный прием, оказанный им в Греции». «В самом деле, дорогой граф, — продолжал вице-канцлер, — разве мы могли ожидать такого толкования этих соглашений, которое может лишь глубоко оскорбить достоинство трех монархов, коим Греция обязана своим существованием?»²¹ Такой жесткий выговор мог глубоко задеть президента Греции, и глава русского МИДа постарался смягчить его последствия. Такая задача была поставлена Панину. В письме к поверенному в делах, отправленном одновременно с письмом к Каподистрии, Нессельроде писал: «Я опасаясь, что его [Каподистрию] глубоко раздосадует наш суровый тон, и Вы должны смягчить его, а главное — помешать ему пойти на принятие каких-либо крайних решений, которые могли бы еще больше поставить под угрозу судьбу Греции»²².

²¹ Там же. С. 550.

²² Там же. С. 554.

В июне 1831 г. его сменил П.И. Рикман, занимавший пост поверенного в делах два года. Это было время мятежей, внутренних раздоров, особенно усилившихся после убийства 27 сентября (9 октября) 1831 г. Каподистрии. Тогда и резиденты держав-покровительниц, и находившиеся в Греции их вооруженные силы весьма активно вмешивались во внутренние греческие дела. Действия представителей России в этом отношении ничем не отличались от действий их коллег по коалиции²³.

В мае 1833 г. в Грецию прибыл Г.А. Катакази в качестве чрезвычайного посланника — самый высокий дипломатический ранг, который когда-либо до этого имел иностранный дипломат в Греции. Новый дипломатический представитель России в Греции сам был греком и был связан родственными узами с семьей Ипсиланти.

1833 год был первым годом, когда дипломатические отношения между Россией и Грецией стали двухсторонними. Появлению первого греческого представителя в Петербурге предшествовал дипломатический скандал. Правившее в Греции до совершеннолетия короля Оттона регентство в конце 1833 г. назначило постоянных дипломатических представителей в столицы ведущих европейских государств. Для представительства же Греции в Петербурге регенты не нашли более подходящей кандидатуры, чем английский филэллин генерал Чёрч.

Назначение официальным представителем Греции в российской столице английского генерала, имевшего к тому же в русских дипломатических кругах репутацию «демагога» и «врага России», вызвало здесь настоящую бурю. Знаменитый русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев, побывавший осенью 1833 г. в Греции, саркастически писал по поводу этого назначения: «Стоило только назначить посланником вместо генерала Чёрча одного из секретарей английского посольства в С.-Петербурге, таким образом избежали бы путевых расходов». Российский посланник Г.А. Катакази предупредил регентство, что император не разрешит новоиспеченному дипломату въезд в Россию. Угроза действовала, и регентство назначило посланником в Россию вместо Чёрча М. Суцоса²⁴.

²³ Подробно см.: *Палеолог Г., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. С. 105–269.

²⁴ *Международные отношения на Балканах. 1830–1856.* М., 1990. С. 98.

О первом греческом дипломатическом представителе в России следует сказать несколько слов. Михаил Суцос принадлежал к знатному фанариотскому роду, имевшему привилегию занимать господарские должности в Дунайских княжествах. Сам Суцос два года (1819–1821) был господарем Молдавии. В отличие от многих других фанариотов, относившихся враждебно к греческому национально-освободительному движению, он стал его участником, вступив в тайную освободительную организацию Филики Этерия. Оказав необходимое содействие освободительной акции А. Ипсиланти в Молдавии, он вместе с семьей переселился затем в Кишинев. В 1821 г. Суцос покинул Россию и перебрался в Грецию, где играл важную роль в политическом руководстве восстанием. Особенно значительной эта роль стала во время правления Каподистрии, когда Суцос был личным представителем президента в Париже. Вне сомнения, бывший молдавский господарь был опытным политиком и дипломатом. По своим политическим пристрастиям он принадлежал к т.н. «русской партии» в греческой политической верхушке. Прибытие в ноябре 1833 г. в Петербург первого греческого посланника завершило сложный и длительный цикл установления двухсторонних дипломатических отношений между Россией и независимой Грецией.

В заключение — любопытный факт о встрече А.С. Пушкина с М. Суцосом. Великий поэт познакомился с будущим греческим посланником в России еще в 1821 г., во время своего пребывания в ссылке в Кишиневе. Новая встреча произошла в 1833 г. в Петербурге на званом вечере у светской приятельницы Пушкина графини Д.Д. Фикельмон. В дневнике поэта, под датой 24 ноября (6 декабря) 1833 г., имеется об этом следующая запись: «Вечером *gout* у Фикельмонт. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже, не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем»²⁵.

²⁵ Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 51.

МНЕНИЯ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ ОБ ИОАННЕ КАПОДИСТРИИ

—
227

На страницах этой книги нередко упоминалось уже имя Иоанна Каподистрии. Речь шла главным образом о его участии в греческих делах. Но ведь Каподистрия свыше 14 лет провел в России, где принимал участие в ее общественной и культурной жизни, имел дружеские связи с видными деятелями русской культуры. В их числе был Н.М. Карамзин. Сохранилось воспоминание о его первой встрече с Каподистрией.

Известный русский писатель и историк Н.М. Карамзин 2 (14) февраля 1816 г. прибыл в Петербург для того, чтобы получить согласие и поддержку Александра I на издание главного труда своей жизни — Истории государства Российского». Через две недели, 14 (26) февраля, в одном из первых писем, написанных из северной столицы, он сообщал жене: «Из новых примечательных знакомств наимаеную тебе Капод’Истрия; он в большой доверенности и показался мне любезным, откровенным...»¹. Так состоялось знакомство видного деятеля русской культуры Н.М. Карамзина с одним из самых выдающихся людей в истории Новой Греции, являвшегося в то время фактическим министром иностранных дел России, а позднее ставшим первым президентом независимой Греции. Но прежде чем говорить о взаимоотношениях этих незаурядных личностей, следует сказать несколько слов о том, как уроженец далекого греческого острова оказался в Петербурге и стал одним из первых сановников империи.

Иоанн Каподистрия родился в 1776 г. в родовитой аристократической семье острова Корфу и получил образование в Падуе (Италия), в одном из старинных европейских университетов. Затем он служил государственным секретарем Иони-

¹ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 147.

ческой республики, первого автономного греческого государства нового времени, созданного в 1800 г. под протекторатом России. После ликвидации республики он был приглашен на российскую службу и прибыл в Петербург в 1809 г. Головокружительная карьера Каподистрии в России приходится на период завершения долголетних наполеоновских войн. Программа Александра I по послевоенному устройству Европы предусматривала определенный компромисс с новыми общественными силами, появившимися на политической сцене континента в результате Французской революции и наполеоновских войн. Для выполнения новых серьезных задач внешней политики России требовался новый человек с опытом политической деятельности в послереволюционной Европе. И выбор императора остановился на бывшем государственном секретаре Ионической республики, в котором он видел «полномочного представителя духа времени». Это видно из высказывания Александра I о Каподистрии, относившегося к концу 1813 г., когда он дал ему важное дипломатическое поручение: «Каподистрия человек весьма достойный по своей честности, мягкости обращения, по своим познаниям и либеральным взглядам. Он родом из Корфу, следовательно, республиканец, и выбор мой остановился на нем именно потому, что мне известны принципы, которыми он руководствуется»².

Каподистрия в значительной мере оправдал возлагавшиеся на него надежды. В 1814–1815 гг., на Венском конгрессе, имея столь серьезных противников, как Меттерних, Талейран, Каслри, он с большим искусством содействовал осуществлению российской программы послевоенного устройства Европы. Доверие и расположение к нему Александра I все более увеличивались, и царь после завершения работы Конгресса назначил Каподистирию статс-секретарем Министерства иностранных дел России. Другим статс-секретарем был К.В. Несельроде, но вес и авторитет Каподистрии в служебных делах был несоизмеримо выше и фактически, как уже говорилось, до 1821 г. грек с Корфу являлся министром иностранных дел России.

Во время своего пребывания в России образованный ионический аристократ поддерживал связи с видными деятелями русской культуры. Материалы об этих связях, неиспользовав-

² *Щильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. III. С. 181.

шиеся до сих пор биографами Каподистрии, позволяют пролить новый свет на интеллектуальный и духовный облик этой выдающейся личности.

Особенно близкие отношения установились у дипломата с Карамзиным. После первой встречи между ними в феврале 1816 г., о которой говорилось в начале нашего очерка, историк и дипломат виделись регулярно, между ними сложилась тесная дружба, продолжавшаяся до смерти Карамзина в 1826 г. Карамзин был высокого мнения о человеческих качествах Каподистрии. Вот некоторые отзывы знаменитого историка о его греческом друге: это «умнейший человек нынешнего двора», «умный, благородный человек», «он душою высок перед другими»³. Учитывая независимый характер Карамзина, который не заискивал ради личных выгод перед сильными мира сего, его оценка умственных и душевных качеств Каподистрии, в то время влиятельного министра, имеет высокую цену. Свое влияние Каподистрия готов был всегда использовать ради русской культуры, к которой он относился с большим уважением.

Особого внимания заслуживают совместные действия Каподистрии и Карамзина в 1820 г. по спасению А.С. Пушкина от преследования. Великий русский поэт вызвал гнев царя своими вольнолюбивыми стихами, и ему грозила ссылка в Сибирь или на Соловки. Но в конечном счете ссылка была заменена переводом Пушкина, числившегося на службе в Коллегии иностранных дел, из Петербурга в Кишинев, в канцелярию наместника Бессарабии И.Н. Инзова. И заслуга в этом принадлежит Каподистрии и Карамзину, объединившим свои усилия для того, чтобы спасти юного поэта от суровой кары. Как пишет хорошо осведомленный мемуарист Ф.Ф. Вигель, «трудно было заставить Александра отменить приговор, к счастью, два мужа твердых, благородных, им уважаемых, Каподистрия и Карамзин, дерзнули доказывать ему всю жестокость наказания и умолить о смягчении его»⁴.

Помимо Н.М. Карамзина, друзьями статс-секретаря были также писатели В.А. Жуковский и И.И. Дмитриев. Связи Каподистрии с литературными и научными кругами России были широкими. Он хлопотал перед царем не только за Пушкина, но

³ Арш Г.Л. Н.М. Карамзин и Иоанн Каподистрия // Греческая культура в России. XVII–XX вв. М., 1999.

⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. II. С. 152.

и за других писателей и ученых. Благодаря этому Каподистрия снискал себе репутацию умного и просвещенного вельможи, покровителя наук и искусств. 17 (29) июня 1818 г. Петербургская Академия наук единогласно избрала его своим членом как имеющего желание и возможности «оказать важные услуги наукам и Академии в частности»⁵. Действительно, Каподистрия не раз добивался субсидий для ученых, содействовал изданию их трудов. Более того, образованный грек был вдохновителем некоторых научных проектов. Так, этнограф и художник П.П. Свиньин пишет в предисловии к своему этнографическому описанию народов России: «Я останусь навсегда признательным графу Каподистрия за то, что он первый посеял во мне мысль и поощрил на дерзкое предприятие объехать Россию, предприятие, которое через десять лет после того удалось мне выполнить совершенно по его плану»⁶.

Среди друзей Каподистрии в России были не только писатели и ученые. У него были друзья и единомышленники среди дипломатов и военных, особенно среди тех, кто был сторонником решительной поддержки Россией ее православных единоверцев на Балканах. В их числе был генерал А.П. Ермолов. Этот видный военачальник, в 1816–1827 гг. главнокомандующий войсками на Кавказе, так отзывался о Каподистрии в одном из своих писем 1817 г.: «Я люблю сего человека как отлично умного и отдаю ему справедливость, что никто лучше не видит пользы политических наших дел»⁷.

Помимо большого ума и высоких душевных качеств грека-корфиота, общавшиеся с ним россияне отмечали благородство и красоту его внешнего облика, вызывавшие древнегреческие реминисценции. По описанию Д.Н. Свербеева, дипломата и общественного деятеля, встретившегося с Каподистрией в 1817 г., это был тогда «стройный, довольно высокий ростом [человек], одетый весь в черном, бледный лицом, которое представляло, как бы на древнем антике или медали, изящный тип греческой мужской красоты»⁸.

⁵ Арш Г.Л. Н.М. Карамзин..., С. 32.

⁶ Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ея народов. СПб., 1839. Ч. 1. С. V.

⁷ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 248.

⁸ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. М., 1899. Т. II. С. 166–167.

Обаятельный облик Каподистрии запечатлели и русские художники. Благодаря изысканиям О.А. Белобровой, в последние годы стали известны его портреты, принадлежащие кисти видных русских художников О.А. Кипренского и А.П. Брюллова (брат К.П. Брюллова)⁹.

Все приведенные выше материалы говорят о том, что отношение к выдающемуся греку в России было весьма благожелательным.

По словам одного из греческих биографов Каподистрии, он «пользовался всеобщей любовью в России и не имел врагов, несмотря на важные должности, которые он занимал на протяжении долгих десяти лет»¹⁰. Но утверждение это не совсем точно. Враги и недоброжелатели у греческого министра Александра I в России были. Консерваторы видели в нем «либерала» и «конституционалиста», принципы и деятельность которого противоречили охранительным основам политики самодержавия.

Несмотря на интриги недоброжелателей, положение Каподистрии в российском правительстве оставалось прочным до тех пор, пока европейская политика Александра I основывалась на определенном признании необратимости перемен, созданных Французской революцией и наполеоновскими войнами. Но оно пошатнулось, когда во внешней политике России победила открыто реакционная линия.

К.В. Нессельроде, другой статс-секретарь по иностранным делам, придерживавшийся реакционных взглядов и питавший зависть и неприязнь к своему греческому коллеге, намного превосходившему его по дипломатическим способностям, 4 (16) марта 1821 г. сообщал со злорадством своей жене, что «доверие “восьмому мудрецу” значительно уменьшилось и расположение к нему уже не прежнее... Каподистрия сам вызвал перемену настойчивостью и неосторожностью, с которыми он выражал свои мнения, по совести ошибочные»¹¹. Письмо это было написано в Лайбахе (Люблина), на конгрессе

⁹ Белоброва О.А. О греческой теме в русском искусстве первой трети XIX в. // Балканские исследования. Вып. 6: Культура народов Балкан в новое время. М., 1980. С. 146–157.

¹⁰ *Papadopulo-Vretos A. Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce le comte Jean Capodistrias*. P., 1837. Т. 1. С. 81.

¹¹ Граф Каподистрия и граф К.В. Нессельроде. 1820–1821 // Русская старина. СПб., 1884. Т. 41. С. 223.

Священного союза, где проявились разногласия между Александром I, ставшим на путь открытой контрреволюции, и его министром, сохранившим верность своим либеральным убеждениям.

Разногласия эти переросли в открытый конфликт после начала Греческой революции. Находясь на русской службе, Каподистрия оставался греческим патриотом, сторонником освобождения Греции от османского ига. Первоначально он отнесся отрицательно к начавшемуся в марте 1821 г. освободительному восстанию в Греции, считая его преждевременным. Но когда это восстание переросло в общенациональную революцию, он решительно встал на ее сторону.

—
232

Неудача усилий Каподистрии побудить Александра I вооруженной рукой поддержать восстание греков, за что выступала и значительная часть русского общества, привела к фактической отставке статс-секретаря и его отъезду в августе 1822 г. из России.

Этот неблагоприятный поворот в судьбе Каподистрии вызвал огорчение у его русских друзей. 10 (22) августа 1822 г. Карамзин делился по этому поводу своими чувствами с одним из своих московских корреспондентов: «Жаль, что любезный, умный граф Каподистрия нас оставляет. Таких людей мало». Через месяц, размышляя о политическом смысле этого события, историк написал: «Европа погребла греков: дай Бог воскресения мертвым»¹².

В связи с удалением Каподистрии от дел произошел эпизод, показывающий большое уважение и неподдельную привязанность, которые питали к нему люди, служившие под его началом. После отъезда Каподистрии все сотрудники его канцелярии, за исключением одного, намеревались оставить службу, и потребовались большие усилия с его стороны для того, чтобы убедить их не делать этого, так как такая коллективная отставка выглядела бы как антиправительственная демонстрация¹³.

После отъезда из Петербурга Каподистрия поселился в Женеве и прожил здесь свыше четырех лет. Его навещали в Швейцарии русские друзья, встречи эти происходили также в Германии и Франции, куда Каподистрия совершал поездки. В.А. Жуковский, один из его близких друзей, под впечатле-

¹² Арш Г.Л. Н.М. Карамзин..., с. 34.

¹³ Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 141.

нием своей встречи с отставным министром, происшедшей, по-видимому, в 1825 г., характеризовал его следующим образом: «Он обладает обширную ученостью, замечательно разнообразною. Он опытен в людях, изученных им во всех видах и во всех отношениях... наружность его привлекательна и внушает доверие и сочувствие. Он во цвете лет, ему нет еще 50 годов, но его душа еще свежее его возраста. С этой душевно свежестью он умеет соединять холодный рассудок, чрезвычайно логичный, и обладает даром выражать свои мысли ясно и правильно, что придает особую прелесть всему, что он говорит... Теперь он удален от дел. Но он пользуется уважением России и целой Европы»¹⁴.

Впереди у Каподистрии была еще самая важная глава его жизни — пребывание на посту первого президента независимой Греции. Но еще до избрания его в 1827 г. на этот пост Каподистрия не жалел ни сил, ни средств для обеспечения победы греков в войне за независимость. Об этом имеются свидетельства русских современников, общавшихся с Каподистрией после его отъезда из России.

Д.Н. Свербеев, в 20-е годы XIX в. служивший в российской миссии в Берне и посещавший в те годы в Женеве опального министра, рассказывает, как тот расходовал свое жалованье, которое он получал из России (живя в Швейцарии, Каподистрия формально оставался на российской службе). Он вел очень скромный образ жизни и соблюдал режим строжайшей экономии во всех своих расходах, включая расходы на питание. Российский дипломат объяснял это тем, что Каподистрия «из всех получаемых им из России ежегодно 90 тыс. франков, издерживал на себя только 10 тыс., остальные же 80 тыс. отдавал в пользу борющихся с турками своих соотечественников»¹⁵.

2 (14) апреля 1827 г. греческое Национальное собрание избрало Каподистрию президентом Греции. А в мае 1827 г. он совершил поездку в Петербург, где пробыл два месяца. Здесь в ходе переговоров с Николаем I Каподистрия добился обещания российского монарха оказать финансовую помощь Греции, положение которой в тот момент было отчаянным. Секретарь по собственному желанию был уволен с русской

¹⁴ Сочинения Жуковского. М., 1902. Т. 1. С. 368–369.

¹⁵ Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. Т. II. С. 169. (Франк равнялся тогда одному рублю ассигнациями).

службы, получив самую положительную оценку своей предыдущей деятельности. Было весьма благоприятно урегулировано и финансовое положение Каподистрии. В частности, ему была выплачена сумма аренды по 1835 г. за поместье в Волынской губернии; эта аренда была ему предоставлена в 1821 г. в размере 8000 рублей серебром ежегодно. Каподистрия был вполне удовлетворен результатами своей поездки в Петербург. Вскоре после отъезда из российской столицы он писал своему другу, известному дипломату Г.А. Строганову: «Мне было бы невозможно, господин граф, выразить Вам те глубокие переживания, которые я испытал на протяжении двух месяцев, которые и провел в С.-Петербурге и особенно в момент расставания с отчизной, которая оказала мне честь, усыновив меня. Что меня утешило и что меня всегда будет утешать — это неизгладимая память о трогательных свидетельствах благосклонности, которую мне оказали Е.В. Император, его августейшая фамилия и все те люди самого различного положения, с которыми я когда-либо имел дело. Я увожу с собой их благословения и их пожелания»¹⁶.

Готовясь к отъезду в Грецию, Каподистрия посетил Англию и Францию, ища у правительств этих стран материальной поддержки. Встретившийся с ним в октябре 1827 г. в Париже известный русский общественный деятель А.И. Тургенев писал об исключительном самопожертвовании выдающегося грека ради блага своей страны и его стремлении защитить национальные интересы Греции: «Он все отдал грекам: и сумму, выручаемую за аренду, и жалованье; и теперь гол, как сокол, и только думает о спасении отечества». При получении же иностранных субсидий Каподистрия старался предотвратить появление особой зависимости Греции от какой-либо державы, в т.ч. от России. Тургенев продолжал: «Император Николай предлагал ему величайшие денежные пособия; но он не принял более того, сколько думают дать другие главные государства: Франция и Англия, дабы не возбуждать подозрения против России и не быть ей более благодарну, чем другим»¹⁷.

¹⁶ Arš G.L. Capodistria et le gouvernement russe (1826–1827) // Les relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki, 1983, P. 132.

¹⁷ Срезневский И.И. Александр Иванович Тургенев. Несколько о нем воспоминаний // Русская старина. СПб. 1875. Т. 12. С. 746.

Тогда же Каподистрия получил письмо от В.А. Жуковского с добрыми пожеланиями. Знаменитый русский поэт писал своему греческому другу: «Вы едете в Грецию. Вы сочетаете судьбу вашу с судьбою вашего великодушного народа. Какой бы не последовал исход, ваше прекрасное самопожертвование принадлежит человечеству, и вы уже приумножили сокровищницу великих дел, которые одни составляют истинное наследство, получаемое нами от прошедшего, и благословляющие вас останутся навсегда благодарны за прекрасные ощущения, которые они должны были испытать преподавая вам благословение...»¹⁸.

Все эти высказывания и пожелания отражают не только отношение русских современников к замечательной личности первого президента Греции, но и их горячее сочувствие борьбе греков за освобождение и создание современного государства. Такое мнение высказал, в частности, известный писатель С.Н. Глинка. Свою книгу «Картина историческая и политическая новой Греции», изданную в начале 1829 г., он посвятил Каподистрии. Это посвящение гласит: «Графу Ивану Антоновичу Каподистрию, знаменитому президенту Греции, Да поможет Вам небесное провидение воскресить из вековых развалин древнюю Елладу! Да разцветет она новою жизнью под Вашим руководством и да сольется с общим ходом человечества!»¹⁹.

Правление Каподистрии в Греции продолжалось четыре года. Здесь мы не собираемся подробно анализировать характер этого правления. Скажем только, что за время своего президентства он внес огромный вклад в дело успешного завершения войны за независимость и создания основ греческой государственности*. Но его плодотворная деятельность была прервана 27 сентября (9 октября) 1831 г., когда Каподистрия стал жертвой политического убийства. Убийство Каподистрии вызвало всеобщее осуждение русских современников. Так, российский посланник в Константинополе А.П.Бутенев расценил его как злодеяние, не имеющее каких-либо оправданий. Он писал 17 (29) октября 1831 г. в своем донесении, что «благородный

* Некоторые подробности деятельности И. Каподистрии в Греции см. в очерке, вошедшем в настоящий труд: «Российская эскадра адмирала П.И.Рикорда в Греции (1828–1833)».

¹⁸ Из писем А.И. Тургенева к брату его Николаю // Русский архив. М., 1895. Кн. 3. № 9. С. 60.

¹⁹ Белоброва О.А. О греческой теме..., с. 105.

характер Президента, жертвы всякого рода, которые он принес ради дела Греции, неоспоримые услуги, оказанные им ей, еще больше показывают чудовищность преступления, налагающего на греческое имя печать позора и неблагодарности, которую будет трудно стереть»²⁰.

И после трагической гибели Каподистрии русские современники проявляли интерес к этой выдающейся личности. Так, видный русский писатель революционер-демократ Александр Герцен сопоставлял «греков Перикла» и «греков Византии» с «греками Каподистрии»²¹. В сознании Герцена Новая Греция закономерно ассоциировалась с именем Каподистрии. Следует здесь сказать, что и в отечественной исторической литературе Иоанн Каподистрия рассматривается как выдающийся государственный деятель Новой Греции и, для определенного периода, — как российский политик либерального направления.

—
236

²⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 169. 1831 г. Д. 283. Л. 356.

²¹ Герцен А.И. Полн. собр. соч. в 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 473.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. [А. Джика]

ЖЕЛАНИЯ ГРЕКОВ К ЕВРОПЕ ХРИСТИАНСКОЙ

Публикуемое обращение греческого патриота к европейскому христианскому миру является важным и малоизвестным документом зарождавшегося греческого национального движения. Автор вспоминает о «славной эпохе» Древней Греции, о тех бедствиях, которые греки терпят со времени их завоевания турками, о войнах, которые вели против последних европейские державы (прежде всего Австрия и Венеция), и в которых греки приняли активное участие в надежде — к сожалению, не осуществившейся, — что эти державы принесут им освобождение от тяжелого иноземного ига.

Обращение это появилось в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда у греков вновь появились надежды на освобождение, на сей раз — с помощью России. В то же время в греческих патриотических кругах существовали опасения — и это пронизывает весь текст обращения, — что западные державы не позволят России воспользоваться плодами своей победы. Надо сказать, что опасения эти имели серьезные основания. Особенно агрессивно вела себя Австрия, заключившая с Портой 7 июля 1771 г. договор, по которому она обязывалась «путем переговоров или силой оружия» добиться от России заключения мира с турками с возвращением им всех занятых российскими войсками территорий. Для подкрепления своего давления на Россию венский двор сосредоточил войска в Трансильвании, на фланге российской Дунайской армии¹.

Ни в одной из публикаций обращения греков к Европе имя его автора не указывалось. По мнению некоторых греческих историков, авторство обращения принадлежит Евгению Булгари². Хотя

¹ История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004. С. 120–121.

² См.: *Китромилидис П.* Эпоха Просвещения в Греции. СПб., 2007. С. 140.

выдающийся греческий просветитель, живший в то время в России, опубликовал тогда же записку аналогичного содержания³, есть бесспорные данные, что автором данного документа был Антон Джика. Но прежде, чем привести эти данные, скажем несколько слов об этой личности.

Антон Джика принадлежал к видной семье Химары. Эта горная область Южной Албании, населенная православными албанцами, только формально подчинялась власти султана. Одним из основных источников существования албанцев того периода было военное ремесло. Но в отличие от албанцев-мусульман, служивших в войсках султана и его пашей, химариоты нанимались на военную службу в Венеции, Королевстве Обеих Сицилий, Испании — государствах, являвшихся противниками Османской империи. С греками их объединяла не только общая вера, но и неприятие султанской власти. Поэтому химариоты, как и греки, с энтузиазмом откликнулись на призыв А.Г. Орлова, руководителя Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., начать вместе с русскими борьбу за свое освобождение. В Химаре началась вербовка для формирования особого подразделения из албанцев в составе русских сил. Среди наиболее активных вербовщиков оказался граф А. Джика.

Этот представитель химариотской аристократии родился в 1733 г.⁴ Он принадлежал к семье, чье влияние и благосостояние было целиком связано с военной службой в Неаполитанском королевстве. Его отец Страти Гика был генерал-лейтенантом на службе короля Обеих Сицилий и полковником существовавшего в королевстве Македонского полка, где служили в основном химариоты. Многие родственники А. Джика также занимали офицерские должности в этом полку. С этой традиционной в семье службой и связано, по-видимому, происхождение графского титула А. Джика и его родственников. Хотя сам Антон и не служил в Македонском полку, но, по всем данным, он долго жил в Италии и получил здесь хорошее образование. Судя по публикуемому документу,

³ См.: *Арш Г.Л.* Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII — начале XIX в. // История. Культура. Этнология. М., 1994. С. 81–82.

⁴ Биографические сведения об Антоне Джике взяты из его формулярного списка и из докладной записки о нем, представленной Екатерине II в 1777 г. См.: АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1777–1800. Д. 1531. Л. 6–7; Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1776–1777 гг. // РИО. СПб., Т. 145. С. 410–411.

исторические познания его автора были весьма основательными. Он хорошо знал и языки: новогреческий, итальянский, французский. После Чесменской битвы он совершил поездку к А.Г. Орлову на российский флот, как говорится в докладной записке о нем для Екатерины II, «в звании полномочного депутата от Албанской нации». Затем он вернулся в Химару, где по поручению главнокомандующего произвел вербовку добровольцев для императорской службы. Затем он прибыл в Италию и в Ливорно снова встретился с А.Г. Орловым, находившимся там временами в 1771–1774 гг. А именно в 1771 г. было опубликовано обращение А. Джики. Его авторство подтверждает указанная докладная записка Екатерине II. Здесь о Джике говорится, что он приобрел известность в Италии своими литературными произведениями. Как отмечалось в записке, «между прочими его пиесами, одна, напечатанная на итальянском языке, называемая (*Voti dei Greci all'Europa christiana*) Моления греков, приносимыя христианской Европе, ставилась в Италии за избраннейшее сочинение».

Эта «пиеса» говорит о настоящем перевороте в мироощущении образованного химариота: из «депутата Албанской нации» он превратился в представителя патриотических кругов Греции, изложившего от их имени в обращении к Европе чаяния и тревоги греков, связанные с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. Восприятие А. Джикой идеи национального освобождения Греции было связано с его активным участием в Архипелагской экспедиции, главной целью которой декларировалось осуществление этой идеи.

О том, что А. Джика, к моменту публикации его обращения, стал по своему национальному самосознанию греком и горячим приверженцем освобождения Греции, свидетельствует его друг, итальянский просветитель и поэт Ф.М. Пагано, встречавшийся с ним в Неаполе. В своей «Речи», опубликованной в 1771 г. и посвященной А.Г. Орлову, он так характеризует А. Джика: это «единственный из греков нового времени, следуя примеру Ксенофонта, соединил литературу с оружием, греческую доблесть с величайшей любовью к отчизне»⁵.

Литературные произведения А. Джики, опубликованные в Италии, также были вдохновлены идеей борьбы за освобождение Греции. Так, в стихотворном сборнике «Поэтические сочинения различных авторов», посвященном Екатерине II, А. Джика

⁵ *Вентури* Ф. Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 126.

участвовал двумя итальянскими сонетами, один из которых он сам перевел в «политические новогреческие стихи». В одном из сонетов он выразил надежду, что в результате победы России в войне «наконец возродится из хладного пепла греческая империя».

Возникает вопрос, почему национальные чаяния греков выразил албанец-химариот, и притом на итальянском языке? Следует заметить, что в то время для многих участников освободительной борьбы на Балканах разных национальностей понятия «православный» и «грек» отождествлялись. И освобождение от османского ига означало для них, в т.ч. и для Джики, не создание греческого государства на национальной почве, а возрождение средневековой Греческой империи. В результате греческое самосознание и греческие идеалы усваивались многими жителями Балкан. Что же касается употребления Джикой итальянского языка, то следует иметь в виду, что в то время это был международный язык Средиземноморья, а для верхушки химариотского общества, к которой принадлежал Джика, он являлся основным письменным языком.

Говоря об условиях, способствовавших появлению произведения Джики, следует учитывать одно важное обстоятельство. Его труд был опубликован во флорентийской газете в июле 1771 г. Есть основания предполагать, что это произошло не без ведома и поощрения А.Г. Орлова, находившегося в Тоскане в мае-июне 1771 г.⁶, так как русское правительство было весьма заинтересовано в выступлении греческих национальных кругов в поддержку военной акции России в Архипелаге.

Вся последующая жизнь А. Джики прошла на службе России, на военном и дипломатическом поприще. Формально он вступил на российскую службу в июне 1772 г. в чине капитана. Его служебная деятельность началась в канцелярии А.Г. Орлова в Ливорно. Его «усердие и искусство в греческом и итальянском языках, — говорится в докладной записке Екатерине II о Джике, — доставили ему доверенность употребленну быть в письменные дела».

После отъезда А.Г. Орлова из Италии А. Джика, произведенный в январе 1775 г. в чин секунд-майора, был переведен в канцелярию генерал-цейхмейстера И.А. Ганнибала, который занимался претензиями нейтральных государств, суда которых были захвачены российским флотом во время Архипелагской экспедиции. После завершения этой работы А. Джика вместе с И.А. Ганнибалом прибыл в начале 1777 г. в Петербург. Здесь по его ходатай-

⁶ См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. М., 2011. С. 296–297.

ству, поддержанному А.Г. Орловым, он в мае 1777 г. был назначен советником российского посольства в Неаполе. В феврале 1785 г. Джика был назначен генеральным консулом России в Рагузе (Дубровник). Этот важный пост он занимал до 1800 г., когда по указу Павла I его уволили со службы в чине действительного статского советника и с пенсией в 1000 рублей. Увольнение это произошло вопреки воле самого Джика, но по какой причине это случилось, по документам установить не удалось. В то же время в документах Коллегии иностранных дел упоминается, что пенсия Джика за январскую треть 1811 г. была возвращена почтой вследствие смерти пенсионера⁷. В результате можно утверждать, что этот российский дипломат и греческий писатель умер в 1810 г.

Публикуемое здесь в переводе произведение А. Джика начало печататься во флорентийской газете «Notizie del Mondo» («Мировые новости») 6 июля 1771 г. Это обращение от имени греков к христианской Европе было воспроизведено в ряде европейских газет. Уже 20 июля 1771 г. оно было перепечатано в выходившей в городе Клеве (Пруссия) популярной франкоязычной газете «Courier du Bas-Rhin, ou Gazette de Cleves» («Нижнерейнский курьер, или газета Клеве»), а 16 (27) августа 1771 г. в приложении к «Санктпетербургским ведомостям» был опубликован и русский перевод произведения А. Джика под заголовком «Вопль греческого народа к европейским христианам».

Следует сказать, что это был не единственный русский перевод обращения греческого патриота к Европе. Текст его, опубликованный на французском языке в газете «Нижнерейнский курьер», перевел А.Н. Радищев. Перевод, составляющий половину текста оригинала, остался незаконченным, по-видимому, из-за того, что произведение Джика уже перевели «Санктпетербургские ведомости». Интерес А.Н. Радищева, будущего революционера и глубокого мыслителя, учившегося в 1771 г. в Лейпцигском университете, к произведению А. Джика отражал интерес и сочувствие русского общества к освободительным стремлениям греков.

Незавершенный перевод труда греческого патриота, сделанный А.Н. Радищевым и опубликованный в 1940 г.⁸, включен в настоящую публикацию перевода. Таким образом, наша публикация труда А. Джика состоит из двух составных частей: незаконченного перевода А.Н. Радищева и раздела из современной

⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив. IV–13. Оп. 131. 1801. Д. 1. Л. 1–2; Ф. Административные дела. IV–12. 1812. Д. 1. Л. 1.

⁸ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1940. Т. 2. С. 225–228.

ему публикации перевода в «Санктпетербургских ведомостях». Включение в публикацию незавершенного перевода А.Н. Радищева обусловлено не только данью уважения первому русскому революционеру, 210 лет со дня смерти которого исполнилось в 2012 г., но и тем, что, по мнению публикаторов этого произведения, «радищевский перевод по своей лаконичности и четкости мысли стоит гораздо выше печатного перевода»⁹. Следует также сказать, что использованный нами заголовок перевода принадлежит А.Н. Радищеву. Этот заголовок — «Желания греков к Европе христианской» — наиболее соответствует его итальянскому оригиналу: «Voti dei Greci all'Europa christiana».

244

Благополучие времен древней Греции есть столь славная в хронике света эпоха, что бесполезно бы было повторять, что самая сия страна, которая ныне есть феатром толь многих злоключений, под игом наших тиранов, была прежде, когда предки наши жили под державою вольности, феатром славы, благополучия и изобилия. Там мудрыя были учреждены законы; почитаемое там правосудие было с такою же справедливостью и в воинском искусстве наблюдаемо, благороднейшие и полезнейшия художества там процветали, но более всего была страна сия отменна исполнением всех общих и частных добродетелей. Столько же бы было бесполезно, напоминать здесь произшестввию уже всей Европе известныя, то есть, сколь бедно состояние всех христианских Греков, с тех пор как слабостию Константинопольских обладателей, принуждены были они поддаться власти турецкой; естли кто нибудь, который бы не ведал, что не имеют они законов, которыя бы их защищали; и что они суть гнусныя орудии своих властелинов, которыя будучи возбуждаемы суеверием закона магометова, правила к обращению или истреблению имеющаго давно бы всех их погубили, естлиб чаяли найти в том свою пользу.

Естли справедливо то, что климат и род натуральныя свойства челоуеков составляют, которыя способом законов и воспитания оказываются и в совершенство приводятся, то нынешния греки живущие в том же климате праотцов своих, так же могут сделатся способными к превозходным и великим делам, которыя толь славными их творили. Небоположение все то же, и те же правила гонения веры, разделяющия турков от всех протчих народов, странным образом споспешествовали к сохранению между Греками прежних нравов их предков. И так неудиви-

⁹ Там же. С. 404.

тельно естли во время 318 лет не могли они совершенно к раболепному начальству приучится; и во все сие время не пропускали они ни одного случая, или возвратить свою вольность, или по крайней мере быть под начальством менее жестоким и умереннейшим какой ни есть христианской державы.

Без сомнения не удивятся, что под начальством варварским где знания бесполезны или вредны, науки и художества столь мало между Греками в обыкновении... более будут иметь причин к удивлению, что в бедственных обстоятельствах дел находится еще в разных европейских училищах такое множество Греков, которые стараются там полезным наукам обучатся. Надлежит приметить, что все художества и отправления торгов у турков в их находятся руках. Естлиж кому покажется чрезвычайным, что есть между народом более трех веков в рабстве пребывающем, люди, имеющие нравы и обычаи рабские, то просим мы его, рассмотреть, что в рабском состоянии, всякая добродетель есть преступление, которое злодейством против тирана почитается; что под начальством, где мужество и откровенность творят людей несчастливыми, может то за героичное действие почестся, дабы отрещися от всякого лукавства, что трудно надеяться, чтоб все люди к тому способны были; и что, наконец, мудрой законодатель, может дать другой предмет склонностям человеческим, и лехко ему будет обратить их к добру, когда всякой найдет собственное свое Благополучие в Благополучии общественном и в исполнении добродетели. Но лехко можно будет разсудить из того, что мы для пользы христианских государей, котория с нашими тиранами воевали, делали, отступились ли Греки от всех добродетелей, а паче от той, которая побуждает людей пренебрегать собственную свою пользу, жертвовать своим именем, жизнью, детьми своими для спасения своего отечества и подкрепления веры. Венецианцы должны нам отвечать за всю пролитую нами кровь, когда помогали мы им завоевать Морею. И наше постоянство при трудной и долговременной осаде Скандии* будет навсегда славно. Но славный австрийский дом может более всего засвидетельствовать наше усердие и верность, напоминая героический подвиг жителей коронских, котория погибли за Карла V. Сей светлейший дом не забыл может быть еще что в недавном времени в 1737 множество Греков жертвовали жизнью в надежде видеть штандарты И. X. с нова в сих местах водрузенныя; но белградской мир зделал все сии старания тщетными, и лутчие наши надежды в ничто обратил. Не для того напоминаем мы то, что мы были

прежде, что мы теперь, и что можем быть вперед, чтоб превозносился тем; но для того чтоб убедить христиан братий наших не предать нас на произвол уготованной нам свирепой судьбины. Естли б могло сие способствовать несколько к преклонению сердец их в нашу пользу, то показали б мы им, что любовь к святой христовой вере могла нас более возбудить нежели самая ненависть и бедсты ужасного 300 летняго рабства. Мы знаем, что исполнение должностей наших, а паче еще должности толь святой, надлежит быть для человека праведнаго причиною ко утешению, а не к питанию в нем гордости. Но естли исполнение должности какой требует от того, которой оною исполняет, истребление и преодоление натуральных страстей человеческих, то заслуживает он чрез то почтение и отличность от равных себе. Помыслите, что сколько миллионов Греков котория уже целья три века в бедности и угнетении живут, могут единым действием своего желанья, сделатся друзьями тираннов своих, и разделять с ними их выгоды и преимущества: но такое состояние приводит в трепет христианина; оно состоит в том чтоб отрещися от христианскаго закона, и изповедовать веру магометову, да сохранит нас бог впредь от сей суетности человеков, как сохранял он нас во время минувших веков! Скоро не останется нам выбирать между отпадением от веры и рабством, но между отпадением и смертью, и сия жестокая крайность непременно будет соединена со всеми варварствами и со всеми природными свирепствами безчеловечных наших тиранов. Сия самая причина, дабы избавить богослужение И. Х. от гонения и свергнуть иго наших мучителей, побуждающая нас прежде приставать то к венецианцам, то к австрийскому дому, вновь возбудила в нас наше мужество, и преклонила к восприятию оружия для непобедимой Героини, царствующей над россиянами. Сия славная государыня, которая мудрым своим правлением, и несравненными законами толикое множество подверженных ей народов творит благополучными, которая принуждена была начать войну с турками, потому что они осмелились прежде мир нарушить, кажется, что только для того скорья победы свои продолжает, дабы истребить общаго врага; и чтоб отдаленнейшия народы разделили с подданными Ея то благополучие, которым они под державою Ея наслаждаются: важность и скорость Ея побед, и усугубляющаяся робость наших тиранов, заставили

* Речь идет о крепости Кандия (Ираклион) на Крите, осаждавшейся в 1648–1669 гг. турками.

нас почитать уже близкими минуты нашего избавления. Мы надеялись, что покровительство великодушной сей избавительницы еще раз допустит нас жить под управлением законов, что вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежней свой вид получит. Надежда толиких выгод, в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изтязаний тиранами нашими нам приуготовляемых, как из отмщения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаянием. Мы должны опасаться, чтобы россияне не положили победоносного оружия своего из другой причины, нежели из почтения к неприятелю. Да отвратит нас грозящее сие бедство. Наша конечная погибель есть малейший вред которой от того произойти может. Мы трепещем еще больше о судьбе наших одноземцов, которые довольно будут слабы, чтоб поколебаться ужасом страшных изтязаний, и которые предпочтут сию брнную жизнь вере И. Х. и жизни безконечной (Сии последняя строки с лишком Греческия)*.

То что ныне с нами последовало, когда Турки в безизвестности еще о собственном жребии, могут опасаться возчувствования и справедливаго наказания от победителей своих, ясно оказывает нам, что воспоследует, когда освободясь от всякаго опасения, дадут полное стремление своему мщению и ярости. В Морее мужеский и женский пол, старики и младенцы, винные и невинные, без всякаго различия были рублены. Девицы зарезаны, удовольствовав насильственные похоти воинов: таковой ужас будет не вероятен для незнающих варварского обычая мщения: церкви заперты, священники побиты, всякое богослужение запрещено под смертною казнию. Произшедшее в Смирне после Чесменской баталии, также и в Фессалонике разнеслось уже по всей Европе. Последнее приключение в Лариссе не разнствует с Морейским, хотя оно случилось единственно по ложному предлогу.

Могут ли договоры, посредства и ручательства принудить Оттоманское правительство обуздать своевольство военных людей? Чего они не учинили из уважения к победоносному неприятелю, не ведая еще чем кончится война, и предвидя возможность, что дорого заплатят за пролитую кровь толикаго числа обезоруженных Христиан? Сделают ли они то по силе

* Здесь заканчивается перевод А.Н. Радищева. Публикация продолжена посредством привлечения текста перевода, опубликованного в «Санктпетербургских ведомостях». Печатный текст воспроизводится без каких-либо изменений.

мирных постановлений, ничего у них незначущих, с людьми, коих они называют неверными, или из опасения удалившагося уже от них неприятеля, и быв при том уверены, что несогласия и зависти между Християнами долженствуют сами собою спасти их во всех пагубнейших произшествиях. Теперь же когда Турецкое правительство решилось уже для пользы государства своего на истребление Греков, почтет оно достаточным во удвольствование посредственников и ручателей одно то извинение что не возможно было обуздать ярости воинов, неприученных к послушанию. Нет сомнения, чтоб истребление наше не было непрременным их решением, основанным на пользе государственного правительства. И хотя стремления наши при сем случае имели вид всеобщаго желанія; хотя учиненное нами для Россиян, учинили бы мы равномерно из привязанности к вере в пользу и всякой другой Христианской державы, и внутреннее удостоверение о том в сердцах наших, тем больше вперяет в нас упование на человеколюбие у всех государей, исповедающих святую Христианскую веру; однако же турки вздумали, что между нами и Россиянами находится ближайшее и лучше сплетенное соглашение, нежели со всякою другою Христианскою областью, и почитают нас за внутренняго своего неприятеля, коего непременно надлежит угасить, дабы не найтись более никогда вовлеченными в подобную пагубу, к каковой по их признанию приближались они в сию войну.

Одно приступление к вере тираннов наших, купно со присвоением себе их пользы, может не только избавить нас от неминуемаго истребления; но еще, как мы выше приметили, и присовокупит нас к государственным выгодам. Желали б мы единодушно один за другаго поручиться в общей нашей твердости; но избрание мученическаго венца пред жизнью полезностями и славою светскою требует отважной добродетели.

Ежели предмет Европейскаго равновесія есть причиною страшной бури, стремящейся на главу нашу, то в сем случае мы просим позволения рассмотреть, какая польза могла бы восполновать от подобнаго развешиванія, когда толикие миллионы Христиан превосходящих во многих провинциях империи число самых Турков, для избежания смерти решатся, от чего, Боже сохрани! принять такая мысли и вступить в магометанский закон. Представим себе, какое воспоследует из того для Оттоманской порты чрезвычайное умножение сил, как приобретением толь знатнаго числа воинов, так еще и в разсуждении известнаго из опытов дознанія, что составленныя из Ренегатов, то есть из от-

падших от Христианския веры или из потомков их, войска были всегда храбрейшия. Свирепые янычары пред сим были Християне, наша собратия, равно как и Турецкие Албанцы и Босняки, коих мужество толь славно. Состояние подобное теперешнему нашему принудило их ко принятию сего гнуснаго средства.

К сему надлежит присовокупить, что Турки, у коих мужества не недостает и коих личная храбрость и отважность производила удивление и в самых твердых их неприятелях, пренебрегая по сию пору из одного тщеславия научиться у Християн военной дисциплине, в настоящую войну, быв несколько уничтожены, начинают уже признавать надобности оной. Если они действительно захотят оную завести в своем войске, не найдутся ли Християне, которые из корысти или и по другим каким побуждениям возьмутся их тому обучить? Когда они во время настоящей войны имели нужду в инженерах и артиллеристах, не сыскалось ли толикое число Християн недостойных сего имени, которые пришли на помощь неверным? Три ста таковых взяты при покорении Бендер. И кто если не Християне установляли Дарданельския батареи? И так если довольно вероятно, что искусство военной дисциплины может завестись у Турков в разсуждении им в том надобности и удобности к учинению сего, когда воспоследует купно и знатное умножение воинов, могущее случиться от страха казни; то в сем случае не знаем мы, не надлежит ли тем, кои в своих кабинетах весят Европу на весках, вспомнить и положить на щет произшедшее при Моаце, в Родосе, в Кипре, в Кандии, в Морее, в Отранте, да и при самой Вене.

О! если какой государь, основывающий Христианское исповедание на исполнении преизящных добродетелей, наполненный человеколюбием, немогущий смотреть и на одного беднаго страждущаго без ощущения жалости в своем сердце, и который не мог бы утешиться во всю свою жизнь, когда бы нашел повод укорить себя пагубою хотя одного невиннаго; если такой государь, быв оболещен каким либо ложным видом государственной своей пользы, помышляет остановить по видимому самим Провидением направляемыя руки ко избавлению нас от утеснения, да и всех других Християн от предстоящей опасности; то мы умоляем его, чтоб обратил внимание свое на сии наши плачевныя размышления, и рассмотрел основательность пагубных и неминуемых следствий, долженствующих произойти из таковых его действ. Мы удостоверены, что он ужаснется и от сомнения одного; что проливаемая Турецким мщением кровь невинных может пасть на его душу, и что всевышний Творец возмет с него

отчет в вечной пагубе всех тех, коих отчаянная робость принудит к отступлению от веры.

—
250 Нет никаких договоров между Турками и всяким другим народом. Закон их не только поощряет, но точно предписывает не наблюдать постановлений; ибо по оному кто не Магометанин, не может иметь ни на что никакого права; и так Турки став, как то вероятно; собственными своими претерпениемии гораздо просвещеннее в разсуждении хорошаго употребления сил своих, которыя могут еще толь знатно приумножиться, без сомнения, следуя непременно своему правилу дабы истреблять, либо превращать в свой закон или же по крайней мере покорять себе всех в рабство, не престанут чинить нашествия повсюду, где только признают себя сильнейшими. Все нещастия, убийства, гонения и опасности Христианства, будут всегдашню укоризною виновнику безвременнаго мира как источника толиких бедствий. Что скажет бедная Германия, если когда либо увидит возобновление плачевных дней 1683 года, в которое Кара Муштафа приближаяся к Венским стенам, переходил толикое пространство земель, везде нанося разорения, убийство, запустение и безчеловечие? Скажет конечно, что каким бы образом Россия ни предупела увенчать конец сия войны благополучно против Турков ведомой, она была бы всегда гораздо обходительнее, нежели Турки неприятели человеческой крови. Скажет также, что тщетное пугалище зависти помешало истребить неприятеля рода человеческого, который таков есть по своим начальным правилам, и против котораго Христианския державы много раз тщетно напрягали соединенныя свои силы.

На конец не требуется теперь, чтоб какое государство отважило славу своего оружия и благосостояние подданных своих. Для нас, нещастных Греков, надобно только то, чтобы кто из Христиан, воспротивившись нашему освобождению, не восхотел жертвовать миллионами невинных скорому и неминуемому истреблению, и сам при том остаться в опасности видеть некогда и себя в подобном нашему жребии. Словом, единственная милость, испрашиваемая нами у Христиан, собратии нашей, есть та, чтоб они согласились на то, дабы не погибнуть. В сем состоят нижайшья прошения, которыя приносит вам приближающийся в скором времени ко своему концу нещастливый Греческий народ.

Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1940. Т. 2. С. 225–228; Санкт-Петербургские ведомости. 1771. 16 августа. № 15. Прибавление.

II. МАНИФЕСТ ЛАМБРОСА КАЦОНИСА

Манифест Ламброса Кацониса (1792) является одним из важных документов греческого национально-освободительного движения. Он родился в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., в которой, как и в предыдущих русско-турецких войнах, греки приняли активное участие на стороне России. В манифесте особо подчеркивался вклад греков в победу России в этой войне: греческая флотилия Кацониса создала на Средиземном море второй фронт морской войны, что весьма содействовало победам русского флота на Черном море. Успехи Кацониса воодушевили греков, укрепили их уверенность в собственных силах и усилили их надежды на национальное освобождение. Как говорится в манифесте, греки рассчитывали, что в награду за их жертвы и усилия в пользу России во время войны Греция (или хотя бы ее часть) будет освобождена от османского владычества. Однако Ясский мирный договор, завершивший войну 1787–1791 гг., развеял эти надежды. Россия ничего не оговорила в нем в пользу греков; тогда они решили самостоятельно продолжать войну за свои права, и Кацонис объявил это своим манифестом.

В манифесте Л. Кацониса содержалась резкая критика российских начальников, особенно генерала В.С. Томары, командовавшего российскими флотилиями на Средиземном море*. В то же время Кацонис подчеркивал, что его акция вытекала из политики самой России, которая во время русско-турецкой войны призывала греков бороться против общего врага. Греческий патриот выражал при этом надеж-

* Кроме флотилии Л. Кацониса, на Средиземном море в период войны 1787–1791 гг. действовала и добровольческая флотилия Г. Лоренци.

ду на восстановление принадлежащих грекам их законных прав, «от милости и правосудия Ея Императорскаго Величества, общей матери».

Манифест Кацониса, как и некоторые другие важные документы греческого национально-освободительного движения, впервые увидел свет значительно позже своего появления. Это произошло в 1864 г., когда манифест опубликовал в афинском журнале «Пандора» профессор С. Куманидис с копии его на новогреческом языке, обнаруженной им на острове Занте (Закинф). В связи с содержанием и формой манифеста возникает ряд вопросов. Прежде всего, речь идет о подлинности документа, его адресате, языке оригинала. Дать ответ на эти вопросы пытался греческий исследователь П. Стаму в своей неопубликованной кандидатской диссертации¹. Данная публикация облегчит решение этих вопросов.

В 1792 г. посольство России в Константинополе получило текст манифеста Кацониса на итальянском языке². С него был сделан русский перевод, который и публикуется здесь. Сличение обоих текстов с греческой публикацией 1864 г. не оставляет каких-либо сомнений в подлинности манифеста Кацониса. Есть еще одно свидетельство, подтверждающее этот факт. В 1883 г. в фундаментальной публикации «Архив князя Воронцова» манифест Кацониса был опубликован на французском языке³. Этот вариант публикации манифеста также идентичен его опубликованному новогреческому тексту.

Важным вопросом, относящимся к обстоятельствам появления манифеста Кацониса, является его адресовка. Манифест этот выражал чаяния и надежды греческого народа, особенно его активной части. Но тогда возникает вопрос: являлся ли этот манифест обращением к греческому народу — или же обращением от имени этого народа к внешнему миру, в частности, к иностранным правительствам? По нашему мнению, речь идет, скорее всего, о втором варианте. Доказательством

¹ *Панайотис Н.* Стаму. Офицер Ламброс Кацонис и легкая российская флотилия в Средиземном море: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. С. 309–316.

² См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1792. Д. 748. Л. 57–58об.

³ Архив князя Воронцова. М., 1883. Кн. 29. С. 334–339.

здесь могут служить критика Кацонисом политики России по отношению к грекам и его обещание обеспечить после начала его освободительной операции безопасность для нейтрально-го судоходства в Средиземном море.

Существенным аргументом служит и язык обнаруженных в архивах текстов манифестов Кацониса. Все они написаны по-итальянски, с переводом на те или другие языки. Помимо российского архива, соответствующие тексты содержатся, по сведениям П. Стаму, и в голландском и итальянском архивах.

К хранящемуся в Национальном голландском архиве манифесту Кацониса на итальянском языке приложены его перевод на французский язык и донесение голландского посла в Константинополе ван Дедема от 25 июня 1792 г. Копия этой подборки документов о Кацонисе из голландского архива (кроме итальянского текста манифеста) оказалась и в Архиве внешней политики Российской империи⁴. В указанном донесении голландского посла говорится, что Кацонис в оправдание своих действий опубликовал манифест на итальянском языке, который он послал французскому послу и представителям других держав в Константинополе. Как продолжал ван Дедем, ему удалось ценой больших усилий приобрести копию этого документа, который, вместе со сделанным переводом его на французский язык, он посылает своему правительству. Таким образом, донесение голландского посла подтверждает наше мнение, что первоначально манифест был написан на итальянском языке и предназначался прежде всего для информации иностранных правительств о мотивах и целях акции Кацониса.

В этом смысле манифест Л. Кацониса имеет сходство с обращением А. Джика к европейскому общественному мнению (Приложение I). Однако между содержанием этих двух документов греческого национально-освободительного движения существует принципиальное различие: если Джика обращался к Европе с призывом не помешать России довести до конца войну с Турцией, которая должна была привести к освобождению Греции то Кацонис упрекал правительство России за невыполнение данных им грекам обещаний оказать помощь в освобождении их страны.

⁴ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1775. Д. 5642. Л. 76–78.

Манифест Л. Кацониса выражал твердую решимость греческих патриотов продолжать борьбу за освобождение страны, с поддержкой России или без нее. Поэтому, несмотря на неудачу освободительной акции Кацониса, его подвиг служил примером и вдохновением для последующих поколений борцов за свободу Греции, и манифест Кацониса был известен у Греции и имел хождение на новогреческом языке. Как уже говорилось, один экземпляр манифеста Кацониса был обнаружен С. Куманидисом и опубликован в 1864 г. По всей вероятности, манифест был написан сначала по-новогречески, затем сразу же был переведен на итальянский и на этом языке первоначально получил свою огласку.

—
254

В настоящей, первой публикации манифеста Л. Кацониса на русском языке сохранена, как и при публикации воззвания А. Джики, орфография документа.

Перевод с приложения к письму поверенного в делах господина Хвостова из Константинополя под № 8-м 1792-го года (от 3 (14) июня)

Тщетно бы было украшать выражениями и лишними доказательствами справедливость, коя сама собою ясна как солнце и которою дела сами собою доказывают более всех выражений. И так напрасно было бы потеряно время описывать все услуги Греческою нациею Российской империи оказанныя, поелику всем известно в каких случаях, как и когда сия нация посвятила себя оной империи, будучи побуждаема надеждою выручить потерянную свою вольность и ободряема обещаниями Российских генералов, а более еще полагаясь на единоверие; и сему есть видимый пример сия война.

Ныне предмет наш стремится только к тому, чтоб в кратких словах доказать справедливыя причины, побудившия полковника и кавалера Ламбро Кацония, командующаго Российскою в Средиземном море флотилиею, и всех его воюющих греков приносить жалобу на тех, коими они обижены и от коих претерпевают; почему и объясняют сим с самага начала сие дело. Сей великодушный воин, достойный имени и отечества, служив верно и с пользою СанктПетербуржскому двору прошедшую войну и находясь в начале нынешней войны под Очаковым, известный и любимый Генерал Фелдмаршалом

Князем Потемкином Таврическим за оказанную храбрость и услуги, отправлен был в Средиземное море, где должен он был ополчиться противу общего неприятеля, не получа однако ж на сие никакой казенной суммы. Конечно, ни кто другой не только не произвел бы сие в действо, но не осмелился бы и начинать такое трудное дело. Однако ж Кациони, пространным своим знанием и неусыпным усердием к Императорской службе и своего отечества, присоединив к тому человеколюбивой свой характер, ласковое обхождение и учтивой образ обладать сердцами, успел уговорить множество из своих единоземцев следовать его примеру, коими вооружив 18-ть судов флотилии, пошел по приказанию противу неприятеля. Был обладателем всего Архипелага, и турецкой, гораздо превосходивший его флот, боялся его; он же не только не искал избежать случая сразиться с неприятелем, но выбрал себе порт у острова Зеи, неподалеку великих сил отоманских, и почти, так сказать, у ворот столицы.

Ни кто не может опровергнуть, что турецкой флот был отправлен в Белое море чтоб отвратить вред Ламбром туркам наносимой, и ни кто не может также опровергнуть, что если бы флотилия Кациония не устрасила турок, то бы порта не отделила бы в Белое море части корабельнаго флота, назначеннаго в Черное море, где был настоящий театр войны, и где долженствовала решиться судьба обоих флотов.

Ни кто не может опровергнуть, что если бы оба турецкия флота были соединены, то весьма бы были сумнительны российские в Черном море успехи: следовательно Ламбро Кациони участвовал немало в победах Российских. Невзирая на все сие, сей достойный человек сколько ни оказывал свое усердие к Российской славе и сколько ни делал в пользу оной, был почти с самого начала завидуем и преследуем Российскими начальниками. Зависть побудила с самага начала разделить его силы на три части, из коих отделенныя две части были более ему неприятелями, чем самые турки. Зависть побудила оставить его посреди огня, но он по обыкновенному своему великодушию пожертвовал малыми своими силами к великому неприятелю разорению.

По истреблении большей части его флотилии, коя украсила его великодушие и навела великой страх неприятелю, без замедления приуготовил другую, хотя малую, но храбрыми воинами вооруженную, и свойственным ему благо-

нравием успокоил бывших при нем, ободрял их примером своей храбрости. Но сие не довольно было для снабдения съестными припасами и всеми нужными амунициями, чего без денег получить невозможно, а он от начальников своих не получал никакой помощи, хотя Августейшая монархиня не упустила изъявить и в сем случае известное всему свету Ея щедролюбие. Однако же Кациони, неусыпными трудами не только снабдил флотилию всем нужным, но и делал вспоможения деньгами и разными другими способами Генералу Тамаре, от коего надеялся получить обещанную ему помощь. Уверяясь на сие, приуготовился к войне по приказанию его Генерала Тамары с 2500 человеками, то и неудивительно бы было если бы в таковом положении дел от упущения и negliжирования, его, Г-на Тамара состоящая под команду Кациони 2500 человек, будучи притесняемы неисполнением обещаний, лишились бы всякаго терпения. В то самое время, когда Тамара оскорблял сердца греков постыдным забытием их, прибыл от него в Занте курьер, который привес 12000 талеров и отдал оныя Графу Макри, разглася бутто бы сия сумма следует Ламбру, что было совсем ложно, поелику Г-н Тамара не хотел удостоить Кациония своим извещением. Однако же сия надежда возобновила их человеческое терпение, но как спустя много времени ни чего не последовало, то терпение столь великаго числа воюющих обратилось в отчаянность.

Оныя, сохраняя глубочайшую преданность к милостям и благосклонностям всегда оказываемым Ея Императорским Величеством Греческой нации, и будучи уверены, что Ея Императорское Величество не оставила без Высочайшего благоволения и сие малое число людей, кои всегда верно исполняли свой долг, и не упустят до последней капли крови служить с таковою же верностию, принесли свою жалобу к присылаемым Российским начальникам, кои имея предметом собственной свой интерес, всегда удалялись от исполнения их долга подать помощь и успокоить нацию, которая всегда жертвовала собою за славу Ея Императорскаго Величества, и притом по жестокой ненависти преследовали достойнаго Кациония, который никогда не искал обогатится, но служить своей Монархине и Отечеству.

Всем известно, что Кациони находится в совершенной бедности, и дом его походит ныне более на пастушью хижину, чем на господской дом, вместо того, что он мог бы обогатится так-

же как Г-н Генерал Тамара. С другой стороны сие великое число воюющих и представляющих Греческую нацию надеялось, что при заключении мира будет им доставлено какое-нибудь малое вольное место в награждение ими понесенных трудов, но ни чего для них не сделано, в то время, когда все другия нации пользуются Российскойю протекциею, не имея к тому равных Грекам следуемых прав. При том слезы и воздыхания многих семей, разоренных за славу России, лишившихся тех, кои их содержали, и видя свои имения в руках варваров, не имея при том другаго утешения, как одне только свои слезы, принудили Кацония отмстить пролитую в сию войну кровь их родственников.

И так, оставив всю надежду, коюю Генерал Тамара утешал, имев всегда предметом обмануть, как то явствует из его упущений, решились отмстить неприятелям без посредства Российских начальников, кои ни к чему более не служили, как только ко вреду Грекам, и именем Ея Императорскаго Величества Екатерины вторыя и Ея нации, под Российскими знаками отправляется туда, где может что сделать по своему и при нем находящихся великодушию, не нанося никакого вреда европейским флагам.

Сему может быть уверена вся публика, ибо известно всем дворам, что в прошедшую войну погибло 77-м нейтральных флагов, напротив же того сего года, все плавают в Средиземном море (кроме греческой команды) со всевозможною верностию и многократно от моей флотилии в случае какой нужды получали вспоможения.

Ламбро, отправясь под Российскими знаками и действуя именем Августейшей монархини, уверяет, что он никогда не думает, чтоб сие было противно, но напротив того почитает продолжением службы, испрошенной манифестами Российскаго Императорскаго двора от Греков, и так Греки, кои окропляют собственною своею кровию Российския флаги, не престанут ненавидеть злодея (с коим Россия примирилась) пока не престанут более принадлежать им их на то права, что надеются от милости и правосудия Ея Императорскаго Величества, общей матери.

Перевел переводчик Федор Матюшкин

АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1792. Д. 748. Л. 59–68об.

III. Письмо А. Ипсиланти Александру I от 24 февраля (8 марта) 1821 г.

О ЕГО РЕШЕНИИ ВОЗГЛАВИТЬ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ ГРЕКОВ

—
258 Письмо Александра Ипсиланти императору Александру I от 24 февраля (8 марта) 1821 г. является важным документом греческого национально-освободительного движения. В нем отразилась надежда греческих патриотов, в данном случае не оправдавшаяся, на то, что российский самодержец поддержит освободительное восстание греков. Впервые его опубликовал в 1867 г. австрийский историк и дипломат А. Прокеш-Остен. Он воспроизвел его по копии, хранящейся в венском архиве¹. Все исследователи до сих пор пользовались этой публикацией. Недавно письмо А. Ипсиланти было опубликовано и с оригинала, хранящегося в Архиве внешней политики Российской империи в Москве². Сличение этих двух публикаций показывает наличие нескольких разночтений в публикации А. Прокеш-Остена в сравнении с оригиналом. Следует также отметить, что документ опубликован на языке подлинника — французском, а перевода его на русский в АВПРИ не имеется. Объяснить это можно тем, что фактически французский язык в тот период являлся официальным языком российского МИД'а. Настоящая публикация является первой публикацией письма А. Ипсиланти на русском языке. Перевод письма с оригинала сделан автором.

Государь! Благородные побуждения наций исходят от Бога и нет сомнения, что по божественному вдохновению греки в массовом числе поднимаются сегодня для того, чтобы сбросить ужасное иго, которое гнетет их уже четыре века. Мой долг в от-

¹ *Prokesch-Osten A. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkische Reiche. Wien, 1867. Bd. 3. S. 61–62.*

² *Arš G., Svolopoulos C. Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite. Thessaloniki, 1999. P. 76–78.*

ношении моей родины и последняя воля моего отца настоятельно требуют от меня посвятить себя, вместе с моими братьями, делу столь справедливому — освобождению моей страны.

Государь! Более двухсот обращений, подписанных более чем шестьюстами тысяч имен нотаблей всех классов и провинций Греции, призывают меня прийти и встать во главе их, для того чтобы победить или умереть вместе с ними. Такова клятва, которую мы все дали и которую мы не нарушим.

Я считаю себя обязанным набросать здесь кратко картину того, как греки дошли до их настоящей исходной точки. Несколько лет тому назад тайное общество, имевшее единственной целью освобождение Греции, образовалось в их среде. Численность его быстро увеличилась, и его отделения охватывают ныне все те части земли, где имеются греки. Божественное провидение, защищающее все справедливые дела, благоволило бросить сочувственный взгляд на мою несчастную родину и заколдовало глаза ее тиранов. Они остаются в полнейшей апатии, несмотря на неоднократные предупреждения англичан и несмотря на дух независимости, сильно проявившийся у греков. Политика нынешнего султана, направленная на уничтожение всех пашей, обладавших силой в Румелии, ободрила греков, и война против Али-Паши Янинского довела их энтузиазм до предела. В данный момент капитаны Эпира сражаются с армиями султана, сулюты и парганиоты возвращаются к себе на родину для того, чтобы объявить себя свободными; все горы Греции наполнены бесстрашными защитниками свободы. Морея и Архипелаг пришли в движение, остров Крит восстает, Сербия, Болгария, Фракия и Македония берутся за оружие, Валахия и Молдавия возмущаются; и испуганные турки ищут убежища уже в Константинополе, на вулкане, готовом их поглотить.

Таково, Государь, состояние вещей сегодня в Греции. Я осмелюсь заверить Ваше Императорское величество, что никакая человеческая сила не сможет остановить этот благородный порыв греков и что сопротивление общему мнению нации может только погубить ее навсегда, в то время как, направляя ее энтузиазм, должно надеяться спасти ее.

Оставьте ли Вы, Государь, греков самим себе, тогда как одним словом Вы можете освободить их от самой чудовищной тирании и от ужасов борьбы, долгой и страшной? Божественное Провидение защитит, вне сомнения, наше дело, столь справедливое, но также всё нам говорит, что оно избрало Вас

для того, чтобы положить конец нашим долгим страданиям. Не пренебрегайте, Государь! мольбами десяти миллионов христиан, которые, будучи верны нашему божественному Искупителю, возбуждают тем самым ненависть их тиранов. Спасите нас, Государь! Спасите религию от ее преследователей, верните нам наши храмы и наши алтари, откуда божественный свет Евангелия вышел, чтобы просветить великую нацию, которой Вы правите! Освободите нас, Государь! Очистите Европу от этих кровожадных чудовищ и соблаговолите добавить ко всем тем великим именам, которые дает уже Вам Европейская благодарность, имя освободителя Греции.

—
260 С глубочайшей уверенностью в великодушии Вашего Императорского величества я осмеливаюсь просить Вашего покровительства для моей матери, других моих родных и для семей греков, посвятивших себя своей родине. Я клянусь здесь своей честью, что никто из моих родственников не знал о моих планах.

Я осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское величество соблаговолит предписать, что греческие офицеры, которые захотят покинуть российскую службу для того, чтобы посвятить себя службе их родине, не встретят в этом каких-либо затруднений. Я и мои братья осмеливаемся всепокорнейше просить увольнения со службы Вашего Императорского величества. При всех обстоятельствах нашей жизни, наша преданность Вашей персоне, Государь, будет безграничной.

С глубочайшим почтением, Государь, Вашего императорского величества, всепокорнейший и вернейший слуга

Александр Ипсиланти
Яссы, 24 февраля 1821 г.
[получено] 7 марта 1821 г.

АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1821. Д. 12373. Л. 24об. Автограф.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

—
261

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
Ф. Административные дела. II–11. Оп. 11. Д. 120; IV–12. Оп. 12. Д. 1.
Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 1531, 1685, 1686, 4357, 4383, 5630, 5642, 5643, 5644.
Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 497.
Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 222, 895, 897, 1991, 2316, 2327, 2333, 2339, 4903, 4978, 11342, 11877, 12373; Оп. 469. Д. 128, 221, 222, 238.
Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. Д. 602, 991, 992, 1012, 1044, 1051, 1080, 1117, 1485.
Ф. Консульство в Бухаресте. Оп. 219. Д. 36, 315.
Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. Д. «В» 119; «В» 286; «В» 287.
Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 2563, 3462, 4302.
Ф. Претензии разных лиц к Османской Порте. Оп. 342. Д. 124.
Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. Д. 221, 325.
Ф. Сношения России с Грецией. Оп. 52/2. Д. 738.
Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 89, 91, 556, 562, 653, 748, 1002, 1005, 1073, 1086, 1090, 1359, 1382, 1392, 1403, 1414, 1434, 1450, 1624, 1628, 1669, 2093, 2114, 2301.
Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. Д. 51.
Ф. СПб. Главный архив. I–9. Оп. 8. Д. 1; II–3. Оп. 77. Д. 4; III–5. Оп. 101. Д. 4; IV–13. Оп. 131. Д. 1.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 488; Оп. 2. Д. 197.
Одесский областной государственный архив (ООГА). Ф. 1. Оп. 220. Д. 2; Оп. 249. Д. 40.
Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 557; Ф. 135. Оп. 2. Д. 66. 67.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. ВУА. Д. 873.
Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 15.
Д. 146; Ф. 18. Д. 249.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 958.
Оп. 1. Д. 236.
Библиотека РАН. Отдел редких книг. XVIII в.
Библиотека Куника.
Εθνική βιβλιοθήκη της Ελλάδος. Κατάλογος των χειρογράφων. Н. 238.

— ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

262

- Андриенко В.Г.* До и после Наварина. М., 2002.
Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 1.
Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14, 29.
Арш Г.Л. Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII — начале XIX в. // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.
Арш Г.Л. Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и события // Россия и Греция: история и современность. М., 2008.
Арш Г.Л. Греческий вопрос во внешней политике России (1814–1820) // История СССР. М., 1978. № 3.
Арш Г.Л. Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. // Балканские исследования. М., 1987. Вып. 10.
Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России (1809–1822). СПб., 2003.
Арш Г.Л. Ипсиланти в России // Вопросы истории. М., 1985. № 3.
Арш Г.Л. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8.
Арш Г.Л. Российские консульства в Греции в период правления Екатерины II // Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории. Афины; М., 2008.
Арш Г.Л. Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 2010.
Арш Г.Л. Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море: попытки освобождения Греции (1788–1792) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
Арш Г.Л. Русское правительство и Филики Этерия в 1820–1821 гг. // Etudes balkaniques. Sofia, 1969. № 1.

- Арш Г.Л.* Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. М., 1987. № 2.
- Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.
- Арш Г.Л., Пятигорский Г.М.* Некоторые вопросы Филики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11.
- Брикнер А.Г.* Потемкин. СПб., 1891.
- Белоброва О.А.* О греческой теме в русском искусстве первой трети XIX в. // Балканские исследования. М., 1980. Вып. 6: Культура народов Балкан в Новое время.
- Блокирование Константинополя эскадрой под начальством г-на контр-адмирала Рикорда // Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского величества. СПб., 1830. Ч. VI.
- Броневский В.* Наваринская битва 8 октября 1827 г. // Военный журнал. 1829. № 3.
- Буря и ее действие на фрегат Елисавету под начальством К.Л. Чистякова // Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского величества. СПб., 1830. Ч. VI.
- Василенко О.В.* О помощи России в создании независимого Греческого государства (1829–1831 гг.) // Новая и новейшая история. М., 1959. № 3.
- Век Екатерины. Дела балканские. М., 2000.
- Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998.
- Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774) // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВНР). М., 1976–2005. Т. X, XII, XV, XVI, XVII.
- Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
- Виноградов В.Н.* Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8.
- Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882.
- Вопль греческого народа к европейским христианам // Санкт-Петербургские ведомости. 16 августа 1771. Прибавление.
- Головачев В.Ф. Чесма: экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.; Л., 1944.
- Греки России и Украины / Сост., отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб., 2004.
- Греч Н.* Биография адмирала Петра Ивановича Рикорда // Морской сборник. СПб., 1855. Т. XIX. № 11.

- Григорович Н.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1.
- Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II. 1776–1777 // Сборник русского исторического общества (РИО). СПб., 1914. Т. 145.
- Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972.
- Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980.
- Достян И.С.* Русский участник греческой революции // Вопросы истории. М., 1978. № 4.
- Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л. 1946–1958. Т. 1–2.
- Дружинина Е.И.* Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970.
- Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989.
- Из записок графини Эдлинг // Русский архив. М., 1887. Кн. 1. № 2.
- Из писем А.И. Тургенева к брату его Николаю II. Русский архив. М., 1985. Кн. III, № 9.
- История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004.
- К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского // Русский архив. М., 1876. Кн. 2.
- Китромиллидис П.* Эпоха Просвещения в Греции. СПб., 2007.
- Кокотцев М.Г.* Описание Архипелага и Варварийского берега. СПб., 1886.
- Копия прошения греческого народа к императрице Екатерине II от 6 января 1769 года // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 2.
- Корай А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815.
- Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III. Вып. 7.
- Лазарев М.П.* Документы. М., 1952. Т. 1.
- Маркова О.П.* Происхождение так называемого Греческого проекта // История СССР. М., 1958. № 4.
- Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI.
- Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI.
- Международные отношения 1815–1830 гг. М., 1983.
- Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Мельницкий В.* Адмирал Питер Иванович Рикорд и его современники. СПб., 1856.
- Мосолов К.* Обзорение действий эскадры под начальством контр-адмирала Рикорда в Средиземном море // Морской сборник. СПб., 1855. Т. XIX. № 11.
- Нахимов П.С.* Документы и материалы. М., 1954.

- Николай Михайлович (Романов), вел. князь.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1.
- Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984.
- Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 4.
- Палеолог Г., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867.
- Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1862.
- Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II // Русский архив. М., 1880. Кн. 1.
- Переписка графа Н.И. Панина с графом А.Г. Орловым-Чесменским. 1770–1773 гг. // Русский архив. М., 1880. Кн. 3.
- Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. СПб., 1866. Т. 1.
- Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010.
- Полевой В.М.* Искусство Греции. Новое время. М., 1975.
- Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984.
- Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004.
- Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность. Архивные документы. СПб., 2011.
- Пушкин А.С.* Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 3, 5.
- Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII — первой трети XIX в. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.
- Пятигорский Г.М.* Деятельность Одесской греческой комиссии в 1821–1831 гг. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8.
- Радищев А.Н.* Желания греков к Европе христианской // *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1940. Т. 2.
- Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1.
- Рыкачев А.П.* Год Наваринской кампании. 1827 и 1828 гг. Кронштадт, 1877.
- Сафонов С.* Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1.
- Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. СПб., 1906.
- Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1894. 1895. Вып. VII, VIII.

- Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- Собственноручный журнал капитан-командира (впоследствии адмирала) С.К. Грейга // Морской сборник. СПб., 1849. Т. II. № 10.
- Стаму П.* Офицер Ламброс Кацонис и легкая российская флотилия в Средиземном море. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М., 1994. Кн. 14.
- Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.
- *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976.
- Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
- Стегний П.В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. М., 2002.
- Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Соч. в 12 т. М., 1959. Т. 10.
- Тодоров Н.* Балкански измерения на Гръцкогo востание от 1821. Приносът на българите. София, 1984.
- Трактат о торговле, заключенный в Константинополе между российской Империей и Портою Оттоманской // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXI.
- Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.
- Уляницкий В.А.* Русские консульства за границую в XVIII веке. М., 1899.
- Щерemet В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
- Щпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965.
- Arš G.L.* Capodistria et le gouvernement russe (1826–1827) // Les relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki, 1983.
- Arš G., Svolopoulos C.* Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite (1816–1828). Thessaloniki, 1999.
- Castellan A.* Lettres sur la Morée. P., 1820. Т. 3.
- Coray.* Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce. [Paris, 1803].
- Correspondance du Comte J. Capodistrias, Président de la Grèce. Genève; Paris, 1839. Т. IV.

- Corivan H.* La captivité d'Alexandre Ypsilanti // *Balkan Studies*. Thessaloniki, 1967. V. 8. № 1.
- Dakin D.* The unification of Greece. 1770–1923. L., 1972.
- Fleming D.C.* John Capodistrias and the Conference of London (1828–1831). Thessaloniki, 1970.
- Hösch E.* Das sogenannte «griechische Projekt» Katharins II // *Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas*. N.F. Wiesbaden. 1964. Bd. 12. H. 4.
- Jelavich Ch. and Jelavich B.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Seattle and London, 1977.
- La Garde.* Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. Bruxelles, 1843. V. III.
- Memoir of the life of Admiral Sir Edward Codrington.* L., 1873. Vol. 2.
- Oțetea A.* L'Hétairie d'il y a cent cinquante ans // *Balkan Studies*. Thessaloniki, 1965. V. 6. № 2.
- Panaitescu P.* Corespondența lui Constantin Ypsilanti cu guvernul rusesc, 1806–1810. București, 1933.
- Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche. Wien, 1867. Bd. III.
- Ragsdale H.* Evaluating the traditions of Russian aggression: Catherine II and the Greek Projekt // *Slavonic and East European Review*. L., 1988. Vol. 66. № 1.
- Rulhière C.* Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette republique. P., 1807. T. 3.
- Saint-Sauveur A.-G.* Voyage historique, litteraire et pittoresque dans les îsles et possessions ci-devant vénitiennes du Levant. P., 1800. T. 2.
- Svoronos N.* Le commerce de Salonique au XVIII siècle. P., 1956.
- Thürheim L.* Mein Leben. München, 1914. Bd. IV.
- Vacalopoulos A.* Histoire de la Grèce moderne. Saint-Just-la-Pendue, 1975.
- Woodhouse C.M.* Capodistrias: the Founder of Greek Independence. L., 1973.
- Woodhouse C.M.* Rhigas Velestinlis: The Proto-Martyr of the Greek Revolution. Limni, Evia, Greece. 1995.
- Βαγιακάκου Δ.* Ο Λάμπρος Κατσώνης και η Μάνη. Αθήνα, 1994.
- Βακαλορούλου Α.* Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1973, 1988. Τ. Δ, Η.
- Βρανούσης Λ., Καμαριανός Ν.* Αφανάσιου Ξοδύλου. Η Εταιρεία των Φιλικών και τα πρώτα συμβάντα του 1821. Αθήνα, 1964.
- Γεωργίου Η.* Ο Θαλασσομάχος Λάμπρος Κατσώνης. Αθήνα, 1971. Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1975. Τ. 1Α'-1Β'.
- Κατσαρδη-Hering Ο.* Μύθος και ιστορία. Ο Λάμπρος Κατσώνης, οι χρηματοδότες του και η πολιτική τακτική // Ροδωνία (τιμή στον Μ.Ι. Μανούσακα). Ρέθυμνο, 1994. Τ. 1.

- Κόκκινου Δ. Η Ελληνική Επανάσταση. Αθήναι, 1956. Τ. 1.
- Κουγέα Σ. Συμβολαί εις την ιστορίαν της υπό τούς Ορλώφ Πελοποννησιακής επαναστάσεως (1770) // Η Πελοποννησιακά. Αθήναι, 1956. Τ. 1.
- Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. Αθήναι, 1988.
- Λουλε Δ. Ο ρόλος της Ρωσίας στη διαμόρφωση του ελληνικού κράτους. Αθήναι, 1981.
- Μέρτζιου Κ. Νέαι ειδησεις περί του Λάμπρου Κατσώνη και του Ανδρούτσου // Πραγματεΐαι της Ακαδημίας Αθηνών. Εν Αθήναις, 1959. Τ. 23, αρ. 3.
- Μνημεία της Ελληνικής ιστορίας, 9. Αθηναι, 1975. Τ. Α.
- Πρωτοψάλτη Ε. Νέαι έρευναι περί του Λάμπρου Κατσώνη και των οπαδών του // Δελτίον Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας της Ελλάδος. Εν Αθήναι, 1960. Τ. 15.
- Πρωτοψάλτη Ε. Συμβολή εις την ιστορίαν του Λάμπρου Κατσώνη // Αθήναι. Εν Αθήναις, 1958. Τ. 62.
- Σβορώνος Ν. Η ελληνική οικονομία και κοινωνία // Νεοελληνικός Διαφωτισμός. Αφιέρωμα στον Κ.Θ. Δημαρά. Αθήναι, 1980.
- Σάθα Κ. Τουρκοκρατούμενη Ελλάς. Αθήναι, 1962 (επανεκδόση).
- Φιλήμονος Ι. Δοκίμιον ιστορικών περί της Ελληνικής Επαναστασεως. Αθήναι, 1859–1861. Τ. 1–4.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абердин Джордж 168
Абдул Хамид Хан (Абдул Хамид I), султан 55, 69
Авинов 182
Агмед Хан (Ахмед III), султан 55
Адамопулос А. 25
Александр I 6, 43, 51, 52, 105, 106, 114, 120–123, 125, 129, 133–136, 138–140, 142, 149, 150, 152–157, 159, 161, 215, 225, 227, 228, 231, 232, 258, 259, 264
Амвросиу И. 104
Анастасьев Николай 54, 56
Андруццо 81, 88, 92, 93
Анфим, митрополит 17
Арнет Альфред 48

Б

Базилевич Иван 80, 81
Байрон Джордж 7, 177, 215
Бани А. 56, 64, 68
Барков Г.М. 29
Безбородко А.А. 39, 43, 45, 75, 80
Белоброва О.А. 231
Бенаки, семья 32
Бенаки Л.П. 26, 31, 32, 54, 65, 92
Бенакис Панайотис, Бинакий 15, 21, 23, 26, 29, 31, 32
Бенардаки Г. 120

Бицилли Джика 14, 15
Богданович 182
Божур Ф. 68
Бонапарт Наполеон 134, 179
Бремон И. 23
Брюллов А.П. 231
Брюллов К.П. 231
Букувал Ян (Букувалас) 14, 19
Булгаков Я.И. 55, 62, 63, 67, 70, 71
Булгари Евгений (Вулгарис) 39, 40, 239
Булгари М.Н. 171, 215–224
Булгари Н. 216, 217
Булгари Я.Н. 217, 218
Булгари, семья 216, 217.
См. также Булгари Н.,
Булгари М.Н., Булгари Я.Н.
Буренев Ч. 182
Бутенев А.П. 235

В

Вакалопулос Апостолос 172
Варвакис Иоаннис 111
Велестинлис Ригас 108, 141
Веллингтон Артур Уэлсли 164, 167–169, 173, 215, 222
Вигель Ф.Ф. 229
Витгенштейн П.Х. 134
Владимиреску Тудор 147, 157
Власопуло И.И. 203
Войнович И.В. 55, 61–63, 116

Волконский С.Г. 140
Вольтер Франсуа Мари 40
Воронцов А.Р. 121

Г

Гамильтон-Сеймур Д. 51
Ганнибал И.А. 29, 30, 180, 242
Гаррис Джеймс Говард 42
Гастфер К.Г. 217
Гатески Ф. 56, 64
Гейден Л.П. 171, 179, 180, 181,
183, 184, 189–191, 193

Георг IV 184
Герцен А.И. 236
Гёте Иоганн Вольфганг 177
Гибс С.С. 80, 81
Гийемино Арман Шарль 168,
171, 172, 220

Гика Страти 240
Голицын А.Н. 150, 163
Голицын Ф.С. 42
Головнин В.М. 188
Гордон Роберт 171, 172
Грейг С.К. 48, 78
Греч Н.И. 214
Григоракис Дзанетос 91, 92
Григорий, митрополит 148
Григорий V, патриарх 148, 149, 161
Гурьев Д.А. 135
Гюго Виктор Мари 177
Гюгон 209, 210

Д

Давыдов Д.В. 139
Дашков Д.В. 199, 222
Дедем, ван 253
Дерibas О.М. 98
Джаниб-эфенди 126
Джика Антон 32, 239–242, 251
Дибич И.И. 172
Димитрия (Димитракина) 22

Долгоруков П.В. 29
Доукинс Эдвард 171
Драгумис Николаос 205, 207

Е

Екатерина II 8, 12, 13, 15, 17,
18, 20–30, 35–54, 62, 71, 73,
77–80, 82, 84, 85, 90, 91, 93,
96–100, 116, 119, 121, 122,
240, 241, 242, 257
Елманов А.В. 190

Ж

Жудро 14
Жуковский В.А. 229, 232, 235

З

Заборовский И.А. 79–81
Зубов П.А. 94

И

Ибрахим-паша 164, 166, 168,
178, 184, 207, 218
Иван III 35
Игнатий, митрополит 143
Инглезис Димитриос 110
Инзов И.Н. 152, 229
Иосиф II 44, 45, 47, 48, 51, 80
Ипитис Петрос 112
Ипсиланти Александр 8, 110–114,
131–161, 163, 215, 226, 258–260
Ипсиланти Георгий 135, 157, 158
Ипсиланти Дмитрий 135, 157, 158
Ипсиланти Елизавета 138
Ипсиланти Константин 132–139
Ипсиланти Николай 135, 141,
157, 158
Ипсиланти, семья 133–138, 140,
145, 153, 160, 225. См. также
Ипсиланти Александр,
Ипсиланти Георгий,
Ипсиланти Дмитрий,

Ипсиланти Елизавета,
Ипсиланти Константин,
Ипсиланти Николай
Истомин В.И. 182, 183
Италинский А.Я. 121–123

К
Каллергис Димитриос 208
Каллимахи С. (Каллимахис
Скарлатос) 154
Канакарис Роди 65
Канарис Константинос 202
Каннинг Джордж 162
Каннинг Чарльз Стрэтфорд
169, 215, 220
Кантакузин Г.М. 111, 152
Карамзин Н.М. 227, 229, 232
Карамзина Е.А. 227
Кара Мустафа (Кара Мустафа-
паша) 250
Каподистрия Августин
(Каподистриас Августинос)
205, 206
Каподистрия Иоанн, Барбо
Иани 8, 104, 105, 141, 142, 146,
152, 154, 165, 166, 168–171,
174, 175, 185, 187, 195–198,
200–236
Каподистрия, семья 227
Каракалос Анфимос 30
Карл V, император 245
Касимис Н. 84
Каслри Роберт Стюарт 228
Кастелан А. 23
Катакази Г.А. 225
Каццарди-Херинг О. 75
Кацони Мария 82, 94
Кацонис Ламброс, Ламбро
Кациония, Кацони 8, 48–
50, 73–97, 120, 251–257
Кацонис Ликург 95
Кипренский О.А. 231

Киселев П.Д. 138, 139, 144
Кодрингтон Эдуард 179, 180,
183, 184
Коккинос Дионисиос 130
Колеттис Иоаннис 211
Коллингвуд Кетбейт 191
Колокотронис Теодорос 210, 211
Комнин Христофор 54, 65, 67
Константин, великий князь 41,
42, 44, 48–52, 78, 86, 90, 99
Константин XI, византийский
император 35, 42, 99 —
Кораис Адамантиос 34, 71 271
Корнилов В.А. 182
Кочубей В.П. 93
Кротов 196
Кревата Панайоти 54–59, 66,
68, 69
Крюднер Б.Ю. 139
Куманидис С. 252, 254
Ксантос Эммануил 109, 110, 142
Кумбарис Александр 110
Кундури С. 120
Кундуриотис Георгиос 104

Л
Ла-Бретоньер 183
Лагард А. де 141
Лазаль Ж. 86
Лазарев М.П. 179, 182
Лайонс Эдмунд 200–202
Лаланд Жюльен 200, 201
Ланжерон А.Ф. 98, 106, 112, 152
Лассанис Георгиос 160
Лекен, ван 193
Леопольд, принц Саксен-Кобург-
ский и Готский 173, 174
Леопольд II, император 47
Ливен Х.А. 164, 168, 170, 173,
203, 205
Лоренцо Гульельмо 79, 87
Людвиг I, король 174

М

Мавроенис Димитриос 63
 Мавроенис Николаос 63
 Мавромихалис Георгиос, Мавро-
 Михайло 16, 18, 20, 25, 27, 29
 Мавромихалис Иоаннис 20
 Мавромихалис Стефанос 25,
 31, 32
 Мавромихалис Петробей 204
 Мавромихалис Петробей,
 семья (сын Георгиос, брат
 Константинос) 197, 204
 Маврос Александр 110
 Мазаев В.И. 10
 Макри 256
 Макрипули 14
 Малькольм, сэр Пултней 171
 Мандука Димчо Теодори 70
 Мано Александр 137
 Мано Георгий 137
 Мано Иоанн 137, 142
 Мано Ралу 137
 Мано, семья 137, 142
 Мария-Терезия, императрица
 44
 Маршеско А. 130
 Маркова О.П. 45
 Матушевич А.Ф. 170, 173
 Матюшкин Федор 257
 Махмуд II, султан 164, 167, 172,
 178
 Мейендорф П.К. 158
 Мелиса И. 120
 Мельников Д. 57–59, 67, 70
 Мемиси-ага 16
 Меншиков А.С. 194, 196, 202, 203
 Мещерский В. 79
 Меттерних Клеменс 228
 Миаулис Андреас 199–202
 Миних Б.К. 36
 Минчаки М.Я. 68, 125, 127–129,
 138

Мордвинов Н.С. 75
 Моцениго Д. 77
 Мустафа-бей 64
 Мухаммед Али 164, 178
 Мэзон Н. 168

Н

Нахимов П.С. 182
 Нельсон Горацио 179
 Нессельроде К.В. 125, 126, 128,
 164, 167, 170, 172, 189, 190,
 193, 195, 198, 204, 208–213,
 217, 220–222, 224, 231
 Николай I 7, 51, 139, 157–159,
 165, 167, 169, 171, 173, 175,
 181, 183, 189, 190, 193, 203,
 213, 216, 221, 222, 224, 233,
 234
 Никольский 185

О

Обренович Милош 147
 Олсуфьев А.В. 17, 20
 Орлов А.Г. 12, 25–28, 30–32, 37,
 38, 63, 240–243
 Орлов А.Ф. 138
 Орлов Г.Г. 11, 20
 Орлов М.Ф. 138–140
 Осман-ага 64
 Оттон, король 174, 205, 206, 212,
 213, 225

П

Павел I, Павел Петрович 36, 46,
 50, 95, 120, 121, 243
 Пагано Ф.М. 241
 Палагино Иоанн, Джиован
 12–14, 16–20, 22, 23, 28
 Палеолог Зоя (Софья) 35
 Палеологос Лемонис 109
 Пангалос Н. 50, 81
 Панин В.Н. 217, 218, 221, 223, 224

Панин Н.И. 12, 13, 21, 27, 28,
30, 38
Папазоли Георгий 11–17, 19,
20, 23
Паппас Аристидис 147
Перикл 236
Перревос Христофорос 147
Пестель П.И. 226
Петр I 36
Петр III 36
Петров В.П. 42
Петушин И.И., Иван Иванов,
сын Петушин 12, 27, 28
Пизани А.Н. 118
Пини А.А. 136, 151
Платон 130
Поликарп, патриарх 148
Потемкин Г.А., Потемкин
Таврический 43, 74, 78, 79,
84–87, 90, 91, 99, 116, 117,
119, 255
Полиньяк Огюст 170
Прокеш-Остен А. 149, 258
Пряхин Ю.Д. 74
Псаро А.К. 77, 87
Пузырей Ю.А. 10
Пустошкин П.В. 95
Пушкин А.С. 29, 98, 177, 180,
226, 229

Р

Радищев А.Н. 8, 243
Раевский Н.Н. 140
Раевский, семья 140
Разумовский 136
Райко Н.А. 208
Рейнеке М.Ф. 182
Репнин Н.В. 87
Рикман П.И. 213, 225
Рибопьер А.И. 168
Рикорд Жан-Батист (Иван
Игнатъевич) 187

Рикорд П.И. 8, 185, 187–214
Риньи Анри де 179
Ришелье А.Э. 98, 122
Руэн Аший 211
Рюльер К. 21
Руссос Бензелло 65
Рыкачев Александр 179, 180, 185

С

Саро Манолис (Манолакис)
11–16, 19, 20, 23
Сарфатий Лиезер 70 —
Сатас Константинос 74
Свербеев Д.Н. 230, 233 273
Свинкин 182
Свиньин П.П. 230
Селим III, султан 51
Сенковский О.И. 106
Серафинос Теодорос 110
Сенявин Д.Н. 179, 180, 187, 190
Скуфас Николаос 109
Скуфос Николаос 209
Соловьев С.М. 11, 12, 30
Софианос Петр 82
Спиридов Г.А. 25, 30, 36, 38, 187
Сталь А.Л. де 139
Стаму П. 252, 253
Станиславская А.М.9
Стахийев А.С. 33, 117, 118
Стафа 14
Строганов Г.А. 125, 126, 128,
129, 135–138, 144, 145, 147,
151, 154, 156, 161, 199, 234
Стурдза Р.С. (Эдминг) 134, 141
Суворов А.В. 52
Сумароков А.П. 42
Суццо, Суцос Михаил, Суц
Михаил 145, 149, 225, 226

Т

Талейран-Перигор Шарль
Морис 228

- 274
- Т**
Тарле Е.В. 12, 27
Татищев Д.П. 157, 158, 160
Темели Абрамос 70
Томара В.С., Тамара 21–23, 84,
86, 88, 91, 94, 251, 256, 257
Туманский Ф.О. 42
Тютчев Ф.И. 225
Тургенев А.И. 234
Турилова С.Л. 10
Турнавити Г. 61, 63
- У**
Ушаков Ф.Ф. 94, 180, 187, 216
- Ф**
Фемистокл 130
Фериери П.А. 49, 80, 86
Фикельмон Д.Д. 226
Филимон Иоаннис 111
Франкини Ф. 126
Франц I, император 157
Фридрих II, король 45, 47
Фридрих Вильгельм II, король 47
- Х**
Хаджи Лемак-ага 192
- Хаджи Мурат 23
Хасан-паша Джезаирли 63, 65
Хвостов А.С. 88, 92, 254
Хейтсбери Уильям (Э'Корт)
210, 222
Хемницер И.И. 61
Хрущев 182
Хюсейн, капитан-паша 92
- Ц**
Цакалов Афанасиос 109
- Ч**
Чёрч Ричард 219
- Ш**
Шатобриан Франсуа Рене 139
Шпалькгабер К.О. 60, 66–69, 71
Шувалов Р.А. 109
- Ю**
Юсуф-ага 65
Юсуф-бей 64
- Э**
Эльфинстон 30

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- А**
Абукир 182
Австрия, Австрийская империя 38, 43, 44, 47, 74, 107, 108, 113, 131, 156, 160, 162, 164, 239
Адрианополь (Эдирне) 172, 223
Адриатика, Адриатическое море 23, 146
Азов, Азовское море 36, 100, 101
Акарнания 29, 87
Акрополь 166, 178
Албания 44. См. также: Северная Албания, Химара (Южная Албания)
Албешти 136
Александровка 100, 102
Анатолия 102, 190
Андрос 56, 69, 82, 83, 87
Англия, Великобритания 43, 47, 157, 160–162, 164, 167–175, 177, 179, 185, 188–190, 193, 198, 199, 205, 211, 215, 216, 221–223, 234
Арголия (Арголида) 195
Аргос 205, 206, 221
Арта 53, 168–170, 174
Архипелаг 11, 30, 31, 33, 44, 45, 53, 54, 59, 61–64, 74, 78, 79, 81–87, 91, 95, 97, 103–105, 115–118, 124–127, 146, 166, 242, 255, 259
- Аспропотамос 173
Аттика 29, 196
Афины 42, 57, 59, 111, 197
Афумацы 136
- Б**
Балаклава, Балаклавский греческий батальон 32, 99, 101, 102, 106
Балканы 15, 23, 24, 35, 37, 39, 40, 46, 51, 53, 70, 79, 109, 143, 153, 161, 171, 215, 230, 242
Балтика 36
Балтский уезд Подольской губернии 135
Белград 44
Бендеры 249
Бессарабия 44, 101, 151, 152, 156, 229
Ближний Восток 36, 40, 99, 161, 164, 215
Болгария 44, 153, 189, 259
Босния 93
Босфор 129, 193
Буг 44
Бухарест 132, 152, 156
- В**
Валахия 44, 113, 132, 133, 136, 137, 147, 152–156, 259

* Греция и Россия в указатель не включены.

Вена 19, 44, 74, 86, 131, 134, 141,
157, 158, 160, 249
Венеция 13, 15, 16, 17, 21, 44,
84, 93, 239, 240
Верона 157, 215
Византия (Византийская
империя) 41, 236
Витило (Итило) 11, 28
Волос 57, 168–170, 174
Восточное Средиземноморье
30, 59, 61, 121
—
Вранца 136

276

Г
Галата 136
Галац 145
Германия 134, 232, 250

Д
Дакия 44
Далмация 44, 93
Дарданеллы 87, 169, 185, 189–193,
214, 249
Днестр 44
Додеканесы 76
Дрезден 134
Дрэгшани 113, 157
Дулцинь (Улцинь) 76
Дунай 100, 101, 147, 153
Дунайские княжества 111, 113,
131, 133, 136, 144, 151, 156,
161, 189, 226. См. также:
Валахия, Молдавия.

Е
Евпатория 54, 99, 102, 114
Европа 7, 23, 25, 28, 32, 33, 39, 40,
43, 44, 50, 107, 129, 156, 161,
173, 175, 177, 184, 197, 216, 222,
228, 232, 233, 239, 241, 243,
244, 247, 249, 253, 260
Европейская Турция 57, 222

Египет 45, 191, 218
Екатеринославская губерния 122

Ж
Женева 232, 233

З
Занте (Закинф) 65, 77, 252, 256
Западная Европа 59, 60, 104, 105, 162
Зейтуни (Ламия) 57
Зея (Кея) 56, 69, 81–83, 255
Зимница 137

И
Идра 61, 62, 104, 122, 124, 125,
128, 129, 197, 200–203, 205, 215
Измаил 101, 110, 114
Ионическое море 53, 73, 76, 77, 84, 94
Ионические острова 65, 185, 216,
217, 222
Испания 161, 217, 240
Истрия 44
Итака 84, 87, 88
Италия 21, 25, 26, 98, 157, 161,
227, 240–242

К
Кавказ 230
Каводорос (Кафиреос) 82
Кайо. См. Порто-Кайо
Каламата (Каламе) 16, 17, 21
Каламос 82, 91
Камчатка 189
Кандия, Скандия (Ираклион) 64,
245, 249
Канея (Ханья) 64, 66
Касос 62
Кастель-россо (Кастело-ризон) 76
Кефалиния 13, 53
Керчь (Пантикапей) 97
Керчь и Еникале 99, 101
Киев 133, 134, 135, 138, 140, 142, 144

Кипр 44, 249
Киклады 62
Кишинев 111, 144, 147, 226, 229
Клеве 243
Колентина 152, 154
Константинополь (Царьград, Стамбул) 24, 33, 36, 41, 42, 44, 62, 65, 67, 69, 70, 83, 85, 88, 92–94, 104, 109, 110, 117, 118, 120, 121, 123, 125, 127–129, 131, 132, 137, 138, 144, 146–149, 151, 153, 161, 167, 168, 171, 172, 174, 185, 189–193, 199, 215, 220, 235, 252–254, 259
Контесо 193
Коринфский перешеек 195
Королевство Обеих Сицилий, Неаполитанское королевство 240
Корон (Корони) 23, 30, 54
Корфу (Керкира) 19, 32, 53, 54, 65, 92, 94, 185, 206, 216, 217, 227, 228
Крит, Кандия 29, 44, 53, 57, 60, 62, 64, 66–69, 71, 115, 169–171, 195, 196, 218, 221, 223, 259
Кронштадт 25, 28, 36, 78, 179, 189, 214
Крым 43, 45, 46, 54, 95, 99, 101, 114
Ксеромеро 14
Кулевча 171
Курильские острова 188

Л
Лайбах (Любляна) 149, 152, 231
Ларисса (Лариса) 247
Левант 61
Ливадия 57
Ливорно 19, 241, 242
Локрида – Беотия 74
Лондон 42, 157, 160, 164–170, 173, 177, 178, 184, 188–190, 193, 216, 224

М
Мадрид 217
Македония 44, 59, 64, 68, 193, 219, 259

Малая Азия 33, 63, 76
Мальта 19, 77, 189, 190, 221
Мани (Майна) 11, 13, 15–20, 22, 25, 28, 29, 31, 49, 65, 66, 88, 91, 92, 197, 203, 204
Мариуполь 99, 101, 105
Маратониси 197
Марица 193
Матапан 91
Месолонги 164, 166
Миконос 53, 60, 62, 63
Моац 249
Мирчешти 136
Модон (Метони) 30, 31
Моисия-маре 136
Молдавия 44, 101, 110–113, 132, 136, 137, 145–147, 152, 153, 156, 226, 259
Морея. См. Пелопоннес
Москва 9, 74, 99, 109, 144, 258

Н
Наварин 29, 30, 31, 178, 180, 182, 184, 185, 189, 218
Навлиия (Навлион) 64, 204, 206–213
Неаполь 150, 241, 243
Негропонт (Эвбея) 53–59, 64, 66, 68, 69, 82, 168, 196
Нидерланды 38
Николаев 45, 100, 115
Ницца 187
Новороссия, Новороссийский край 41, 45, 51, 97–99, 102, 103, 105, 112, 119, 122, 123

О
Одесса 98–115, 125, 141, 144, 161, 163, 197
Оргеево 112, 113
Османская империя, Оттоманская империя, Турция 9, 15, 20, 23, 24, 27, 33, 36, 39–41, 43, 45–47, 49–51, 53–55, 57, 60,

—
277

64, 70, 72, 86, 89, 91, 94, 95, 97,
101–103, 107, 117, 121, 124, 126,
129, 132, 136, 147, 148, 151, 162,
163, 167, 169, 172, 177, 189, 190,
195, 222, 223, 240, 248, 253

Отранто 249

Очаков 44, 47, 254

П

Падуя 227

Париж 150, 166, 226, 234

Патры 53, 64, 65, 67, 148

Пелопоннес 12–16, 18, 19, 21, 22,
26, 28–34, 36, 37, 49, 54, 60,
64, 65, 67, 88, 91, 146–148, 155,
161, 166, 194, 197, 207, 210

Петербург 12, 15, 17, 20, 28, 29,
37, 40, 44, 46, 49, 74, 86, 93–95,
99, 119, 128, 133–135, 141–144,
156, 164–166, 172, 174, 184, 189,
210–213, 215, 217, 220–223,
225–229, 232–234, 242

Пиза 25

Польша 68

Порос 168–170, 185, 194, 198–203,
215, 219

Порто-Кайо, Кайо 90–93

Проливы 119, 161. См. также:
Босфор, Дарданеллы

Пруссия 45, 164, 243

Псара 62, 124, 128, 129, 130

Р

Рагуза (Дубровник) 77, 243

Республика Семи Соединенных
островов, Ионическая респу-
блика 9, 121, 141, 227, 228

Ретимно 64

Родос 53, 57, 61, 63, 64, 249

Румелия (Центральная Греция)
57, 58, 64, 81, 92, 93, 193, 196,
210, 259

С

Салона (Амфисса) 57

Салоники, Фессалоника 53, 57–59,
64, 67, 70, 247

Самос 53, 56, 60, 63, 64, 115, 169,
170, 195, 223

Санторин 53, 54, 56, 60

Саросский залив 193

Севастополь 45, 99, 102, 182

Северная Албания 44

Северное Причерноморье, При-
черноморье 41, 97–103, 110,
116, 124

Северные Спорады 62, 63

Сенигалия 23

Сербия 44, 153, 259

Сибирь 8, 229

Симферополь 99, 102

Сицилия 88

Скарпанто 76

Скиатос 56

Скирос 56, 69

Скопелос 56, 69

Скуляны 113

Смирна (Измир) 49, 61, 80, 130,
191, 193, 247

Соединенные Штаты Америки
7, 162, 177, 208

Соловки 229

Спалат (Сплит) 93

Спарта 13, 89

Сперхиос 173

Специя (Спеце) 62, 122, 124, 125,
128–130, 209, 212

Средиземное море, Белое море
13, 15, 20, 24, 26, 48–50,
73, 78, 79, 81, 84, 87, 91, 94,
97, 115, 130, 169, 179, 185,
189, 190, 194, 200, 213, 251,
253–255

Ставучаны 36

Сфактерия 178

—
278

Т

Таврическая губерния 122
 Таганрог 60, 100, 111, 114, 115, 197
 Тасос 192
 Тенедос (Бозджиада) 190, 192
 Тёплиц (Теплице) 134
 Терапия 137
 Терезиенштадт (Терезин) 157
 Тихий океан 188
 Тоскана (Великое герцогство
 Тосканское) 242
 Трансильвания 113, 156, 239
 Трафальгар 182
 Трезен (Трезина) 165
 Триест 19, 74, 75, 79–81, 87, 88, 94
 Триполи 14
 Турция. См. Османская империя.
 Тырговиште, Тырговиште-
 Кымпулунг 154–156

У

Улуица 136

Ф

Фанар 132, 133, 137
 Фессалия 19, 29, 219, 220, 223, 247
 Феодосия 99, 102, 114
 Фивы 57
 Флоренция 77
 Фракия 259
 Франция 38, 43, 45, 47, 59, 60, 71,
 92, 121, 123, 133, 160, 164, 167–
 171, 173, 175, 177, 179, 188, 189,
 194, 197–199, 205, 207, 211, 216,
 217, 221, 223, 228, 232, 234

Х

Халкис (Халкида) 57, 64, 66
 Херсон 45, 60, 94, 99, 100, 110, 115
 Херсонская губерния 122
 Химара (Южная Албания) 13, 14,
 19, 240, 241

Хиос 30, 53, 56, 59, 60, 63, 64, 68, 115
 Хотин 44

Ц

Центральная Европа 47, 107
 Цериго (Китира) 83, 92, 93

Ч

Черниговская губерния 136
 Черногория 13
 Черное море 8, 9, 33, 36, 37, 40, 41, 61,
 63, 73, 74, 85, 97, 100, 102, 114–116,
 119, 124, 125, 127, 130, 146, 255
 Чехия 157

Ш

Швейцария 165, 232, 233
 Швеция 48, 50

Э

Эгейское море 48, 53, 60, 62, 73,
 80, 84, 91, 92, 194
 Эгейские острова 56–58, 62, 63,
 124, 129. См. также Архипелаг
 Энейский залив 193
 Энос (Энез) 193
 Эпир 14, 19, 29, 65, 94, 150, 218,
 219, 223, 259

Ю

Юго-Восточная Европа 10, 162
 Южная Албания 14, 223, 240.
 См. также: Химара.
 Южная Европа 58, 79, 124
 Южная Россия 98, 101, 105, 106,
 110, 111, 113, 114

Я

Ямпольский уезд Подольской
 губернии 135
 Япония 188, 192
 Яссы 87, 132, 136, 145, 147, 148,
 150–152, 260

—
279

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Григорий Львович Арш

РОССИЯ и БОРЬБА ГРЕЦИИ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ:
от Екатерины II до Николая I

Очерки

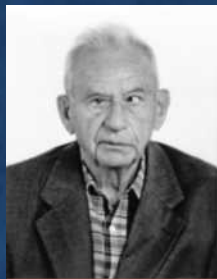
Издательство «Индрик»

Оригинал-макет *А. С. Старчеус*
Корректор *А. Макарова*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
19,5 п. л. Тираж 500 экз.

Григорий Львович Арш

(21.11.1925, Архангельск), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, специалист по новой истории Албании и Греции. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной Звезды и медалями. В 1951 г. окончил исторический факультет ЛГУ. В числе проблем истории Новой Греции, которыми он занимается главным образом на основе неопубликованных архивных материалов, — греческое национально-освободительное движение и революция 1821–1829 гг., русско-греческие политические и общественные связи, пребывание в России в эмиграции видных греческих деятелей. Автор более 190 научных работ, в т. ч. шести монографий, три из которых переведены на новогреческий язык. Г.Л. Арш — почетный доктор Афинского университета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»